

Леонид Хлямин

САМОАПОЛОГИЯ

Тексты-2

Денис Пиджаков

**ЖИЗНЬ ОДНОГО
ЧЕЛОВЕЙНИКА**

Леонид Хлямин

САМОАПОЛОГИЯ

ТЕКСТЫ-2

Денис Пиджаков

ЖИЗНЬ ОДНОГО ЧЕЛОВЕЙНИКА

(СИ)
LPF
Волгоград. Рос.
Х.Л. 2.
Д.П. 1.

Тексты публикуются в авторской редакции

Хлямин Л., Пиджаков Д.

Самоапология. Тексты-2. Жизнь одного человекника. – Волгоград, «Lost Poetry Front», 2016. – 269 с.

Леонид Хлямин (р.1986) – волгоградский поэт, слэмер, один из основателей движения «Lost Poetry Front», автор книги «Короткие истории».

Денис Пиджаков (р.1991) – волгоградский поэт, слэмер, музыкант, лидер панк-группы «ВЗА Волжанин».

Реальность в произведениях данных авторов всегда актуальная, и не терпит компромиссов, вымысел всегда похож на правду...

Новая книга написана в соавторстве. Ее главные герои – неустроенные поэты, живущие «по ту сторону» социума.

Место действия – Волгоград, Краснодар, Санкт-Петербург и другие города России.

Главная сюжетная линия книги – жизнь отдельно взятых героев провинциального города.

СОДЕРЖАНИЕ

Леонид Хлямин

САМОАПОЛОГИЯ.....	6
КАТЯ.....	140
В ДВУХ ФРАЗАХ.....	170
NO SHELTER.....	192
ПЛИТОЧКА.....	202
ПРО ТОВАРИЩА БАУЛИНА.....	204

Денис Пиджаков

ЖИЗНЬ ОДНОГО ЧЕЛОВЕЙНИКА.....	206
-------------------------------	-----

*Все описываемые события и
литературные персонажи
в данной книге – вымышленные;
то есть – эти события
никогда не происходили и персонажи
не существуют,
а любые совпадения с реальными
личностями абсолютно случайны.*

Авторы

Леонид Хлямин

САМОАПОЛОГИЯ

Я ему расскажу, как жил один человек...

«Никритин»

А. Родионов

1

(Сейчас я вам расскажу, как он живет).

Вы хотели знать?!

Примерно так:

- Вы женаты? – спрашивают.

- Да, - соврал я. Тот факт, что ты женат, обычным людям внушает некоторое дополнительное доверие к тебе. А потом, исходя из их неглубокого мировоззрения, - им надо чтобы ты был женат, так как они считают, что в твоём возрасте уже давно пора быть женатым. Пора, и все тут.

Я так врал уже не единожды, - лишь бы от меня в определенных случаях побыстрее отъебались. Этот вопрос задают в основном мужчины в возрасте. Женщины задают этот вопрос гораздо реже. По крайней мере,

лично мне. Но тоже любят задавать, конечно. Нет, пожалуй, здесь нет никакого алгоритма действий. Все задают этот пизданутый вопрос вне зависимости от пола. Как правило, только в зависимости от интеллекта. И мужики и женщины задают одинаково.

Мне легче ответить, что - да, и гораздо сложнее взять и вдруг начать объяснять свою позицию, на которой я на самом деле стою, начать рассказывать о том, как я не люблю всякие «ваши ценности» с самого своего детства; как я не люблю вообще - «ваше» и т.д. А потом – зачем мне настраивать тем самым людей против себя. Мне этого не надо. Я давно выбрал такую политику – стараться жить с людьми в относительном согласии и мире. Так проще и лучше. Глупость людская прекрасна. Я в свою очередь тоже прекрасен в своей глупости. Для других же она тоже в чем-то должна быть выражена. Это точно.

Не помню, кто мне сказал когда-то: «Зачем тебе что-то доказывать? Не надо этого делать»

(Или так всем говорят?)

Все правильно. С людьми – соглашайся, или лучше делай вид, что соглашаешься. Они это любят. Им больше ничего не надо от тебя, лишь бы ты согласился с чем-либо исходящим от них. Тогда будешь для всех этих козлов хорошим.

***

- Вы женаты?

- Да, - невозмутимо отвечаю.

Людам надо чтобы ты был как они примерно: чтобы ты был женат, стремился к достатку, копил на машину, и прочее и прочее. Чтобы ты уже растил детей, как они. Надо чтобы ты был им понятен. Не понятен – значит подозрителен.

Ну не буду же я говорить всю правду. Да и не поверят, скорее всего, подумают, что я шучу там, или издеваюсь, может быть. А я – издеваюсь, бывает. Скажу какую-нибудь хуйню с серьезным видом – и люди ведутся.

Это прекрасно – нести всякую хуйню. Сказал чушь – и уже день не зря прожил; сразу настроение поднялось. Не я один руководствуюсь этим правилом. Некоторые мои единомышленники и товарищи тоже так думают. Мы же вместе по жизни ебланим. Много лет.

Люди хотят слышать серьезные вещи, и базарить – по делу. А ты ему – р-р-раз! Какую-нибудь херь ввернул в разговоре, и он стоит глазами хлопает, или смущенно так, пряча взгляд, тянет: «Н-ну д-да... Да, понимаю... Это-то понятно...»

Хотя, он никуя ничего не понимает. И пусть не понимает.

«Я отпущу длинные волосы, и буду их опускать в кал», - сказал как-то мой приятель.

Люди охуели, которым он это сказал.

Потом спрашивали его, мол, правда ли, что ты так будешь делать?! А приятель уже и не помнит, что он это кому-то говорил.

Словесно выбивать из равновесия – это круто. А еще круто, помимо всякой чуши, говорить людям неприкрытую правду. Просто как есть. Это тоже обескураживает.

А я могу сказать правду. Я много чего могу сказать.

Могу сказать, что я в свои двадцать восемь не имею никаких внятных стремлений; да никогда и не имел, наверное. У меня нет совершенно никакого жизненного плана. А если таковой и имеется, то он начертан где-то в моем несуществующем измерении, где-то в глубинах дхармы, там, где до него и не долезешь, не доползешь. Какой план?! Жизненный план – это не про меня.

Могу еще рассказать, как я покупаю в киоске поштучные сигареты по пять рублей штука, (теперь уже по шесть), и что иногда их беру в долг у тетеньки-киоскерши. Но это если работает добрая продавщица, а если работает злая – то она всегда со мной грубо разговаривает, а я с ней все равно вежливо, - мне же еще не раз сюда к ней идти. Я уже много лет так хожу. Лет двенадцать. А что смеетесь? Да, так и есть. Все хожу. Вы, наверное, уже

многого достигли за эти двенадцать лет. А я все хожу в один и тот же киоск, за сигами.

Продавщица не любит мелочи в десять копеек и злится. Прошлый раз отказала. А я сказал ей: «Что уже Вы изъяли лично из оборота эти деньги?»

«Какой грамотный...», - ответила она с досадой, и в то же время она этими словами хотела меня задеть.

Не получилось. Продала.

Поштучно я беру, потому что часто у меня нет никуя денег даже на пачку, да и киосков, где продают поштучно – осталось очень мало. Это уже своего рода привычка – приехать на конечную остановку, и купить поштучно, ну или пачку сразу. Если есть на что.

Могу рассказать, как я пью на улице из баклажек в любое время года разливное. Зимой и летом, весной и осенью. Если на улице ледниковый период – то я в подъезде. А когда у меня есть деньги, я люблю шиковать, как и любой современный крепостной раб – я звоню одному из своих дружков, и мы идем бухать в какой-нибудь приличный кабак, со всеми вытекающими последствиями. У меня вся жизнь последних лет так проходит. Можно, конечно, еще зайти в магазин «Квадрат» и там купить по акции какой-нибудь бурды, если она есть; взять какой-нибудь «шмурдяк», или как говорит мой друг – купить «зимбуру». Мне понравилось это слово. «Александровское» подкрашенное вино такое – самая, что ни на есть зимбура. Еще портвейн в баклажках, типа «Три топора» или «Портюша» - приятель один его очень любит пить. Ну уж всякие «Блэйзеры» и «Игуаны» сам Бог велел. Только я их не употребляю. А вот друг мой другой – вполне. Да если я пью с ним весь вечер, то и я могу хлебнуть его дряни и мути, - чего уж там.

Мы главные герои если не города, то улицы Порт-Саида точно. Стихотворение с данными словами у меня имеется. Я вам его еще не зачитывал?

Почти все мои бывшие друзья женаты, а подруги вышли замуж. И теперь я все реже и реже слышу их голоса даже в телефоне. Мы и не

видимся. Зачем нам видаться, - это нормально: у всех своя жизнь, а каждый, видимо, ею распоряжается по-своему, как может, - сказал кто-то из них же не так давно. Я, свою жизнь либо еще не начинал, либо уже давно проебал. Я - не знаю. Я не хочу об этом думать. Я так много раз об этом думал, что просто устал. Видимо семейное счастье и прочее - это не для таких инфантилов как я. Работа и достаток – тоже. У вас возможно уже сложилось мнение, что я лентяй и бездельник, но это не так. Я всего лишь один из тех городских лузеров, которые не нашли себя до сих пор, и живут, как бог пошлет. Что в этом такого? Есть смелость признаться, всего лишь.

Связался со стихами когда-то. Может поэтому?.. И теперь несу какую-то невидимую ответственность.

От работы я никогда не бегал. Хотя может в душе, я и не люблю работать. Я действительно, не люблю работать. А кто сейчас любит? Вы любите?.. Не врите только, когда будете отвечать. Вы работаете – потому что куда деваться?.. Все верно. Вот так и все...

Я кстати, в двадцать пять лет защитил диссертацию. Честное слово! Можете в интернете глянуть, - я там есть. Пощелкайте ссылки, которые выдаст «Яндекс» и «Гугл».

Работаю я или нет – денег у меня больше все равно не становится. У меня их почти и нет. Совсем. Деньги и я – это понятия, как я понял, несовместимые. Они меня не любят, так, как, видимо, знают, что я их не умею ценить, а тупо могу тратить. Могу собрать приятелей и все спустить на них. А почему бы и нет. Я же не они. Это у них почти у всех есть на что копить: кредиты, ипотеки, дети... А мне не на что копить – это все не про меня. Вот и можно выпить за мой счет. Но мне не жалко. Правда. Хотите, я и вас угощу. Приезжайте.

***

- Займи денег, - звоню одному.

Я очень редко так занимаю, но в тот раз было нужно. Не помню уже на что. Но не на бухло, точно.

- Нет, извини, не могу. – Это ты у нас вольный поэт, а у меня, извини, семья... – Весь разговор.

Не ожидал!

Хотя – что «не ожидал». Они сейчас все так отвечают. У них семья, и не ебет. Семья – самое трусливое прикрытие мещан. Так и говоришь себе в сердцах: «Идите нахуй, со своими семьями!»

Сколько преступлений совершается во имя семьи и так называемого «семейного блага»! Семейей люди оправдывают все, что угодно, любые свои деяния («У меня же семья!»), даже самые низкие.

Ваши жены – кобылы с крепкими лапами держат вас подобием счастливого секса, и вам не надо искать себе самку.

Понимаю, что так не у всех. Вы не подумайте там, что я против. У меня есть знакомые – отличные семейные пары, все у них хорошо – без совково-россиянского мещанства.

Я не хочу быть никаким вольным поэтом, потому что мне это определение не нравится. Это наказание им быть, а не радость, если разобраться. Попробуйте побыть поэтом. Да у вас и не получится. «Вольный поэт» - звучит как ругательство и насмешка.

Мы можем пойти куда-нибудь пить, а мне скажут: у меня триста рублей. А у меня, значит, миллион. Люди думают, что я миллионер. Какого хуя думать, что я миллионер? Если я зараз спускаю помногу, это еще ни о чем не говорит.

Но вам все равно. Главное – вечер, выпивка, общение; а потом – гори оно все синим пламенем. Я понимаю. Надо спрятаться в разговор, в слова, которые чуть ли не тут же забываются. Но я вас не ругаю – вы такие же дети города – не очень удачливые, обычные люди, у вас простые родители, простая жизнь...

Ты, читатель, не злись, если читаешь – посмотри название всего этого. «Самоапология», видишь? Что это значит? Правильно – если уж дословно, то «самооправдание», - вот я и самооправдываюсь на этих страницах. Не знаю,

право, как ты читаешь все это: в бумажном ли виде, в электронном ли. Но, полагаю, скорее всего, в электронном. В бумажном виде мы никак не можем выпустить.

***

Нет, какая же это гадская отмазка у них появляется у всех с возрастом: «Я не могу, - я женат», «Я не могу, - у меня семья». И все – прикрылись листом железа двери своей квартиры ипотечной, как будто бы тоже оправдались. Они заменили своих родителей собою. Теперь у них свои дети. Ну и гадость.

- Вы женаты?

- Да, - вру я.

***

«Ну как там у тебя дела?..» - иногда слышишь в трубке специальный искусственный и дежурный звонок бывшего товарища. – Я вежливо отвечаю что-то. Но говорить совсем не хочу. Нам давно не о чем говорить. Мы с ним, с товарищем, переселились на разные планеты. А потом, бывает, находишь совместные фотографии и диву даешься: вот же, стоим - улыбаемся, обнимаемся. Дружили, выходит... Скорее – просто собутыльничали, вместе проводили время. Не хочется как-то в это верить...

А вообще чего мы собирались все эти годы? Зачем? Объяснение просто как мир – человек одинок, и мы вместе собираемся лишь для одурманивания. Так и происходило все эти годы, так и сейчас происходит.

Всем слушать или читать «Никритин», и познавать, познавать поэзию...

А я иду стоять в дверях магазина, потому что холодно и денег почти нет. Сейчас, кто-нибудь из вас позвонит или подойдет...

***

И так иногда остановишься, вдруг, я заметил, особенно зимой, особенно если уже давно стемнело, и время ближе к десяти, скажем, и

подумаешь: «Совсем не было времени побыть сегодня одному» - «Но ты же весь день и был один...» - «Ну да...»

Стоишь, ничего не понимаешь, пускаешь дым. Подпитый...

Люблю эти моменты. Летом они как-то менее значимы. А зимой – более. Не знаю почему. Зимой, факт, меньше звуков. А во двор глухой зайдешь - так там вообще в этом дворе ничего не слышно. Особенно на ул. Мира где-нибудь, или на Портах...

Никогда не забуду, как Ф. обнял меня по синей волне, и сказал: «Ленька, опять зима, опять этот двор, опять мы! Опять мы! Все повторяется...», - и я хочу сказать, в этих словах его было столько правды, сколько за все наши шесть или семь лет общения, может быть, никогда не было.

И зима. Заснеженные дворы, пустые дворы. Одинокие фигуры. Если увидите их, где-нибудь в центре города, то знайте – это мы, быть может, стоим. Поколение тех, кто родился в 80-е. Девяностники так уже почти не стоят. А мы стоим. Зачем мы стоим, скажите, пожалуйста? А мы и сами не знаем. Но стоим. А ведь мы уже давно не тинэйджеры, далеко...

У многих из нас уже (о, ужас!) свои дети. Вон, как у Мишки, например, или как у Андрея...

.....

Что мы имеем в итоге? То есть – я имею. Вопрос.

Есть только несколько сборников моих стихов и книжка. И еще оголтелые ненормальные друзья, такие же, вроде меня самого. А может, не такие уж они все и ненормальные?.. Что если это все преувеличено нами же? Что если это эстетика безобразного? Да и много ли там безобразного? Если разобраться, то совсем нет безобразного, а есть только возвышенное. Мы хорошо живем, мы правильно живем... От зарплаты до зарплаты... Говорят – доллар упал, рубль упал... А нам-то что? Люди в столице – те беснуются, да и те, в Граде, у кого они есть эти рубли с долларами. У нас нет. Показывают в

новостях — не знают люди, что закупать: холодильники или телевизоры, - куда вложить сбережения. Вот проблемы! Ну, проблемы!

Дельцы — самая презируемая каста людская. Я в этом твердо убежден.

***

Это уж кому как дано. Это уж судьба типа такая. Судьба имени. Судьба отдельно взятая. Не создан ты для того, для чего созданы другие. Не создан для семьи — ее никогда у тебя и не будет. Не создан ты работать, ну например, барыгой — значит, никогда не будешь. Значит «ТВОЕ» лежит в другой области. Не могут же быть все, наконец, похожими... Это успокаивает.

.....
Знаете, чем они все похожи? (Они и сейчас похожи, еще как!). Сейчас скажу...

Похожи они своими откормленными нехило рожками, одутловатые все, так как им уже всем под тридцок, и выше. Я на их фоне выгляжу просто мальчиком еще почти. Опухли они от протеинов, так как в их среде принято быть большим — типа качаться, и в то же время они опухшие от бухла и курения кальяна. У них хорошая работа, машины, жены в леопардовых трусах и лифчиках, - предметах волгоградского китча, и т.д.

Суки. Твари. Сменили собой поколение своих родителей. (Я повторился). Мещане. Средние люди. Управляющие фирмами. Менеджеры-хуенеджеры.

(«Ладно тебе, Хлямин! Разошелся! На что они тебе все?! Пишешь себе, вот и пиши дальше... Пиши, что-нибудь, другое»)

***

...Так один остался или нет в этом дворе? Лежал на лавке... Холод не чувствовался.

Или не лежал?! Лежал или нет?! Нет, не мог...

...Нет, почему, - мне, блять, интересно?! Мне просто, блять, интересно! Почему я, поэт, двадцати восьми лет (поэтом особо себе не называющий, и

не считающий) с какими-то сборниками стихов и какой-то книжкой о собственной жизни нахожусь снова здесь, и живу так, как простите... Как вы не поверите мне ни за что... А мне и не верят. Думают, - я обманываю, или как обычно – прикалываюсь, мол. (Снова, повтор, Ленчик!)

Как бог положит...

Но почему так из года в год? Меняется только (если конечно меняется) чередой людей. А больше в нашем городе не меняется ничего. Вы это и без меня знаете, я не сомневаюсь.

А хотите, я вам расскажу, как я был «замом» в одном расейском заведении? Замом по УВР, - то есть по учебно-воспитательной работе, или как говорят в «околофлотской» жизни – «замполитом»? Или полностью это звучало так – заместитель директора по учебно-воспитательной работе.

Вы, конечно, сейчас подумаете: ого, - это он серьезно?! Значит, большим человеком был, наверное.

Ни хера, я вам скажу. Абсолютно не так. Последним человеком я был там. Нет, конечно, по должности совсем и не последним, а по рабочей жизни, ну можно сказать, что почти последним.

Только я буду как обычно рассказывать спонтанно – самые интересные вещи, на мой взгляд, и не по порядку, как всегда.

Ну, примерно, так было:

- Ты сейчас чем занимаешься? – спросил меня директор.

- А смеяться не будете? – серьезно сказал я.

- Не буду, - своим нудным и скрипучим старческим голосом прозвучал директор.

- Докторскую сел писать, - отвечивал я.

Директор, видимо, зашел что-то сказать мне более важное, но он развернулся (наверное, я его сбил с мысли), и вышел. Злой.

«Ну вот, Леня, жди теперь непременно задания! – сказал себе я»

И задание тут же появилось, почти незамедлительно. Незамедлительно – у нас это значит либо через пять минут, либо через два дня. Но задание получишь совершенно ебанутое. Там же одни старики работают. Директор – старый советский бюрократ, волгоградский чинуша-князек, князек двухэтажного захолустного здания. А что вы у нас в Граде других встречали? Я – нет.

***

- Зайди ко мне, - звучал его голос (директора) по внутренней связи училища. У всех представителей администрации были внутренние телефоны. Постоянно кто-то звонил. У меня в кабинете стоял и внутренний телефон, и внешний, - по которому тоже обычно все время звонили: из военкоматов, социальной защиты, комитета по делам несовершеннолетних, из милиции, прокуратуры Ворошиловского района, управления волжским пароходством, или как его там... из речпорта короче; звонили с плавбазы, что в Волжском, из редакции газеты про речные суда, что в Нижнем Новгороде; много откуда звонили. И всем нужно было отвечать. Я не любил отвечать, но приходилось. Я ненавидел эту работу. Но нужно было зарабатывать, приходилось. Деваться было некуда.

Телефон я иногда отключал. В смысле, выдергивал провод из трубки. И сидел спокойно.

***

После двадцати пяти карьера моя стала разворачиваться ошеломительно: в двадцать пять, собственно, я защитил диссертацию, и нигде не работал; учеба в аспирантуре - не в счет, хотя там платили стипендию, а под новый год всякий раз обычно давали по 5-7 штук. Бывало.

Сейчас там, где я учился уже и аспирантуры нет. Закрыли в том году. Такие дела.

После аспирантуры я прекрасно болтался как говно в проруби, что меня вполне устраивало. Конечно, это я себя так успокаивал, на самом деле меня уже давно на тот момент много, что не устраивало, но я жил, и поводов горевать старался не видеть.

После нового 2012-го года мне предложили попробовать себя в роли мастера производственного обучения в речном, так называемом, училище. Полностью оно называется (называлось?) «Профессиональное училище имени адмирала флота Сергеева». Вроде так. Ничего не напутал.

Насчет того, насколько я случайный пассажир во всей этой движухе, я выяснил позже. Справедливости ради – я был там далеко не первым и не

последним «случайным человеком». Я туда товарища привел. Но об этом ниже.

С флотом меня не связывало никогда и ничего. Если не считать дедушку, воевавшего с японцами на Тихом океане (немного описал об этом в первой книге, в «Коротких историях»). У дедушки была медаль «За Японию», которую дядька мой благополучно пропил еще в 80-х. Сменял на водку, говорят... Так вот – редкая медаль. Хотя, заглянув в «Википедию», я обнаружил, что награждено ею не так уж и мало человек. Но в любом случае она почему-то считается редкой.

Еще друг старший, если так можно выразиться, (жили вместе на подселении), товарищ, служил на флоте где-то, и привез мне, пацаненку тогда, майку-тельняшку, помню. До сих пор в шкафу лежит. Это в начале 90-х было...

Сам же я катался на кораблике, (на пароме, как у нас говорят) из Волгограда на ту сторону, в Краснослободск, и обратно. И то в основном летом на пляж. Вот и все.

Короче, проработав полгода мастером п.о. я стал «замдиректором» по УВР. У них не нашлось другого дурака, и назначили меня. Мне всучили эту должность, выставив все так, что чуть ли не наградили меня этим жестом назначения. Я тогда этого особо не догнал, но предчувствие было. Хотел же еще отказаться.

Система в училище за годы и десятилетия была отлажена как надо – директор, более сорока лет находился (да и находится видимо, до сих пор) у власти. Жуткий самодур, на тот момент уже 76-ти лет вроде, весь в каких-то дутых наградах, в регалиях, как положено в советском городе Волгограде, в котором ничего не меняется десятилетиями. Красный город.

По разговорам коллектива – никогда нигде не был. Его заместитель первый, «по упр» – наоборот был везде, но всю жизнь – замполит. Замполит в армии и на флоте – слово практически не то чтобы ругательное, а почти даже матерное. Замполитов не любят.

«Корабль без замполита, что деревня без дурака», - говорил мне Черняев Владимир Анатолич, мой товарищ, каплей, он в запасе теперь, какого-то там ранга. Я слабовато разбираюсь... Мне и не нужно разбираться.

- Теперь Леонид ты у нас замполит, - говорили мне, прикалываясь, коллеги, мастера п.о.

На что я всегда отвечал, что замполитом я себя не считаю, поскольку чужой я человек во всей этой теме, и на флоте никогда не работал, не служил ни в армии, нигде; работать пришел по нужде, ибо - негде, а здесь взяли мастером п.о., а потом вот поставили замом по УВР. Жертва обстоятельств я, - шутил. Все и так это понимали. Но делали вид, что недопонимали. Ну и ладно. Все правильно, - на любой работе надо делать такой вид. Так меньше заебов будет всяких. Лучше вообще во всем недопонимать, - так спокойнее.

Судьба меня свела там с интересными людьми.

Да, стоит сказать, что училище, к моему приходу туда давным-давно «выродилось» и перестало быть в строгом смысле этого слова «военным», или как там у них считалось – полувоенным и т.п. Это было простое учреждение начально-профессионального образования, изначально как ФЗУ, потом как ПТУ. Но, стоит отметить, для справедливости, что и там еще работали «мамонты своего дела», которые окончили его когда-то, либо окончили какое-то другое военное училище, и вот уже по сорок лет преподают здесь узкие дисциплины, например, такие как «Люция», или, скажем «Силовые Судовые Установки». Это спецы своего дела. Когда я пришел туда в начале 2012 года в январе, эти люди еще работали. Думаю, некоторые работают и до сих пор.

Училище носило имя адмирала Сергеева, как я упомянул выше. И вот насчет имени.

Как-то раз наш полубезумный директор спохватился:

«А не выяснить ли нам, жива ли вдова адмирала, и есть ли у него вообще живые родственники?!»

То есть сорок лет с лишним ему это не приходило в голову, как я понял, а как Леня стал замом по этой ебучей УВР, так сразу это стало важно – выяснить насчет жены адмирала и родственников его.

И вот он, директор, как всегда скрипит в трубку внутренней связи:

- Зайди ко мне! – причем ни имени, ни отчества, как правило, он моего не называл. Его как бы и не было этого имени-отчества, как считал он.

«Шефулька!» - называл его Владимир Анатолич. - «Шефулька злиться будет», - говорил он в комнате мастеров, где мы сидели, когда я тоже был мастером.

Я зашел. Кабинет – за стеной. Приемная секретаря, и он сам - дальше, за двумя дверями, как полагается некому важному человеку.

- Нам надо найти его жену и сына, и вообще родственников. Должны быть. С ними нужно установить контакт.

- Заебок! – подумал я, - еще этого не хватало! А я уже тащил к тому моменту все, что было можно и нельзя: документацию в пять папок всевозможную, мероприятия, ПДН, ходил в прокуратуру зачем-то, ну и т.д. Короче, выполнял много никому не нужной, если разобраться, хуеты. Но им конечно, нужной - они, же там считали, что они пупы земли там все, и занимаются общественно-важными делами: людей воспитывают, новое подрастающее поколение. А на деле – на деле разводили абсолютно не актуальное, до жути унылое солдафонство. Почему? Потому что сами же в свою очередь являлись всю жизнь такими же солдафонами.

Система воспроизводит себе подобных, чтобы она, система, могла функционировать и дальше. Эта дилемма – ни для кого не секрет.

Ну, сел я в интернет, нашел кое-как жену этого адмирала-генерала. 91 год бабуле! Сын – адвокат. Живут в Москве, в центре. Сказал директору. Тот заставил меня открытки на все праздники вдове адмирала посылать, чтобы установить якобы заботу над ней. Кстати, сам адмирал уже давно почил к тому времени, и произошло это году так в девяносто седьмом, примерно.

- Ты поздравил вдову? – спрашивал директор всякий раз. И если я этого не сделал и забыл, то он злился.

Может, хотел, чтобы она ему денег дала, или сын этого адмирала прислал их – я не знаю. Но волгоградское рвачество, как я заметил, не уступает московскому. Да и любому другому не уступает. А самодурство – это уж состояние души или мозгов; не знаю.

Директор любил поспорить, что-то доказывать. Я, как правило, молчал.

- Что же ты, Леонид, без царя в голове живешь! - говорил товарищ директор.

Знакомая фраза? Так многим говорят, когда надо как-то морально уязвить.

Или: «Армия им (курсантам) нужна!»

А я возьми да ответь как-то: «Считаю, что не нужна! Пережиток прошлого!»

- Это еще почему? – начинал выходить понемногу из себя руководитель, сверля меня колкими глазами.

- Потому что... - И тут я мог задвинуть доброе рассуждение на тему «Личность и государство». Не длинно – но суть была ясна.

- Ладно, - скрипел директор, - иди, работай...

И я шел.

***

Так уж вышло, что в мои обязанности входило также следить за тем, что записано в рапортичках. Это такие тетради с «донесениями на учащихся» типа. И вот я должен был смотреть, что туда записали преподавательницы.

Преподавательницы были как пожилые, так и совсем молодые. Единственное что их всех объединяло – это неумение найти подход к 16–18-летним пацанам. Вернее их подход «старый и проверенный», такой же, каким и их когда-то долбили, но не работающий, - а именно давить псевдоморальными фразами, - так как ничего другого они не умеют. Их

попросту не научили в свое время. В свое время их также «давили моралью», кормили жидкими нравоучениями, и тому подобным.

На каждую учебную группу в самых лучших старых дисциплинарных традициях заведена рапортичка, - такая тетрадь, как я написал выше, примерно страниц на сорок восемь, разлинованная внутри, где отмечаются отсутствующие на занятии, поведение группы на занятиях и замечания. Ничего принципиально нового там нет. Но останавливался я всегда на графе «Замечания». Вот что в этой графе, столбце справа на странице, например, значится. Я выбирал самый полный ад:

Запись на уроке литературы: *«Жбанов принес в училище карты»*. Потом, как выяснилось, игральные, естественно. Лучше бы принес географические, - с ними дефицит.

На уроке физической культуры: *«Шишкин курил в недозволенном месте»*. Что ж ты за препод физической культуры, - хочется сказать, - если у тебя курсанты курят вместо спортивных занятий.

Или, 13.04.: *«Калиев, Безельт - матерились»*. Тут стоит пояснить вот что: пацаны матерятся друг на друга, иногда, конечно, вставляя матерное слово для связки слов в предложении; но склочные учительницы уже пишут это глупое замечание. И не понимают они, что этим самым замечанием показывают свой непрофессионализм; настраивают учащихся, и без того сложных, против себя.

12.04. На литературе.: *«Кутенко играл с зажигалкой»*. – И что? Чиркнул три раза? У меня тоже «играл» ею. Но замечание я не стал писать. Решил все сам, - а именно – сказал, чтобы убрал в карман, и все. Никогда не писал туда ничего.

28.04.: *«Чаплин постоянно выкрикивает»*. – Занимать надо человека во время урока чем-то, - тогда не будет выкрикивать. А так, - пацану скучно.

27.04.: *«Группа нецензурно выражается»*. На математике. См. – выше, по поводу мата.

15.03.: *«Клепов играл на уроке, ругался матом»*. – Туда же.

16.03.: *«Калиев ходил в куртке»*. – Вам не кажется странным это замечание? Мне – кажется. Не отражает сути проступка.

Далее: на физике - *«Солтаханов вел себя неуважительно. Угрожал!»* – Очевидно учительнице. – Тут уже явно перебор со стороны учительницы.

Еще: *«Королев матерился на уроке»*. – То же самое...

«Чаплин, Форафонов, Клепов устроили игру». – Интересно, какую?!

«Тналиев ругался матом».

А потом вызывай их и типа воспитывай. Так и тянет самому заржать. А я педагог по образованию. Вот так – хуем бряк.

***

С Анатоличем мы всегда выпивали много, когда шли с ним «пообщаться». Несколько раз мы устраивали настоящие вечерне-ночные трипы.

Так, после очередного трудового дня, совершенно ничем не примечательного, зимнего и тягучего, мы решили впервые тусануть вдвоем, так как уже успели по-настоящему сдружиться.

Сначала зашли в какое-то «полухачевское» кафе, что на ТЮЗе, и выпили маленький фунфырик коньяка. Понравилось. Заказали тут же второй. Выпили. Разговорились. Закусили шоколадкой «Альпен Гольд». Больше ничего, потому что не заказывали.

(Деньги-то у нас были – как раз пришли на карту в виде получки).

На столах были белые скатерти, тарелки, ножи, вилки, фужеры - как будто бы мы зашли закатить банкет на сто персон, а не просто тихо пообщаться вдвоем, побеседовать. Меня вся эта «банкетность» напрягала.

Анатолич сначала отнекивался много пить, но его уговаривать не пришлось – он человек военный, и вскоре алкоголь взял свое, осветив его разум в нужном направлении.

Допив, мы двинули в другое кафе, что на ул. Советской, в подвале. Там было почти всегда безлюдно, и можно было в «мьюзик-боксе» поставить

любую песню. Да и барменша с официанткой были неплохими тетками – с ними можно было попиздеть; они даже мне кажется, любили, когда мы заходили, потому как, рубль могли точно у них оставить, а, то и больше. Это не считая еды.

Анатолич всегда просил, чтобы я поставил песню «Там за туманами, вечными пьяными...»

Я ставил. Мне не жалко. Для Анатолича – не жалко. Чем он мне нравился, так это тем, что не был там каким-то «дутым» офицером, каких тысячи, если не сотни тысяч, а был настоящим, что называется, заслужившим все, что имел. А имел он пару наград, и даже знак «за ранение» в горячей точке. И самое главное – про службу всегда рассказывал пренебрежительно, стебался - сам над ней издевался, и, по-большому счету, в душе ее не любил и не уважал. А если и уважал то «про себя», и никогда этого напоказ не выставлял.

В подвальном кафе мы ебанули по паре пива каждый; Анатолич рассказал мне про канистры со спиртом, или водкой которые на севере прячут в чемоданы и в виде некоего «спецгруза» проносят на корабль по каким-то секретным ведомостям, а потом, когда про них, про чемоданы забывают, - вся команда впадает в кутеж. Как пираты. Корабль идет своим курсом куда-то.

«Мы раз так отклонились, что зашли в территориальные воды Норвегии, - говорит Анатолич. – Они нам - предупредиловку – мы бежать. Там такое часто бывает»

- И как ушли?

- Да, - рассказывает кап-лей.

Вскоре и в этом кафе нам наскучило, поэтому мы вышли, поймали первое попавшееся такси и поехали в бар «Ведров». Тогда там еще бывало неплохо.

С таксистом расплатился Анатолич. До этого в кафе – и в том и в другом – банквал я.

А что бы ему не расплатиться было – у него пенсия одна только около двадцатника, как у офицера, ветерана всяких действий и т.д. Плюс – получка.

В «Ведрове» Анатолич заказал у бармена коктейль «Северное сияние».

- У Вас есть «Северное сияние»? Можешь сделать? – спросил Владимир Анатолич.

- Это как? – немного растерялся бармен.

- Водка с шампанским! – как-то сияюще сказал мой «околослуживец» заказывая свое «Сияние». – В идеале конечно – спирт...

- Водка... - ответил бармен. – Сейчас! Спирта нет...

Служивец мой одобрительно кивнул головой.

Бармен соорудил Анатоличу бокал коктейля: шампанское и водка.

Я принес Анатоличу трубочку, чтобы пить. Себе взял коньяк и сок, тоже типа в виде коктейля.

Анатолич одобрил напиток. Мы уже, кстати, были оба «хорошие».

«Вообще в идеале, - продолжал товарищ мой, - спирт в кружке, а вместо воды – снега туда. Вот это и есть самое настоящее – шило»

«Да, да...» - кивал я. – Мне нравились истории друга.

Вообще, Анатолич совсем не похож внешне на военного – он маленького роста, несколько неуклюж, слегка полноват, и напоминает какого-то юмориста из телевизора. Но он всегда по форме одет, в смысле форма его надета, хотя бы частично, под курткой.

Очень смешливое лицо. Анатолич всегда на позитиве, и несерьезен, даже тогда, когда делает вид, что он серьезен. Мне это нравится в нем.

«На флоте быть серьезным нельзя – с ума можно сойти», - говорил он как-то. – «Вот и вырабатывается за годы не серьезное отношение ко всему, в смысле, все начинаешь воспринимать как прикол»

После бара «Ведров» мы очутились еще где-то, в какой-то ночной пивной, будучи уже в «конкретнейшем» состоянии. Потом – поймали, наконец, или вызвали такси и уехали.

Сначала меня отвезли.

Утром я кое-как добрался до работы – бодун был конкретный с тошнотой, рвотой, плохим самочувствием и всем остальным, но я все равно, вроде держался.

Анатолич держался тоже. Я его встретил в тот момент, когда учащиеся шли в столовую. Анатолич что-то им говорил, слегка нравоучительное, прикрикивал даже.

- Ну как ты? – спросил я, стараясь быть веселым.

- Подыхаю! – также, стараясь быть веселым, и беззаботным ответил Анатолич.

В комнате мастеров, ближе к обеду, Анатолич ходил из угла в угол и повторял: «Все, хватит! Теперь ни капли в рот – ни сантиметра в жопу! Ни капли...»

Я захохотал, услышав, хоть и не мог я хохотать, так как мне тоже было не до чего.

Анатолич, услышав мой гогот – тоже не удержался и рассмеялся.

Буквально недели через две – мы с ним снова кутнули и напились.

Ладно – вот небольшое отступление. Культурологическое.

Нашел свой текст, датируемый 2008-м годом.

«Морально протестант делает все возможное, чтобы спасти культуру от цивилизации, но это ему не удастся, и он остается во власти секуляризации».

– По крайней мере, сейчас у протестантов цивилизация доминирует над культурой сильнее, чем это было ранее. Сам протестантизм устроен так, что он стремится к цивилизации как к таковой, не сохраняя культуру, так как для него (протестантизма) характерно развитие, прогресс, коим и является цивилизация, ее суть.

В отличие от протестантизма, католичество идеологически консервативно, и здесь отделение культуры от цивилизации невозможно, поскольку консервативность мироощущения всегда будет подавлять стремление к творческому началу и развитию, о чем вполне ясно свидетельствовал еще С.Н. Булгаков: «В католичестве церковная жизнь вдохновляет мирское творчество, и в этом его заслуга».

Но, у католиков «мирское творчество» подчинено строгой иерархичности, канонам религии.

В быту русского народа, например, религиозное вдохновение имеет место не только в храмовой жизни, но и во всей жизни в целом. Это говорит о том, что у православных вообще нет четкого следования канону, а есть его видимость. А если даже и есть, то оно носит формальный характер.

Воспитанные на православной культуре, воспринимают свою культуру скорее эмоционально и психологически, нежели те же протестанты, - которые понимают мир материально, а католики следуют своей «синтетической» традиции.

Проблема взаимоотношения протестантизма/католичества/православия – это скорее вопрос этики, а не философии. И протестанты, и католики, и православные мыслят и видят мир с разных сторон нравственного и

морального начала. Так, я считаю, что в православии преобладает некое трагическое начало. В протестантизме – начало прогрессивное. Католицизм представляет собой «некий баланс» между протестантизмом и православием. Также рассматривая все три ветви с позиции борьбы религиозных элит, я бы отметил следующее: протестантизм, католицизм и православие переживают определенный кризис, поскольку ни одна из концепций религии в современном обществе по-настоящему не востребована. Однако, есть некоторое преимущество протестантизма, заключающееся в том, что эта ветвь христианства некогда была революционной (в ту же эпоху Реформации), и поэтому имела широкое влияние на культуру. Католичество же всегда было, на мой взгляд, реакционно настроено на Западе, а православие реакционно в России. Поэтому из вышесказанного вытекает следующее взаимоотношение категорий «цивилизация» и «культура»:

- протестантизм: «цивилизация» - «культура»;
- католицизм: «культура» - «цивилизация»;
- православие: «культура» = «цивилизация».

Таково рассуждение мое.

Чтобы увидеть, а точнее почувствовать родину, нужно смотреть не прямо на нее (все равно ничего не увидишь кроме пластиковых пакетов и окурков), а немного в сторону, будто бы даже сквозь нее, и тогда все станет отчетливо видно и понятно. Тогда она, родина, вдруг приобретет для тебя очертания, и ты это почувствуешь всем нутром своим. Со мной обычно так и происходит: смотрю по сторонам, мечусь – нет родины; присел, прилег, закрыл глаза и уже вижу. Или лечу на велосипеде с горы в детстве – и тоже, вроде бы все вижу: вот она – родина. А напрямую никогда ничего не увидишь. Мусор и девятиэтажки увидишь; пыль еще на дороге, стекло битое увидишь.

Я давно родился. Примерно так скажу: страна отметила сорок первую годовщину победы, и я родился летом.

А вообще, вам снится ваше детство? Мне часто. Ну как детство, - не в его чистом виде, а в причудливом, искаженном мире сновидения, естественно. Может, это только кажется, конечно, что в искаженном, а на самом деле там все символично и поэтому ничего искаженного и быть не может.

Я проснулся в прекрасном настроении то ли в субботу, то ли в воскресенье. Проснулся так, как просыпался очень-очень давно, как просыпаются в детстве с какой-то необъяснимой и непонятной самому себе легкостью душевной. Не знаю почему. Может, потому что я стараюсь правильно жить, и это как-то работает. Последнее время - действительно стараюсь. Но с переменным, естественно, успехом.

Вот как это было во сне. Под утро:

«...А здесь было дерево, которое мы посадили, - сказала мне мама»
Очень молодая. А я не пойму никак, находясь во сне, - взрослый я или нет в этот момент; и что это дерево было намеком символическим на нашу семью, наверное.

Я еще подумал: «Почему было?» - На месте дерева то ли находился какой-то росток, то ли кустик... То ли это и было то самое дерево, которое посадили мои родители – дали рост семье. В иносказательном смысле.

«...А еще в Волге вода холодная, - сказал кто-то»

Возможно, это был голос Бога. Нет не Бога, но, безусловно, какого-то высшего существа. Может ангела.

«...А еще я летом катался по волжской воде на черепахе, - сказал сам себе я», - но я – маленький, ребенок. Не знаю, как это получилось. Но во сне бывает и такое, - когда ты нынешний видишь себя тогдашнего.

- Зимой с горки на старых санках. – Помню...

***

С утра я играл в кубики. Любимые цвета – желтый и красный. И моя семья – это мое все. Это же так просто. Спасибо моим родителям, за то, что они меня родили, и я могу видеть этот свет, радоваться ему, встречая день каждый...

Лучшие люди на земле это кто? Правильно.

В детстве я говорил, как и все дети, видимо: «Я уже большой!» - «Нет, ты еще маленький, - отвечали мне», - и хлопали слегка ладонью по животу. – «Нет, я уже большой!» - «Нет, еще маленький»

А сейчас пришло то время (в общем-то, оно уже давным-давно пришло) и я наедине сам с собой хлопаю ладонью себя по животу и говорю: «Я еще маленький», и тут же отвечаю: «Нет, ты уже большой!» - «Нет, еще маленький» - «Нет, совсем-совсем большой, - отвечаю тут же, как будто бы за другого человека»

И нет никого, кто бы сказал мне теперь то, что я еще маленький. Сказал бы это действительно всерьез.

Родина. Родина – это как ехать в электричке шестилетним, и утверждать, что ты взрослый. Думать, что ты – взрослый. Мечтать скорее им стать.

Большой ли я? Большой, но маленький.

Ехать в электричке и в тамбуре читать на стенах похабщину, и еще слабо осознавать тот факт, что подобную похабщину ты или твои друзья еще тоже напишите, в электричке ли, в подъезде ли. Просто время пока не подошло ваше. Еще не ваша очередь.

Но вы еще поедете электричкой на концерт, в другой город, район там, драться, пить. Но это все потом. Пока достаточно лишь читать похабные фразы, и слушать, что говорят мужики, снующие из тамбура в середину вагона.

***

Не помню, зачем мы пошли с братом на водокачку, где дачи, но там, помню, в какой-то комнате на стене висел портрет Сталина. Я еще подумал, что он там давно висит. Возможно лет пятьдесят. А на другой стене был портрет Маркса. Тоже давно, видимо, висел.

Жара, пыль, лето...

Волгоградское лето – самая яркая пора наших мест. Высушенная, тягучая, жестокая даже, но, в то же время приятная очень пора. Не зря же я родился в самую середину лета, в самую серединку июля. Я люблю лето. Лето – это мое детство. Все без остатка. Вот придет лето – и я снова ребенок. Мне как бы вернется сила моего рождения. После середины лета я как бы перерождаюсь. О лете я тоже могу много писать. Я уже это кажется, говорил тоже.

Вся родина, ну или то чувство, которое рождается при этом упоминании, у меня помещается, например, в коробке.

Заглядываю в нее, и...

Есть у меня коробочка такая, там у меня в столе, второй ящик; вот в нем у меня коробочка картонная, почти бумажная даже что ли, и в ней у меня от прошлых лет всякие вещицы-приветы лежат.

Помните, у Довлатова был чемодан, и он там про все описывал, что там, с чем связано. А у меня вот есть коробочка-коробка.

Сразу взгляд падает на фото маленькое в рамочке; на нем изображен поэт 24-х на тот момент лет, Леонид Хлямин в обнимку с актрисой Нового Экспериментального Театра Ольгой Петровой. Это фото она, Ольга Петрова подарила ему в знак того, что они уже месяц вместе. Поэт подарил Ольге то ли кольцо, то ли цепочку на руку, или даже кулончик на шею. Он не помнит точно. Еще, конечно же, он подарил цветы. Все это происходило прямо напротив театра НЭТ, у фонтана «Двух влюбленных», кстати. Там такая пара танцует спиной друг к другу, знаете, да?!

Фото сделано в студии «Пинкфиш», которая находится между нынешним торговым центром «Европа» и ЦПКиО.

На фото она стоит спиной к нему, а он обнимает ее. Их руки соединены.

Не буду писать, что у него, у Леонида влюбленное лицо, наивное, и что она – хитрая и расчетливая красавица. Не буду развивать эту тему. Хватит. Им было хорошо в ту пору, на том фото, в тот момент, и этого достаточно. Нужно ценить моменты прошлого, и любить их. Вот смотрю на них, и пусть такими и остаются на этом фото и в моей памяти.

Про работу опять же. Обещал продолжить.

Привел я товарища, значит... А его – хэть! И уволили.

Сначала его. Меня, сразу оговоримся, уволили потом, спустя еще почти десять месяцев после увольнения моего товарища. Держался я на плаву, так сказать. Работали мы в том самом речном училище, о котором сказано уже сто раз выше, о котором в первой книжке написано, и т д.

Саша Ремень (которого я привел) продержался на «службе» недолго – около двух месяцев; а точнее так – устроился он в самом конце августа, а в двадцатых числах октября его уже уволили.

На работу он, конечно подзабывал, бывало. Особенно под конец. Но не сказать, что до такой степени, чтобы за это увольнять. Но его не могли не уволить, иначе руководство заведения было бы вынуждено признать свою слабость и несостоятельность. Но, уволив его, они сами себе подтвердили свою советскую тупорылую партийную стойкость. Вряд ли только они об этом догадались. Да и с их позиции это выглядело наверняка, по-другому – они проявили «принципиальность», «правильность», ну и всякие иные слова можно здесь подобрать для оправдания, как учили раньше; не можешь объяснить, - скажи, что пошел на принцип, и все поймут. Такая нехитрая псевдомораль получается. И я, уволенный, тоже был не первым и не последним у них, у самодуров реликтовых. Я без злобы сейчас это сказал, с усмешкой, скорее. Весело мне. Но это сейчас. А тогда они мне немало крови попили. Хули, давно бы сам уволился...

Сашу я устроил по знакомству, если так можно выразиться. В один из вечеров мы разговорились, когда гуляли, и выяснили, что он хотел бы куда-нибудь устроиться поработать. Я сказал, что могу попробовать устроить его «ко мне» - в шарашку. Рассказал, что к чему подробно, он и согласился. Там, у нас как раз требовался мастер группы, куратор, говоря по-институтски. Работа не пыльная, но подзаебистая, в том плане – что нужно до трех-

четырёх хошь не хошь сидеть среди дураков. В процессе такой работы и соблюдения полувоенной хуеты сам становишься дураком, но постепенно. Не сразу. Самое смешное – когда это сам начинаешь за собой замечать. Еще смешнее – когда начинает самому уже нравиться. Со мной такое было там временами.

Не успел он устроиться, как все сам понял; хотя я и предупреждал.

Чуть ли не на следующий день как Саша вышел на работу, возле него в комнате мастеров уже стоял полубезумный Геннадий Саныч Бурденко и нес ему примерно следующее (типа учил жить и работать в этом чудном месте новоиспеченного мастера производственного обучения).

Вырос перед ним в полный рост:

- Сразу запиши и выясни, кто у тебя умеет петь в группе, танцевать там, - в самодеятельности будет участвовать. Если таковых не будет, то тебя будут ебать! (жест того, как «ебут» – прилагался). Если группа что-то не сделала, то тебя будут... (жест прилагается).

Говорил он несколько минут и матом, постоянно показывая двумя руками тот самый жест, когда люди гребут, будто бы отталкиваясь от воды.

Но Ген Саныч греб уже сам по себе - по жизни. Его кстати, Ген Саныча, с почестями проводили первого сентября на заслуженный отдых, видимо, поняв, что он, совсем выжил из ума. Просто – выперли на пенсию. Да и хер с ним... Я бы всех их гнал, будь моя воля.

Саша стоял, и не знал, что ему делать: то ли засмеяться, то ли послать Ген Саныча на хуй. Надо сказать, что сам Ген Саныч был дедом семидесяти с лишним лет; но был высок и строен, даже я бы сказал силен. Представляю, каким он был в молодости и зрелости. Ремень тоже высокий, но Ген Саныч казался выше и стоял, давил авторитетом волгоградского рабочего, давил молодого мастера производственного обучения, - так официально звучала наша должность. Их точнее. Я уже к тому времени был как раз замом по увр. Ебись оно конем все это «увр».

Раньше Ген Саныч работал на ВЗБТ; еще где-то, пока не занесло его учить детей, а точнее – лишь наставничать. Педагог он был никакой. Соответствующего образования, естественно, не имел. Но курсы повышения квалификации проходил ежегодно. Всех отправляли.

Поймите меня правильно, читатель, у меня о Ген Саныче самые только теплые воспоминания сохранились, просто я стараюсь всецело, насколько могу, показать эту картину... Плюс эта форма речника на нем. Человек из прошлого. Как собственно и все это училище из временной ямы.

Саша слушал, моргал глазами, и потом, когда Ген Саныч ушел, он растерянно сказал мне:

- Да, ну и люди! Я думал, таких уже не существует давно!

- Существуют, - ответил я.

С Ген Санычем вообще раз была история веселая. Все пили в столовой, всем коллективом, отмечая что-то, кажется день учителя. И я решил потанцевать с одной телкой, не помню, кем она там работала, ну встал, пригласил, танцую; а пьяный Ген Саныч вскочил (в толпе это было незаметно) подбежал ко мне и сказал злобно:

- Ты! Ты!.. Я хотел, чтоб с ней потанцевал сын одной нашей сотрудницы, а ты влез!

Я ему ответил, что-то типа, что это не его дело. Вежливо.

Он в ответ отвернулся и демонстративно показал, что не хочет со мной вообще говорить. Потом, правда, протрезвев, извинялся, подходил. А тогда, стоял, даже что-то шептал в мой адрес ругательное... Забава! Ну и продолжил пить водку. Пили они все «Ямскую».

А Сашу уволили так.

В комнату мастеров как-то зашел директор и начал нести чушь, в частности эта чушь, была предназначена и для Ремня. Мол, плохо работаете,

воспитательной работы не видно, и все в таком духе. Саша играл в планшет, который недавно купил себе.

- И ты, кстати, тоже! – обратился к нему директор, - тебя это тоже касается! Сидишь - играешь!

Ремень оторвался ненадолго от экрана и в свойственной ему манере сказал:

- А я и не играю вовсе. Я по делу! Я читаю...

Он не знал, что с директором цепляться нельзя, - директор только того и ждет чтобы с ним зацепились. Хотя насчет этого, я тоже, вроде бы предупреждал.

Через день-два он опять что-то высказал Саше. А потом вызвал его к себе в кабинет во второй половине дня. Вызвал в кабинет и меня, чтобы я тоже соприсутствовал. Мол, ты привел, - при тебе и разбираться будем. А разбираться они там любили. Это же олдовая советская традиция – разобрать кого-нибудь, пожурить, взыскать и тому подобное.

В кабинете собралась вся свора: директор, и его верные служаки. Вошел и я. Следом – Саша.

Кто-то из них начал, обращаясь к Ремню:

- Александр Николаевич, это уже нельзя терпеть! Вас опять не было на линейке, - группу свою распустили! Но это все решаемо, непонятно только где вы ходите!?

- Вы же знаете, - нараспев и слегка небрежно начал Саша, - я учусь в аспирантуре; я должен там появляться днем иногда, причем вы же сами мне разрешили, - сказал он, несколько даже вызывающе глядя в сторону директора.

Он, кажется, уловил этот жест.

Повисла малюсенькая пауза. Увольнять его никто пока точно не собирался. Хотели пожурить и только; ну и еще раз показать свое служебное превосходство. Но зная Ремня – я понял, он уже внутренне решил «сыграть» до конца. И сыграл, потому что ему просто надоело.

Он развалился, как-то уже совсем, невозбранно на стуле, закинул ногу на ногу, руками обхватил рядом стоящие стулья, и как бы полусидел или даже полусползал.

На него продолжали давить:

- Вот ваша группа в столовой смеялась, дурачилась, почему вы их не усмирили. Вы же мастер группы! Вы же!

На что Ремень ответил с очень развязной интонацией, правда понятна эта интонация из всех присутствующих была только мне:

- А-а-а что, я лю-блю ког-да лю-ди дела-ют чтэ-та забав-но-е, смешное, - сказал он, растягивая слова. – А потом я не собака на них лаять, усмирять... Не Цербер... Я сказал... им... они, э-э-м, э-э... не послушались... Вы же сами в курсе, что это за группа, что там свои, тэк скэ-зэть идиоты...

Тут уже Сашина невозмутимость и его похуизм стали потихоньку доставать этих совков. Они начали воспитывать его, пытаться что-то доказать, на что Саша просто улыбался и практически ничего не отвечал, лишь иногда вставляя какие-нибудь реплики, вроде:

«А что?», «Ну и что?», «А мне было надо!», «Ну... это вы так считаете...», «Н-ну, это как сказать...» и т.п.

Пробить им его не получалось. Я сидел и еле сдерживал смех.

«В таком случае, - сказали служители, - мы будем вынуждены с тобой расстаться!»

- Да с удовольствием! Да, пожалуйста, - легко ответил Саша. – А пока позвольте, я пойду выполнять свои служебные обязанности, - подчеркнуто сказал он, акцентируя ударение на слове - «обязанности».

Этого всего они простить не могли. И уволили на следующий день. Саша был искренне рад.

Приехала мамина подруга из Ленинграда. Я помню ее еще по детству.

И вот она сидит у нас на кухне. Я вошел. И она мне так радостно говорит:

- Здравствуй, Ленечка!

(Ленечка! – она же меня помнит еще ребенком, ну максимум там подростком, поэтому так обращается).

Ленечка...

А Ленечка уже на тот момент был 27-ми летним типом.

Я вдруг понял, перед ней, как годы безвозвратно ушли. Очень остро это понял на какие-то доли секунды.

Она как будто бы это поняла:

- Ну что ощущаются 27 лет? – сказала она.

- Ощущается, Галина... А-а-а...вна (не помню, как ее зовут по отчеству, и поэтому тут я что-то невнятно и скомкано брякнул), - говорю я. - Да. Вроде бы ты все тот же, но уже и не тот...

- В том-то и дело. Так оно и есть, - сказала она, блеснув очками.

Она – психолог. Но не в психологии дело.

***

Был на Мамаевом Кургане. Ощутил что-то тоже из той же темы. Вспомнил, как был здесь ребенком, подростком, в юношестве...

Сейчас я какой-то человек уже почти средних лет. Все мое поколение это почти тридцатилетние тети и дяди уже. Некие средние люди. И я среди них всех непонятно кто такой.

***

В нашем городе год прожитый идет за два. Это так мой товарищ метко подметил. И он прав. Не то чтобы у нас совсем нечего делать, и все так

плохо. Нет, в другом городе есть делать что-либо ровно столько же, сколько и в нашем. Все почти города одинаковы по своей сути, как мне кажется. Видел фото городов Португалии и Испании – вот там да. Очень красиво. Какая разница... Важно реализоваться.

***

Надолго убежать от себя не получилось. Я, взяв с собой тетрадь в дорогу, не написал в ней ни слова, ни буквы. Быстро надоел сам факт того, что я что-то должен обязательно написать. Отчитал там стихи в никому не нужном кафе, в одном из районов (меня уверяли – что это почти центр города). Какая разница...

Побыл, и уехал.

Делать есть ровно столько, как и в любом другом городе. То есть – почти ничего.

Ехал обратно – когда стемнело прямо напротив моего окна купе – висело созвездие Большой Медведицы. Красиво и даже слегка пугающе. Кромешная же темень. И этот червяк-сороконожка - поезд из тридцати с копейками вагонов развевал мою печаль и нес меня обратно по моей огромной и бессмысленной ойкумене.

Нес меня обратно, в мой Град.

Зашел в вагон какой-то товарищ. Сел, осмотрелся. Тут же достал бутылку «Калина красная» и предложил мне:

- Будешь?

- Нет, не буду. Я приеду уже скоро. Не хочу...

- Так и я скоро... Ну ладно, - и с этими словами он сделал большой глоток прямо из горлышка. Потом лег головой на свою сумку и стал болтать мне всякую чушь. Я поддакивал и даже делал вид, что слушаю его всерьез. Но с ним мне, и, правда, сделалось веселее.

Оказалось, что в рижском ОМОНе он служил, в Чечне воевал, ВДВшником тоже был. Всем был. Меня такая информация успокоила –

нормальный российский типаж жлобаря: в меру говорит правды, в меру – пиздит.

***

- Куда вы сейчас? На Порт-Саида пойдете? – спросила она.

- А куда же еще?! Туда и пойдём, - ответил я.

Все присутствующие почти засмеялись, ослабившись.

- Мне кажется, - продолжала рыжеволосая, - что пройдет лет сорок, и я когда снова приеду, то вы так и будете ходить на Порт-Саида, в парк, на свое «БэГэ».

- Не исключено, - говорю я, - будем, будем, наверное...

После, она как всегда уехала через несколько дней, оставив метафизическую грусть мне и товарищу Н. Мне – больше. Ему – меньше.

Все было уже не как в прошлом году. Мы повзрослели еще на один год. Еще на один.

.....

Я задумался: живут люди в этом самом городе–побратиме нашего города; живут себе и живут, и я уверен, никто из них не задумывается там, на другом почти конце земли, что есть улица с названием их города, на которой уже не одно десятилетие вершатся судьбы человеческие, только в другом городе.

Нет, не только на этой улице, но на ней в особенности.

И в нашем городе, далеко не все знают, почему улица Порт-Саида – это улица Порт-Саида. Между прочим – Порт-Саид это где-то в Северной Африке, в Египте, если мне память не изменяет.

Сейчас посмотрю карту. Ну да, там.

На этой улице, точнее между этой улицей и маленькой улочкой Симбирцева находится известная всему неофициальному Волгограду – «БэГэшка», парк, названный в честь вообще-то архитектора Симбирцева, который проектировал улицы и дома в послевоенном Сталинграде; но

поскольку рядом библиотека им. Горького, то и парк (а точнее – сквер, на картах он именно сквер) стал именоваться: «БГ». Или «БГшка». Правильно произносить: «БэГэ».

БГ – извечное место встречи. По крайней мере для меня – уже лет четырнадцать. Я знаю тех, для кого гораздо больше. Тусовка здесь появилась где-то в конце девяностых.

В этом году, в декабре «Лост Поэтри Фронт» официально отметил свое четырехлетие. Я хотел бы рассказать, как все это начиналось. В смысле, как начинался Лост Поэтри Фронт.

Примерно так:

Шли по-волгоградски не литературные и не интересные нулевые годы. По крайней мере, лично для меня, и для таких как я – неинтересные. Я, Ленька Хлямин, и Иван Безрук он же Иван Камон, мой однокурсник, учились на истфаке. Постоянно общались, обменивались всяким музлом, и часто говорили о том, что неплохо было бы, если и у нас в городе существовало какое-нибудь литературное, или, там, поэтическое движение, альтернативное всякому официозу просоветских козлов с их посиделками. Хорошо было бы устроить такое движение, где каждый желающий мог бы себя проявить. Короче – нужна литературная группа, организация, объединение, да похуй, как это назвать, важно – что и как.

Тогда на восьмом этаже нового корпуса университета еще были открыты двери в больших аудиториях, и туда можно было проникнуть через девятый этаж (помните?). Вот там-то мы и сидели вдвоем зимним вечером и обо всем этом базарили. Я к тому времени начал уже что-то писать, какую-то херню; Камон, кажется, тоже что-то писал. Был 2004 год, примерно. Мы что-то читали друг другу даже. Тогда я не относился к стихам серьезно еще. Такого отношения к ним, как сейчас – не было. Шли годы, и наши разговоры оставались разговорами. В 2008 мы закончили истфак, но общаться продолжили. Ничего не менялось (снег, как валил в корпуса градских заводов, так и продолжал валить; лето как жарило, так и продолжало жарить).

Да, в 2005-м я сходил в какую-то редакцию какой-то козлиной волгоградской газеты, - носил им свои стихи, зачем-то. Там сидели три тетеньки, которые меня пожурели, сказав – что это не серьезно. Поняв, что я

поступил глупо, придя туда, я как можно быстрее ушел. Хули – Волгоград. Здесь советские тетки, они же российские...

Нужно было делать самому. Самим.

В 2007-м году я забрел в столице на поэтический слэм, и понял, что нам надо сделать у себя, в Козлограде. Надо срочно мутануть что-то такое же.

Мы начали что-то читать, где-то собираться, совершенно по-лоховски. Но мы росли!

Прошло еще время. Иван придумал название – Лост Поэтри Фронт. Наши стихи стали клеветнее, их стали слушать! Нас было двое. Всего двое.

Фронт забытой поэзии, - так расшифровывается.

Осенью 2011-го к нам примкнула Яна, энергичная и быстрая девушка. 11 декабря, в одном из кафе мы оформили концепцию «ЛПФ». И сказали друг другу: запускаем дело. Так родилось наше движение, наша поэтическая группа.

Спустя несколько недель, мы познакомились с молодым писателем и поэтом Михаилом Ежом, который тоже сразу встал у истоков движения. Так мы и появились. Ну а потом – сразу первый слэм.

Чуть позже образовался из стихотворной материи и поэт Тимур Забиров.

Так и было.

Ребенком я сидел у мамы на занятиях в университете. Садился за последнюю парту и слушал, что она объясняет студентам, или книжку читал.

Полтора часа мне казались очень долгим промежутком времени, но именно тогда я, наверное, и формировался как личность, как мне кажется сейчас. Человек же начинает формироваться с самого раннего возраста, и этого не стоит забывать. Очень часто в биографиях упускается этот момент. Не упускайте его, если будете писать как я; о ком-то или о себе.

Прошли годы и я уже сам преподаватель.

Не, сейчас так не говорят студенты, – преподаватель. Препод. Все верно – препод. Я же не мозгосжижающий дяденька, слава богу. И ни в коем случае не хочу им быть. Да и рановато в дяденьки записываться - мне еще и 29-ти не исполнилось.

Да, пишу я это все сейчас в пустой большой аудитории. Группа не пришла ко мне на пару, или просто опаздывает пока что. А я – привыкший с детства сидеть на парах в аудиториях, паренек. Мне уютно в пустых больших аудиториях. Можно писать, например, сидеть. Думать. Впадать в медитационное состояние.

Улица Академическая, второй корпус ВГПУ. Там такое старое здание стоит на пересечении дорог. Вот в нем я бывал в детстве. Оно еще не отреставрированное было тогда в 90-е. Помню, как там пахло сыростью в этих покоцанных коридорах и кабинетах. Сводчатые потолки. Такое здание должно стоять в Ленинграде где-нибудь. Когда я побывал в РГПУ им. Герцена, то его здание мне как раз напомнило второй корпус на ул. Академической, где располагается педуниверситет...

Группы моей нет. Я сижу в пустой аудитории. Сегодня 31-е марта. Последний день первого месяца весны две тысячи пятнадцатого года. С тех

пор, когда я сидел у мамы на занятиях по английскому языку, прошло около девятнадцати лет.

Я совсем не похож на препода, говорят; ни внешне, ни внутренне-морально, - что меня, безусловно, радует. То есть, глядя на меня – никогда не скажешь, что я преподаю что-то, - так многие мне говорят.

Внешность обманчива. Да и люди меня знают совсем с другой стороны; в основном как «рассказывателя» стихов, или просто как тусующегося персонажа.

Машина мчалась по улицам города, и вскоре вырулила на прямую дорогу, которая вела в поселок. Я сидел на переднем сиденье, рядом с водителем и смотрел туда, где горизонт краснел светом октябрьского солнца.

Скоро спустятся сумерки. Я посмотрел сквозь ветровое стекло назад, на обширные степные просторы пригорода – там, над городом уже было темно. Чернела ЛЭП, и прочие урбанистические сюжеты.

День умирал. А я каждую секунду удалялся. Но, чернота будущей ночи все равно непрерывно меня настигала. Это понимал и водитель, и поэтому он гнал, лишь иногда, как полагается, останавливаясь на остановках, и сбрасывая, или подбирая пассажиров.

Красный закат тускнел и тускнел; спускались красные октябрьские сумерки. Последние сумерки солнечной осени. (А потом будет туман, и темень в пять вечера).

Я должен был успеть. Я в любом случае приехал бы вовремя. Но, закат над горизонтом никому не дано достичь, чтобы постоять прямо рядом, на нем, может, и ощутить то, чего не дано постичь; что дано лишь в промежутках между твоим просыпанием и бликами мыслей на стене. Или еще в детстве, когда зажимаешь глаза и смотришь на фары проезжающих машин...

Фары искрятся.

Взгляд как бы «над» простором, наверное, только возможен с самолета, когда сидишь в кабине, и смотришь на Землю, на то, как ползут сумерки. И на то, как, где-нибудь в Новокузнецке уже ночь. На то, как на просторах моей Родины уже ночь.

Машина гнала по прямой, как раз догоняя последнее позднее октябрьское солнце. А позади над моим городом, и уже над сотней других городов была ночь.

А именно над нами - пока еще сумерки...

Я посмотрел в зеркало. Увидел отражение водителя. По зеркалу блеснул солнечный луч. Один из последних. Было что-то не так. Водитель заметно постарел, хоть я его и не знаю. Но мне так показалось, что еще вчера он был молод.

Мечты и мысли о чем-то, наверное, всегда живут в той части светлого сознания, которая противоположна другой, и дают о себе знать в те моменты, когда в груди что-то рождается: либо какое-то безответное чувство, либо стих, либо ощущения своей надобности для чего-то.

Так я и думал, пока ехал, безнадежно догоняя горизонт. Это было почти в прошлой жизни.

Не помню – говорил я это или нет, писал ли, что в наши дни только несчастные дети все еще любят играть в революцию. Только правдивые сплетни все еще поддерживают мать-конституцию... Штампы со словом: «военнообязанный»; я лично не могу прочесть иначе это слово, чем «военнообезьяний». Не читается у меня иначе. Военно-обезьяний. Как вся Россия.

Вы сейчас подумаете, что я поддерживаю всяких либералов, но это не так. По правде, от патриотов меня тоже мутит.

Я против всех, в общем-то... Забыли?! Нет? Ну, хорошо...

.....
А что потом? Снова тот же двор и лавочка? Темень... И что делать этим не повзрослевшим детям? Ха?!

Ножом в темноте в шину? Пбэх! В другую – пбэх! Фыщщщ! И готово! Вот вам, хозяева жизни! Получайте, гады!

...Взял еще одно пиво, потом погладил ей коленку, отозвался нелестно о ее поколении. Она согласилась, хоть и покривилась. Почти стихотворение. Жаль, недобитое. Хорошо бы добить его. В смысле сделать его, сделать так, чтобы читалось, чтобы слушать можно было, чтобы самому понравилось, чтобы сам испытал эстетическое удовольствие.

А то! Как бы хорошо вышло. Только и просят последние годы: «Прочитай про «У нас встречаются вечерами...» - Я что? Я могу. Всегда могу. Если захочу...

Поймать за гриву аудиторию – не вопрос. Будут слушать. Будут кривиться, но слушать будут.

...А потом-то что все-таки? – Побежит холодок, тронет льдом лавочку, побежит пешеход (то есть, возможно, я побегу).

Хей, куда бежать-то?! От остановки или к остановке?! Хей! Еще бухла и пей! Ножом еще раз в шину иномарки – пшшэк! Ффэщщ! И готово! Привет, пузатики! Привет, усатые мужики и тетки в черных шубах! Мещане ебаные!

Слушай, слушай недостишок:

*Пойдем купим пистолет
и пистоны,
будем ими играть,
Построим Веймар –
свои введем законы
будем всех в расход пускать!*

«Вот это уже лучше, интереснее, браток!» - «Спасибо, дружище!»

- Белый свет теперь мил.

- Конечно, мил, очень даже мил! Есть в мире справедливость.

- В мире все есть! Справедливость – тоже. Она иногда приходит не скоро, точнее – никогда не скоро. Но она есть. Исторически проверено народами, странами, людьми... Мы – не исключение!

- Хотелось бы верить...

- Верь! Главное – верь! Хотя я знаю, ты и не верующий, вроде... А я верующий – агностик, выходит...

«Давай еще?!» - «Давай...»

«Вон, ту...» - «А-ага...»

.....

Фантазии. Бред. Чушь. Блажь. Пьяная тупорылая блажь. Завтра пройдет. А потом снова как птица Феникс из пепла... да снова в пепел.

...Вообще, апология сейчас, в наше время – это оправдывающая речь, защитное письмо, сочинение, какой-либо текст, направленный на защиту чего или кого-либо. Предполагается, что объект апологии, подвержен неким внешним нападкам. Так, известна, например, апология Сократа, это если из истории взять. Больше всего апология известна по христианской теме, то есть, в широком смысле апология это любой текст, защищающий христианскую веру, а точнее – раннее христианство. Автор апологии является апологетом, а само искусство защиты называется апологетикой.

Моя апология совершенно биографична, направлена на самого меня. Я оправдываюсь и защищаюсь. Видимо, так.

Да, в современном мире, под апологией так же понимается чрезмерное восхваление чего-либо или кого-либо, предвзятая защита...

Надеюсь, я не восхваляюсь.

Кстати, содержание тех же апологий во второй половине 19 века было направлено в частности на натурализм, как философское направление. Рационалисты стремились путем изучения человеческого духа найти доказательство тому, что религия основана на духовной потребности, заложенной в человеческой природе, что она необходима человеку.

Опять-таки, в полемике против натурализма возникло направление супернатурализма, которое ставило целью защитить самые важные составляющие вероучения – мистический характер откровения и догматы, которые выводятся только из него. Апологеты этого направления опирались скорее на психологические доводы и утверждали, что недостаточно одного естественного человеческого знания, оно должно быть дополнено божественным откровением.

Так, чтобы творить – нужен некий мистический посыл, толчок. Есть ли он у всякого пишущего – вопрос. Но он должен как-то называться, и вообще, пожалуй, должен быть.

Зачем мы помним некоторые события, для чего? Странная вещь эта память.

Вот свадьба у двоюродного брата в Ростовской области; за столами какие-то люди, которых я никогда больше не увижу в жизни, я это уже тогда понимал.

Конец девяностых годов. 1999-й, если точнее. Мне – 13 лет.

«...А вот у нас дядя Леша, - говорит то ли тамада, то ли какой-то родственник чей-то..., - мастер он у нас на все руки»

С этими словами приподнимается какой-то высокий худощавый мужик с усами, кланяется на все четыре стороны, - мол, спасибо гостям, присутствующим; и садится... Через час этот самый дядя Леша уже жутчайше напьется, и будет вести себя крайне непотребно. Зачем я это помню? Для чего? Какая в этом смысловая нагрузка, где здесь нужная информация? Выходит, для пишущего – все важно, все мелочи, вся ерунда, которая происходила или происходит в его жизни?

Или вот: до свадьбы этой самой – едем на мотоцикле с братом – он за рулем, я сзади. Ни у него, ни у меня шлема нет. Глаза и лицо воздух просто разрезает. Но настроение, зато прекрасное. Заехали к его другу, они посидели, поговорили, в частности насчет того, как он, мой брат, скажем мягко, ладно, - соблазнил свою будущую жену. Зачем мне это помнить, скажите? Вот и я не знаю. Мы и не виделись после того лета, 1999-го года больше ни разу. Жену его я не помню абсолютно... Ни с сестрой я не виделся двоюродной, ни с кем. Ни с бабушкой, ни с дедушкой, что в Рязанской области живут.

Цветные пятна из прошлого, из детства, считай. Их почти не осталось этих цветных пятен сознания и памяти.

***

...Какой-то там год, поезд; из динамика, что над полками доносится песня «Тополиный пух, жара, июль...» Мы едем с родителями в деревню. Точнее, едем с пересадками до деревни. Выйдем в Рязани, пересядем на автобус, и двинем до маленького населенного пункта, от которого до самой деревни еще минут тридцать, где-то. Глухомань. Но этого больше тоже в моей жизни не будет. Связи и корни как-то быстро теряются, и вот я из тех, кто еще все это застал. Потом ездить стало некогда, и не на что. Бабушку и дедушку забрали в город. Большинство тех родственников умерло, а я их видел в своей жизни если раз десять всего – то хорошо. Что это за странные люди все – родственники; зачем они в нашей жизни есть? Мы же духовно совершенно далеки друг от друга, мы друг другу, если разобраться – никто. Мне мои друзья-товарищи в миллион раз ближе, чем какие-то там родственники.

***

Тоже каким-то летом на вокзале ждали поезд, я сидел на сумках в углу, где кассы – смотрел в потолок на все эти росписи. Родители и дядька мой покупали билеты, или еще куда-то там пошли.

На этих росписях – другая эпоха и другие люди. Протертые глазами изображения. Вокзалы – чудовищные скопления человеческих энергий и судеб. Что-то есть в этом сильное. (Будто бы я уже писал об этом или думал).

Люди, отстроившие города и победившие в войне; потом другие пришли им на смену – помельче. И так далее... Мы; потом те, кто после нас.

У нас было великое время, великая эпоха. Куда все делось. Или никуда не девалось – а закономерно все изменилось?!

Люблю вокзал. Особенно наш. Что-то в нем монолитно неизменное. Что-то, я бы сказал вечное, сквозящее из прошлого в непонятное будущее.

Вот, немного истории: тема полотна правого зала – боевой подвиг защитников города в годы гражданской и Великой Отечественной войн. Тематика левого – трудовой подвиг сталинградцев в годы послевоенного строительства – на постройке Волго-Донского канала и Волжской ГЭС.

По словам О. Н. Кириченко – директора народного музея волгоградских железнодорожников – на одной из живописных фресок, описывающих события гражданской войны, в массовке изображены реальные люди – главный архитектор вокзала и тогдашний начальник пассажирских перевозок. А боевое Красное знамя Царицыну изначально передавал лично Сталин – после 1961 года изображение «подправили», переделав Сталина в колхозника, одетого в шинель.

***

...Вот переходим вброд реку нашу, в узком месте. Идем на остров. Это уже традиция такая что ли. Дойти, и обратно немного проплыть, и желательно, не утонуть. Уже лет шесть-семь так делаем. Если не больше. Зачем? Может, чтобы отдать какую-то духовную дань уважения родной реке? Я в это время ощущаю себя частью реки... хоть и пловец из меня никудышный почти. Но сходить вброд по течению все равно надо. Это как ритуал, нам самим не понятный. Неизменно мы ходим так со Стасом.

Один раз поплыли с другого конца, от берега, где пляж. Он (Стас) сразу переплыл, и был уже на островке, а я еле-еле, борясь с течением, доплыл. Думал, что утону. Реально, уже не мог шевелить руками и ногами, - устал. Но доплыл. Больше на такие эксперименты не иду; но на остров летом хожу. Потому что лето – это мое детство. А я весь там где-то и есть.

***

Родители еще молодые...

Пиво «Волжанин» у кого-то в руках, - еще «то самое», не испорченное. Сидим на пароме, на «Оме», который туда-сюда гоняет; 1-е или 9-е мая, много людей. Лица уже у всех успели немного загореть. И много-много нас, детей. И вот сидишь такой на солнцепеке, ждешь отправки, и радостней тебя нет на волжской земле, и все-все еще впереди. Тогда так постоянно казалось.

А что еще нужно для подлинного внутреннего счастья?!

Потом темнеет; взрослые с детьми, молодежь, пенсионеры с дач - кораблик переполнен, смотреть на всех интересно. Все эти люди кажутся настолько своими, что и не передать. Кто они все? Где они все? Постарели, повзрослели, умерли? Стали такими же почти тридцатилетними, как я?..

«Все каракули, сделанные в 16-17 лет, я давно вывел. Просто понял, что они уродливы, и я в них совсем не нуждаюсь», - сказал мне мой приятель. Я ему сказал так же. В смысле, я его поддержал в этом начинании.

Как бы сказали совки: «С энергией достойной лучшего применения...»

(Всем, кто прошел школу волгоградской улицы). С ночевками на вписках, да и вообще, в местах, не предназначенных для ночевок... Шатание по улицам, знание того, что не нужно знать никому, кроме тебя, так как для других такая информация покажется совершенно бесполезной; например, где взять мелочь, в каком дворе теплее стоять зимой, на какой улице красивее пить. Кому оно надо?.. Ни-ко-му! Кроме тех, кто пишет стихи, или еще занимается черт те чем.

И не то что бы юность прошла в подъездах, мы были не особо-то и уличными детьми. Не гопотой. Но, в то же время, улица всегда превалировала во всех случаях. Была определяющим фактором существования в городе.

Как относиться к этому? Смотря как. Мы же тоже всего лишь поколение были, которое требовалось воспитать. Вот нас и воспитывали. С детсада, как полагается. И так далее; походы на Мамаев Курган, Панораму, патриотические композиции в театральном кружке – все это было. И хорошо, что было. Но, в то же время, мы закормлены этой патриотикой. А нам говорят сейчас: «Мало», - еще ешьте. - Нет, спасибо. Мы в меру хотим. Лишнего не надо, давно не надо. Своих детей воспитывайте.

А что...

Совки правят в Граде. Живучие они оказались.

А может, эта «совковость» передается, как старый костюм?! Скорее всего, так. Жлобство и совковость наследуются. Карьеризм и рвачество – желание иметь и властвовать. Эти люди заслуживают исключительного презрения. Они не люди, а копии, снятые с копий. Люди-симулякры. Люди-

функции. Я с такими постоянно сталкиваюсь. Они больны морально (и физически тоже). Они похожи на озлобившихся больных животных. Очень жаль.

Работал один такой со мной. Володя. Мужик, 56 лет. Но выглядел на все 70. Низенький, сутуленький, глазки вечно бегающие, суетился все время что-то... Мы тогда в службе охраны Кадастровой палаты работали. Я работал, как всегда, - не потому что там хотел работать, а потому что в Козлограде работать как всегда, нигде. А я к тому времени уже сто лет был как защитивший диссер. И все равно...

Так вот: Володя. Стояли мы с ним на пару. Он – сутки, я – день, и до вечера, до 5-6 часов. Работать с таким человеком рядом было и мучительно, и грешно, и смешно.

Суть работы: придти утром, отзвониться оперативному дежурному, что заступил, далее, собственно - заступить на смену, выдавать ключи, проверять систему наблюдения, лишних на этажи не пускать, и прочая мелочь.

Казалось бы – сиди, ходи, делай неспешненько, все, что полагается, - один хуй – от тебя больше ничего не требуется. Это было всем понятно (там были и другие сменщики). Но только не Володе. Этот человек, заступив на смену, начинал дичайше суетиться: по сто раз отзвонит оперативному, выбежит на улицу, проверит свет, систему; когда увидит входящего в двери директора – вытянется перед ним во фронт:

«Товарищ директор! За время несения дежурства происшествий не было», - дежурный такой-то.

Директор шел мимо, к себе наверх, и даже на него не глядел. Но Володя все равно суетился, чтобы видели его рвение и его старательность.

Скажите, где таких долбоебов любят? Да нигде!

Я ему, Володе, как-то раз сказал, не выдержав:

«Ты ради чего все это делаешь?..»

На что он развыступался:

«Это тебе ничего не надо, ты даже пыль со стола не вытираешь, в подсобке не подметаешь, а я, значит, порядка хочу, понимаешь, чтоб все хорошо было!», - и все в таком духе. – «Володя, - говорю ему, - ты уже в охране работаешь, - ниже падать тебе некуда. Ты пешка, или даже хуже; и я, поверь, здесь тоже ниже всех и хуже, они (работники), когда заходят, даже на нас не смотрят, и может, правильно делают, потому что человек из охраны – либо дибил, что в ней сидит, либо ничего по жизни делать не умеет» Либо – военный козел в отставке.

Про «козла в отставке» я ему не сказал, правда. Хотя и знал, что он не служивший (он как-то сам об этом обмолвился). Обычный такой пенсионер, ничем совершенно не примечательный.

Кстати, в службах охраны полным полно бывших военных. Также – редкие уроды и совки. Мудачье и жлобье – одним словом.

Володя мыкался, по многу раз на день, вытирал какие-то соринки со стола в коридоре и в подсобке. Перекладывал журналы с места на место, вешал, снимал и снова вешал ключи на крючки. Короче, за долгие годы в службе охраны чердак у него уехал, точно. Я, сначала, про себя на него злился. Мы даже пару раз поругались, не особо серьезно, конечно. А так. Потом у меня появилась какая-то жалость к этому человеку. Я сам этого от себя не ожидал, и когда у него был приступ с ногами (не мог почти ходить, чем-то болел), я даже сходил в ближайшую аптеку и купил ему какую-то мазь, которую он попросил купить, так как сам он реально был не в силах пройти.

В жизни этого человека не было интересного ровным счетом ничего. Он просидел в охране и на других невнятных работах почти всю жизнь. Пишу эти строки, и вспоминаю Володю – маленького, озлобленного, даже где-то ущербного пенсионера в синей форме охранника. Мне его, честно, жаль. Но жалость – очень плохое и низкое чувство. А Володя – больное животное, едва человек.

Другой напарник – тоже не подарок был. Оказался не подарком.

Иногда я заступал на службу с Сережей. Сережа – советский работяга, бывший, и конченный алкоголик. Худощавый, острые черты лица, уродские усы под длинным носом, как полагается. Рожа – конкретно испитая, ну да ладно... Тоже ему было меньше 60-ти, но гораздо больше 50-ти лет. В принципе - с ним было весело; в смысле, и поболтать можно, не то, что с Володей; и анекдоты там, и всякие истории потравить и т.д. Но! Сергей как-то сразу потерял контроль над собой и начал пить. Сначала прятался в подсобке, выпивал там, видимо, слегка, и вновь появлялся «на посту», как говорится. Потом начал уже в открытую бегать в обед в магазин, брать там водку, и сидеть ее втихаря цедить. Я молчал, да и не мое это дело было. А потом, он мне даже нравился, как собеседник; рассказывал живо, интересно, самобытно. Мне было в прикол слушать его простые байки из жизни, совсем не мудреные, а совершенно, насквозь житейские, - как он напился и попал в милицию, как на него в зоопарке тигр напал, когда он там клетку варил, стоящую рядом (он сварщиком работал одно время), в общем, весело, смешно.

Как он в армии служил на полигоне – тоже смешная тема. Служил где-то на Южном Урале. Они там испытывали какие-то ракетные установки. Насчет этого он не пиздел. Информация проверяема.

Но! Сережа начал меня доставать, так как понял, что я к нему отношусь более чем доброжелательно, даже можно сказать почти что по-дружески.

Почти.

Он начал занимать деньги (потом как выяснилось не у одного меня, занимал он еще и у Виталика, другого сменщика, а также у того же Володи, о котором сказано выше). Я занимал. Причем я прекрасно понимал, что он занимает исключительно на водку. Ну и на сиги, там... Хотя он говорил мне несколько раз, что, мол, у его матери день рождения, и надо поехать к ней, у внука день рождения, что-то надо купить, - все в таком духе. И хрен с ним.

Если бы не один случай.

После нового года, числа может, 12-го, когда я вышел, я попал в смену с Сергеем. Утром, отзвонившись оперативному дежурному, я обратил внимание на то, что Сережа несколько пьян, а точнее – находится, скорее всего, даже в запое. Вид мне его совсем не понравился. По правилам, я должен был отзвонить снова оперативному, и сказать, что так, мол, и так – напарник пьян, - давайте другого, а этого напарника я не допускаю до смены, а вы его, в свою очередь, гоните нахуй, потому что пить было на смене строго запрещено.

Я не стал сдавать Сергея. Хотя очень хотелось, хотя бы потому, что он мне еще не вернул мои шестьсот рублей. А клятвенно обещал.

Вот и в это утро, он как меня увидел, то пообещал.

«С получки верну!» - говорил Сергей.

«Так сегодня получка...» - «Да?», - спросил Сережа, - «а чего же ты мне раньше не сказал!? Я бы поехал и получил с утра, занял бы там очередь в офисе. Там очередь всегда... Теперь сиди здесь и жди понедельника. Позвонить не мог?», - профессионально сыграл роль проницательный психолог-алкаш.

Я понял, что Сережа прихуел.

«А че я тебе звонить должен был, Сергей?.. Сам возьми да позвони в контору. Или номера не знаешь?», - начал тоже слегка быковать я.

«Да!?» - будто бы не слышал моих слов Сережа – «Оставил без зарплаты!..»

«Сереж, ты офигел...», - сказал я, и пошел переодеваться.

«Нужно было быть с ним более грубым», - еще подумал я.

Почти до обеда мы продежурили нормально. В обед, смотрю, напарник мой мнетя, подходит и говорит: «Ты это, не злился, а лучше займи еще. На бутылку. Честно...»

Я не хотел портить хорошие отношения и молча, протянул столик, мелочь у него у самого была.

Он сгонял в магаз. Вернулся, и стал в подсобке прикладываться, уже заметно пьянея все сильнее.

Через какое-то время Сережа стал меня доставать: начал нести конкретно пьяный бред, кто-то из работников, когда спускался вниз, видимо, заметил, что Сергей уже «готов», и спросил меня, - что со вторым напарником; я ответил, что это он «может после вчерашнего», и что ничего особенного.

Мы находились все время на виду, поэтому не заметить нас было невозможно. Поэтому Сережа уже палился.

Ближе к концу моей смены, а я уходил после пяти, примерно, я заметил, что Сережа спалится точно, если вдруг придет проверка из конторы. (А она иногда приезжала). Приезжал сам наш начальник, как правило, Игорь Петрович.

Игорь Петрович – конкретный мужик, такой типичный, знаете. Маленький, довольно-таки, коренастый, широкий, вроде как бывший мент из чинов. Так говорили, по крайней мере.

Короче, я понял, что Сережа денег мне не вернет, а будет только занимать, и ебать мне мозги уже своим полнейшим пьяным занудством. К тому же, этот гаденыш снова попросил занять, так как понял, что я и в «последний раз», утром, не отказал ему.

Тут я решил его проучить.

Так вот, незадолго до конца смены Сережа снова попросил на бутылку, мол, ему до утра сидеть, а выпить захочется. Я сказал ему:

«Окей, Сереж, я даже сам сбегаю...»

И сбегал в «Радеж», что на ул. Ткачева; купил бутылку, причем не «малышку», как просил напарник, а «ноль-пятку», - пусть ужрется, гондон, и, спалится.

Тогда непременно спалится.

Сергей Алиевич (это его отчество) когда увидел «ноль-пятку» весь засиял. Засиял, когда я поставил ее на столик перед ним в подсобке. Он сделал честные-пречестные глаза и сказал:

«Верну! Сразу как получу!..»

Я уже не верил этому зарвавшемуся запойнику, моему напарнику, изначально показавшимся неплохим даже парнем.

«Ну-ну», - усмехнулся ему я.

«Не веришь? Ну ладно...», - на этих словах мне показалось, что он уже подразозлился от выпитого на сегодня.

Вскоре я собрался и ушел.

А дальше дела шли так. (Мне потом поведали; Виталик рассказал).

Я ушел, и приехал вдруг ебанутый Володя, тот самый второй напарник, что пенсионер, - привез получку Виталика, (еще одного напарника), и его получку, Сергея. Они выпили за это дело. Но Володя быстро свалил, видимо; выпив всего чуть-чуть. Он же был осторожным и прижимистым, таким тихим совком-паучком.

Володя свалил, оставив «под честное слово» деньги Виталика – Сергею, что тот их отдаст ему утром, когда Виталик придет его менять. На том и порешили: утром придет Виталик, - Сергей отдаст ему его получку.

К тому моменту Сергей был уже совсем в непотребном состоянии. Все допил. И скорее всего уже ничего не соображал. Но зато сообразил взять несколько соток из получки Виталика. На что? Правильно – на бухло.

И сходил еще за одной...

Вечер того же дня. Время – часов девять, может десять. Звонок. Беру трубку. На том конце – Игорь Петрович, мой тот самый тогдашний начальник.

«Леонид, скажи мне, эта-а-а, Сергей сегодня пил??», - начал он по-мужицки очень серьезно.

«Не знаю...», - уклончиво, но ровно ответил я, - «Не видел»

«Приезжаю с проверкой, мля, а он тут валяется в подсобке на полу, мля, в драбадан, мля, бухой, мля...», - Игорь Петрович все время разговаривал так, вставляя везде, то ли «мня», то ли «мля», подразумевая, естественно - «бля».

Меня такая информация обрадовала. К тому же я услышал в трубке, как на том конце Сережа пьяно пытается оправдываться перед начальником. А тот, видимо, отрываясь от телефона (но мне все равно-то немного слышно) прикрикивает на него:

«Ищи, бля!», «Убью, бля!», «Урод, бля!..»

Игорь Петрович продолжал:

«Тут это, Володя деньги привозил Виталика, и передал их Сергею, так вот он мне говорит, что тебе их отдал»

Ни хуя себе!

«Что? Мне??», - начал охуевать от этого алкаша Сережи я, - «Игорь Петрович, дайте мне его!» - «Сейчас. На...», - и он передал телефон Сереже.

«Сережа, ты охуел?!», - сказал я, - «Ты охуел?!»

На что Сережа заплетаясь, ответил:

«Лень, где деньги... Виталика... Я это...» - «Да, Сереж, где?», - говорю. – «Да, где...» - «Это я тебя, ебать, спрашиваю где! А не ты меня! Ну, Сереж, где...» - «Лень, ну...» - «Да, Сереж, ну!!» - «Ну...», - и так минуты три подобного диалога.

Потом слышу, Игорь Петрович на том конце – кому-то, очевидно второму оперативному, который приехал с ним для проверки:

«Вот же они, блядь!», - и, наверное, пинает Сережу, - «Вот! Ты их в банку засунул и забыл!»

Там стояли банки в шкафу, из-под кофе, супа и прочей жратвы.

«Все, Леонид, нашлись», - пробасил в трубку Игорь Петрович, - «я слышал, он тут назанимал у вас, да?»

«Да, назанимал... Мне шестьсот висит, Виталику – тоже сколько-то...» - «Я понял – я вычту у него их, вам тогда отдам», - разрулил дело Петрович.

И отдал. Все по-честному. Виталику и мне.

А Сережу тут же выперли.

На следующий день я уже дежурил с Виталиком. Поговорили про Сергея, посмеялись даже над всей сложившейся ситуацией.

Но если разобраться, - то и Сережу жаль.

Жил человек, работал, растил детей. Союз рухнул, выперли на пенсию, завод закрыли, он постарел, пьянство его переросло в алкоголизм, который его и деморализовал. И все это в нашем с ним родном городе было. Он, Сережа в нем вырос, и я. Плохой он человек все-таки, или хороший? Ни тот и ни другой, - как и любой из нас. Ни я, ни ты, читатель.

Я очень давно выбрал этот путь. Кажется еще в детстве. Я не мизантроп. Но человеколюбием не отличаюсь. Почему? Да вот так. Я не люблю богатых, не люблю людей в золоте и украшениях, не выношу дельцов, карьеристов, чиновников, директоров, и много кого еще. Всех не перечислить. Я не желаю им зла, но и добра тоже. Мы просто существуем в разных реальностях, живем на разных планетах. Чем реже мы пересекаемся (я, то есть с ними пересекаюсь) тем мне лучше. Так бы и просидел всю оставшуюся жизнь в культурной изоляции. Сразу вспоминается, как Довлатов писал, - что хотел бы быть рыбаком на берегу моря, и желательно всегда без улова. Я бы вот примерно также бы хотел. Если он (Довлатов) писал, что хотел бы быть всегда похожим в своем писательстве на Чехова, то я на него хотел бы быть похожим, на Довлатова. А так, конечно, скорее всего, ни на кого. На самого себя. Но так не бывает...

Чиновники подражают чиновникам более высоким по рангу, их водители этих чиновников, подражают им, своим хозяевам. И т.д. Все стремятся показать себя не хуже.

А водители всяких чинуш – реально мерзкий элемент, - думают, раз этих толстобрюхов возят, то и сами прикоснулись к чему-то значимому.

Идем как-то недавно с Игнатом, гуляем, стоят двое возле Думы, болтают и пальцы гнут. Там у них же парковка. Туда они привозят людей в костюмах.

Игнат говорит мне: «Отвратительная каста водил».

Я соглашаюсь. И вспоминаю про один случай. Летом.

Провожали мы кого-то домой, засиделись в районе ТЮЗа, примерно. Стали вызывать такси.

Я тоже вызвал. Приезжает «Волга», такая покоцанная. За рулем какой-то дядя. Ну и хрен с ним. Деньги плати – да езжай домой, вот и все.

Дернул меня черт сказать этому козлу недобитому:

«Не знаете, мост скоро откроют, что на вокзале?..»

И тут он, водила, вдруг завелся с пол-оборота:

«Знаешь, - начал он даже агрессивно, - я этим не интересуюсь!! Я надолго не думаю. Вот есть как сегодня – так и есть. А там как будет так и будет!».

Речь была его прилично подкреплена матом. Не вижу смысла приводить ее полностью. Суть сводилась к тому, что он чуть ли не делает одолжение мне, что везет меня, и что раньше, когда этот чмур работал в автопарке, при Союзе, естественно, - то ему платили по семь и пять счетчиков, когда он кого-нибудь вез из аэропорта там, или еще откуда. Что он жрал икру и пил водку, запивая ее коньяком, ел балыки, - и вот в этом заключалось все его счастье.

Я все проклял на свете, пока с ним ехал.

Эталон советской мрази, - которую и Союз обидел, видите ли, и нынешняя власть плохая, - обидела, мол, - приходится всяких дураков (по его мнению) возить до дома, работая в службе заказа такси. За «копейки».

И таких козлов – тысячи. Что, нет, разве?!

***

Время идет, а ни одного государства не завоевано, и ни одна королева, как говорится, не оприходована...

А может, уже как раз таки, наоборот: все сделано. Ни в чем нельзя быть до конца уверенным, особенно в собственном бытии.

Вообще, природа женщины стала скорее безынтересной, - в который раз меня сегодня посетила мысль, когда я сидел в столовой на работе и смотрел на женские ноги, которые мельтешили у кассы.

Природа эта познана. Осталось познать само бытие, как Будда там...

Значит, остается в упор заняться медитациями?! Хэ его зэ.

Природа всего остального познана...

Работа – тихая гавань, спокойное болото, и просидеть в нем можно до конца дней своих.

Сомнительное удовольствие.

Вообще – весь Град – теплое тоскливое социальное болото. Но это снова к старым темам, если...

А этого совсем не хочется. В смысле старых тем. Потому что – куда ни кинь – старая тема.

Ну, еще отходосы привносят мнимость разнообразия, напоминая тем самым, что ход времени все же существует. Так легче считать метафизически недели, дни, месяцы... Можно еще спортом их считать. Так лучше, если честно разобраться.

А то - что получается: «Когда это было» - «Три пьянки назад», - допустим. – «Понятно. Вспомнил». – Нет, так совсем не годится.

А ведь все время что-то такое возникает в диалогах. Это наше коллективное сознание.

Она приехала. Внезапно. Как говорят в таких случаях – «как снег на голову упала».

Приехала, но не к нему лично. А вообще – в город, к родителям. И, возможно, по своим делам.

Они не виделись более 4-х лет на тот момент.

Случайные встречи летом того или иного года – не в счет: общие компании, несколько фраз друг другу, спешка; это все ерунда...

А вообще – между ними давно что-то тлело.

Тогда ей было – чуть за двадцать. Ему – побольше.

Не то что бы у них не получилось, а не пошло скорее. Тяжеловато объяснить...

Чем они жили «тогда» - сказать сейчас с точностью трудно; он занимался тем же, чем и сейчас, примерно; но еще при этом учился. Она тоже училась, писала свои странные картины. Он – писал стихи. Она – метила в художники, он – давно метил в поэты. И вроде бы к тому моменту уже им и являлся.

Он и Она. Но так не пойдет. Назову их так: Поэт и Художница. Пусть так будет.

Они списались, созвонились – решили встретиться.

Встретились там, где не прилично сказать. В том плане, что слишком популярное место. В том месте, где и положено было бы увидеться, - в центре города. В самом почти известном месте. Догадываетесь, где?! Ну вот, именно там.

Естественно, выпили. Диалог развернулся. Спросили друг друга про личную жизнь осторожно; чтобы понять, «что к чему».

У них она была.

Были ли они в ней счастливы – вопрос. Вопрос, на который так и не ответишь сразу.

Начался летний ливень.

А Поэт и Художница решили гулять всю ночь, поэтому спрятались под кустами, на лавочке, продолжая между тем выпивать.

Довольно быстро к ним прибилась некая компания, также ищущая защиты от сильного июльского дождя.

Компания эта вывернула откуда-то из дворов.

- Постоим с вами, - не против? – Спросили.

- Не против, - ответил за двоих Поэт.

Компания тоже выпивала, поэтому стоять вместе было весело. Не скучно – точно. Все шутили, несли чушь попеременно с серьезными вещами – все как полагается. Быстро перезнакомились, хотя тут же, скорее всего, забыли, как зовут друг друга. Это нормально в таких ситуациях.

- Ребята, - начал один «тип», из тех, что подошел, и показался Поэту заводилой этой команды, - а кто хочет дунуть? – Вдруг спросил он.

«Тип» выглядел на редкость обыкновенно: немного старше Поэта, слегка полноватый, в обтягивающей белой футболке, одутловатое, ничем совершенно ни примечательное лицо. Единственное – вел себя очень уверенно.

- А у тебя есть?! – оживилась тут же Художница.

- Есть, есть, - улыбнулся Тип. – Прямо тут можно!..

- Я – за! – сказала подруга Поэта.

Надо сказать, что Художница очень уважала «это дело». Да что там сказать – уважала, - не просто уважала, а плотно сидела на «этой теме».

Поэт категорически не употреблял.

То ли боялся, что ему понравится, то ли не хотел новой зависимости... Наверное: и то, и то. Вот и не употреблял.

Тот самый Тип и Художница отошли за кусты. (Дождь тем временем начал стихать). Подтянулся еще кто-то желающий из этой, теперь уже общей компании.

Они высыпали быстренько. Забили. Сделали...

Поэт в это самое время стоял и общался с остальными членами «компашки».

Что сказать: обычная компания – два парня и две девушки. Молодые, пьяные, веселые, немного дерзкие. В общем – неплохие ребята.

Почти сразу же после того как Тип и Художница завершили свое ловкое мероприятие, Тип сказал:

«А поехали ко мне?!»

(Было уже поздно. Около 11 часов вечера).

- Нет, не поедem, - ответил Поэт, - у вас своя тусня, у нас – своя.

На что Художница его тихо одернула:

- Поедем! У него до хрена шишек - он сказал!

- У-у, старая наркоманка, - говорил ей Поэт, - ладно... Чего тебе еще для счастья надо... Понятное дело...

Ему, Поэту, было в принципе все равно куда ехать. Он то – не курил. Кроме сигарет, конечно...

Но, ехать к совершенно незнакомому человеку все же совсем не хотелось. А его подруга хотела дунуть. И ей удалось его уговорить. Она-то, была готова ехать хоть к черту на рога, раз такое дело намечается.

Тип вызвал такси.

Та случайная компания, что была с Типом, села в одно такси – и сразу же укатила по своим делам, скорее всего, продолжать кутеж. Тип, Поэт и Художница сели в другое такси.

Поехали.

Тип – на первом сидении; Поэт и Художница – на заднем. В руках – очередное открытое пиво.

Поэт себя несколько ругал за то, что все-таки пошел на поводу у «Рыжеволосой» - так он называл Художницу. Да и все так ее называли в Граде.

Ехали курить «шишки». Или как их там правильно? «Бошки»? Художница их как-то называла.

Ехали втроем, но курить собирались двое.

Еще там, стоя под кустами, на лавочке в парке – Художница пьяно говорила Поэту про этого самого Типа:

- Ты думаешь, он – «гос», да?!

В смысле имела в виду – что он, пресловутый этот Тип, - «ментовской».

- Не знаю. Ничего не думаю... - отвечал Поэт, - сама думай. Тебе надо...

Поэт был уже тоже прилично подпит, и думать не хотел. Поэтому его это мало интересовало.

Он за свою жизнь уже с кем только не выпивал. Один раз даже оказался на квартире у какого-то командированного в Град майора академии МВД города Иваново.

Дело было так: майор, а точнее - чувак, представившийся майором, предложил Поэту и его приятелю, что был с ним в тот вечер выпить коньяка:

- У меня баклажка разливного дома стоит – с морей привез, - похвастался майор.

И Поэт с приятелем пошли. А до этого они сидели, как ни трудно догадаться в парке, и пили пиво. Командированный в Град майор подсел к ним сам.

(Скорее всего, гулял человек в парке тоже, выпивал, увидел таких же гуляк, - вот и подсел к ним).

Поэт не помнил, как завязалось именно то знакомство с майором из города Иваново; помнил только то, что они разговорились, как полагается на самые общие темы: музыка, футбол, история, политика, общество...

Все в таком ключе.

Майор оказался неплохим парнем. Лет тридцати с лишним, ближе к сорока. Совсем не гопник и не жлоб по типуажу. Может, это и привлекло в общении с ним Поэта и его приятеля.

Они пошли в тот поздний вечер на вписку к майору и действительно у него оказался разливной коньяк, а еще он, майор, накормил их борщом.

Потом все трое кое-как улеглись в какой-то комнате на полторы кровати и заснули пьяным быстрым сном. А проснувшись утром, двое приятелей увидели целую съемную квартиру ментов. Они ходили, умывались, одевались - видимо, собираясь на службу.

Поэт и его приятель тогда очень быстро распрощались с дружелюбным майором и решительно свалили с хаты.

Поэтому, кем является этот Тип, - Поэту было все равно. Да хоть кем.

Даже если он и «гос» - что дальше? Привел домой двух подпитых романтиков. Таких же, подпитых, как и он сам. Предложил им бухнуть, а Художнице дунуть. И что? Художница пусть сама решает. Хотя, человек, находящийся в зависимости сам решать не может – за него, известное дело, решает и думает «Его зависимость».

Чувства Поэта начинали возвращаться к ней, и он вспоминал события четырехлетней с лишним давности.

Стояла зима, январь, кажется. И они с Художницей ходили по мерзлым улицам, болтали и целовались. Сидели в кафе «Матрешка», спорили об искусстве, ходили в гости к общим знакомым. Вроде все.

Поэт очень хотел с ней встречаться. Она – нет.

Общались недолго. Потом она на него конкретно забила. Даже телефон, и тот, не всегда брала. На «эсэмэс» не отвечала.

Но вот – она снова спустя время пошла на контакт с Поэтом. Сама. Ему, в свою очередь, тоже было интересно встретиться с ней. И первый же вечер их встречи ознаменовался июльским ливнем и возможностью накуриться. Ей.

В начале вечера, кстати, она сказала Поэту, что уехала еще помимо всего, потому, что хотела бы не дуть какое-то время. Но это самообман. Будь то курево, бухло ли, и т.д.

Когда подъезжали к Типу, то машину внезапно остановили. У таксиста проверили документы...

Ногти Художницы впились тогда в колени Поэта...

Но это была просто проверка документов у водителя, так как он ехал без «шашечек» на крыше, и было непонятно вообще – кто он – работник такси или частник.

«Обошлось», - наверное, так подумали все, кроме таксиста. Он же не знал, кого вез.

«У него, у «вожатого этого вечера», - наверняка есть еще с собой, - подумал Поэт».

У Типа они пробыли недолго.

Тип снимал «однушку» в центре города. Еще он оказался железнодорожником, - он сам представил свою профессию; да и на его съемной хате висела на двери комнаты форма железнодорожника, а на стенах - всякие плакаты и календарики, которые говорили об этой же профессии.

«Теперь понятно, - думал Поэт, - откуда у тебя столько «добра». – Наверное из рейсов привозит... Скидывает где-то на станциях кому-то. Или ему скидывают, - по любому – дело налажено... Да и хрен с ним, с этим типчиком...»

В кухне у нового «товарища» оказалось на месте, где должна стоять батарея, несколько небольших, но плотно забитых прозрачных пакетов со всей «зеленой темой».

Художница очень обрадовалась, когда увидела их.

На вопрос, - где он их взял, Тип не ответил. Сказал лишь, что «подарили» друзья, или принесли...

Соврал – не соврал – было непонятно.

Поэту было не столь все это важно; он сидел на табуретке, в кухне, доливал в свою кружку пиво, и пил; не забывая доливать Художнице и хозяину хаты, которые периодически выходили на балкон и прикладывались к «зеленой волне».

Надо отметить, что чем дальше они сидели – тем чаще они это делали, - а именно, выходили «принять».

Вскоре Поэт предложил Художнице уйти:

- Пора уходить. Полночи прошло. Даже чуть более... Пошли, все хватит.

- Ну пошли, - Художница нехотя согласилась.

Они также быстро распрощались с хозяином хаты, как когда-то также быстро Поэт распрощался с майором, и вышли в подъезд.

На улице было прохладно, не смотря на начало июля; ливень, который прошел совсем недавно давал о себе знать.

Поэт был только в футболке и скам-штанах. Художница – в непонятном сарафане-балахоне, который был вполне себе, оригинален. Такой, в хиппическом стиле, скажем. Цветастый. Плюс какие-то серьги и бусы, которые дополняли образ рыжеволосой.

У подъезда была лавочка. Поэт сел на мокрую гладь старой краски; она, рыжеволосая подруга, тут же переместилась ему на колени...

Было ли все это на самом деле?

Это была не любовь, но гимн уходящей юности; уже почти ушедшей, и поэтому искусственно продленной.

Кому не хотелось в юности задержаться?

Те, кто раньше был младше – теперь не выглядят такими. Время выравнивает возраста и поколения. Потом спрессовывает их, и они так

замирают в памяти человеческой. И чем старше становится человек, тем менее он хочет видеть различие в возрасте – и свое, и чужое.

***

Еще через год их встреча носила уже совсем спокойный и ровный характер. Они общались сидя там же, где и почти в тот раз.

- Вот так все и будет, - говорила она, успев уже «принять», - ты женишься, я – выйду замуж, в конце концов. Ты будешь дальше писать свои стихи, и, возможно, книжки; а я буду писать картины. Ты – здесь, я – там. Буду сумасшедшей художницей, когда сторчусь, а ты сумасшедшим поэтом, когда сопьешься.

- Да-а, - тянул он в ответ, неопределенно, - может...

После короткой паузы, они одновременно рассмеялись.

- Ты не куришь, но ты хотя бы алкоголик, - сказала она, смеясь, - это уже хорошо.

- Ну да, - поддержал Поэт, - алкоголик... Пока нет, вроде...

Они снова заржали.

- Еще год прошел. И еще пройдет, - сказал он.

Она задумалась, и ничего не ответила. Потом спустя минуту сказала:

«Надо нам место с тобой найти...»

- Опять?! – догадался – зачем, Поэт, и осклабился.

- Опять, - Художница блеснула своими белыми зубами.

- Ладно, найдем...

Поэт научился неплохо готовить «посуду» под «зеленую волну». Хотя ума там много и не требуется, но сам процесс, тоже что-то значил, он был важен – понимал Поэт, - процесс этот сродни чайной церемонии в Китае.

Художница обычно принимала две небольших «пятки» на два захода. Он уже это знал, и поэтому никуда не спешил. Сидел рядом, откупоривал пиво (если оно у них имелось).

- Сколько мы уже ебланим, - сказал он, обращаясь как будто бы даже и не к подруге данного бытия, - с подростков еще?! Получается, что да, - сам

же отвечал он. — Я вот помню, что ты изредка мелькала в компаниях всяких растаманов. Было же такое?..

- Было, - говорит Художница, - я тогда ходила с дредами, в штанах. Но я тебя тогда не помню.

- Конечно! И вряд ли вспомнишь, - говорил Поэт, - я тоже совсем по-другому выглядел. Это ж когда было-то... Волосы — взрыв на макаронной фабрике, - как тогда шутили, ну, спайки такие, сосульки в разные стороны... Взъерошенные, короче; ну и седины не было. Это сейчас она лезет... Наследственность, нервы, неправильный образ жизни. Как и у тебя, в общем-то — неправильный. У нас у всех, если разобраться, он неправильный. Давно.

Пусть. Переделать друг друга никто не в силах. Потому что нам никому этого не надо. Мы безответственны. И об этой безответственности свидетельствует наша полуразбитная жизнь.

До 10-го слэма стихов я, лично, про Пиджакова ничего не слышал.

Вообще, я знаю в своем городе довольно многих, из тех, кого стоит знать, но его не знал.

Незадолго до проведения слэма, когда на него подавались заявки, кто-то (не помню точно – кто) сказал мне:

- Как же, Ден Пиджаков!? Еще тот сатанист и угарщик.

Такая характеристика мне сразу понравилась.

Я решил посмотреть, и поэтому почти сразу включил в список выступающих на слэме.

Тот слэм я вел сам, и поэтому лишь иногда советуясь с Михаилом Ежом, мы выбирали участников.

- Пусть выступает, - сказал Миша, - у них там еще своя музыкальная группа есть. ВЗА «Волжанин»...

- Это что, - в честь пива? – спросил я.

- Не знаю, - ухмыльнулся соучредитель «Лост Поэтри Фронта», - может...

Читал Ден хорошо, забойно. Фишка – все время курил, когда читал.

В перерыве между сэтами мы и познакомились по-настоящему.

Примерно так: я с кем-то вышел на улицу, постоять, поговорить, и тут откуда-то (во время этого перерыва) вывернул Денис, протянул мне батл вина, и предложил выпить. Прямо из горлышка.

- Давай, Хлямин, засади, - сразу запанибратски сказал он.

Я выпил. Вино было красным, крепленным и полусладким. В целом – даже хорошим.

Затем отправился вести слэм дальше.

Вообще слэмы у нас прижились. Мы их уже на сегодняшний день 16-ть дали. Мы их прижили – скорее так.

***

Одна женщина, прочитав мои стихи, или послушав какие-то из них (не знаю точно), не нашла ничего чтобы сказать, кроме как стандартного предложения, фразы, которая обязательно должна быть в наборе у маститой училки, или кто она там? В общем, тетенька, которая тоже «кое в чем разбирается»:

- Он сам-то понимает, о чем говорит?!

Или же она сказала: «Понимает ли, о чем пишет»

Не важно. Важно, что она имела в виду то, что, как это так – какой-то там чувак полез в поэзию?

«Устроил слэм. Да какой это слэм?! А вообще - что это такое - слэм? Выдумал, надо же».

Таких случаев было уже много.

Они злятся, что я не просто там что-то пишу, - если б просто писал, - и хуй бы со мной, как говорится. Но нет - он читает свои «творения». Со сцены читает, сука!.. Да и вообще везде может читать, где захочет. Ему все равно же.

Ладно бы там.

Это положение усугубляет еще и тот факт, что его слушают! Вон же - стоят и сидят люди, бухают, и слушают! А кто-то и засвистел...

Вот всей этой темы, некоторые представители нашей кислой козлоградской интеллигенции, мне простить ну никак не могут.

Я сейчас лишь попытался передать ход их мыслей выше. А что-то я и слышал, - вернее мне передали другие.

Например, таких женщин, как та, что меня критиковала – не одна. Все они имеют правильную точку зрения, «взвешенную», но оперируют почему-то фразами, которыми привыкли осаждать школьников или студентов.

Простите, но я давно не школьник и не студент.

Давно подмечено, и не мной, что богатых не любят бедные (как я, например), а умеющих что-то эдакое интересное делать - ненавидят потихому, практически все. Талант, или что-то «типа него» - не прощают. Он порождает в людях зависть. Богатого будут ненавидеть, но потом простят ему его богатство. Талант, или что-то «типа него» какому-нибудь чудаку, вроде меня, - не простят никогда.

Когда-то, мой худрук (это было, пиздец, как давно!) говорила:

«Если тебя критикуют и обличают - значит, ты на правильном пути».

Я эти слова запомнил.

Мне важно, что в мои стихи кто хочет, тот и врубается. Мне вопросов, кто слушает и смотрит - не задают. Кому надо – всем все понятно.

На наших ледяных и жарких просторах правы только поэты. Поэты – в самом широком смысле этого слова. Может, и не только поэты. Но они – в первую очередь. Почему? Потому что ничего не имеют. Или не умеют.

Гоголь, например, не умел драться на дуэли, вот и сошел с ума. Как вариант.

Гаршин – тот сиганул в лестничный пролет...

А вокруг – что? А вокруг бешеные километры и пространства в снегу, называемые Россией.

Едешь в поезде долго – и уже устаешь смотреть на пейзаж и считать столбы с цифрами – бесполезно. Никогда не сосчитаешь. Я раньше считал...

А сколько людей их ставило; эти столбы и высоковольтные линии?.. А деревья вдоль дороги кто сажал, кто насыпь сыпал?.. Такое впечатление, что вся страна только тем и занималась.

Мне иногда кажется, что железная дорога со столбами и проводами – и есть Россия. А все остальное – это апофеоз Ничто.

Пускать Ничто в душу – дело тяжелое. И поэтому поэт движим не людскими страстями, а мистическими. Он постигает мир, преобразовывает его, но тем самым губит себя. Чаще всего – это так.

В те времена, когда творится большая История, каждый является ее творцом. Поэты это осознают, как никто другой. Они знают, что в России нет современности, поэтому, может, ее никто не понимает, и оттого все поиски ее тщетны?

Скажу вам больше – в России и времени нет. А в Граде – так подавно. Поэтому у нас все медленно и все – никуда.

Поэт не умеет предсказывать, но у него это получается. Точнее – он строит свою речь так, что из нее можно извлечь любые подходящие смыслы.

И вот он предсказал: безвременье.

Поздравляю, читатель! Ты в нем и живешь в этом безвременье, если, как и я родился в Советском Союзе, а теперь живешь в период «стабильности» и «модернизации».

Как там твоя работа? Кем работаешь? Что – говоришь с работой пизда?! Неужели!?

А ты возьми, и не работай! Что – не можешь?!

Понимаю, жить не на что станет, кредиты, жена...

Тогда читай меня дальше, и не пизди тут особо.

Знаешь, чем занимаются пишущие чудаки на самом деле?

Они человечество спасают, поэты. Преодолевают розовую и голубую пошлятину и бесконечную, как товарный состав, подлость.

А ты как думал?

За границу еще не собрался? Ты же так часто любишь, читатель, говорить фразу: «Пора валить!», или «Я никому ничего не должен!»

Ну, так вали, и не будь никому должным. Нам не по пути. А мне никуда валить не надо – я тут родился, и я, кажется, что-то все-таки должен этой земле и своему народу.

Да, земля и народ важнее мнимой свободы, которой, кстати, в Европе «твоей» нет.

Не обвиняй меня в современном патриотизме, читатель. Я все понимаю – понимаю, что государственные деятели еще те ловкачи, - они сообщили нам, что Родина – это есть Власть (то есть они сами) с георгиевской ленточкой на хвосте.

Но я им не верю.

Какая-то политика пошла. А я так не хотел ее задевать. Потому что убежден – что лучшая политика – это никакой политики вообще.

Все, проехали.

О чем я? О поэтах? Опять о них?

Поэт – предсказатель. На его душе – некий мистический груз ответственности. Он должен быть правдив. Ему в помощь – его словесность и его мифология. Собственная поэзия и разум.

...Пришлось становиться на учет в отделе по безработице. Мне кто-то посоветовал. Кто-то из товарищей. Сказали, мол, раз в месяц будут деньги давать, в смысле присылать их на карточку. Не много, но на бухло хватит. То есть – раз в месяц хорошо гульнуть, как следует. Со всеми вытекающими последствиями, ну, если хочешь, то можно и без них.

Не все просто в стране под названием Российская Федерация. Просто так тебя никто не поставит ни на какой учет, и денег тем более не даст.

У нас в районную библиотеку записаться – и то не всегда можно с первой попытки.

А тут - насквозь бюрократический город наш, название коего упоминать лишний раз не вижу смысла. У нас тут все сложно.

Отдел по безработице населения, или как он там правильно называется, находится в жопе города, а именно на Ангарском поселке, в районе остановки ул. Раздольная. От остановки – пиздовать вниз еще прилично. Там, внизу улицы стоит старое двухэтажное захолустное здание; вот в нем и находится отдел занятости и трудоустройства населения.

Я приехал туда утром, спросил в стеклянном окошке – что требуется, чтобы встать на учет. (Перед этим положенную очередь я отстоял). Оттуда, из окошка мне протянули бумажечку, где был список необходимых документов.

Посоветовали взять подписку газет с вакансиями. Газеты лежали на столиках. Я проигнорировал предложение.

Собрать документы нужно было такие: паспорт, военный билет, полис, четыре фото 3х4, справку с последнего места работы о доходах, трудовую книжку с последней записью, ИНН, пенсионный бланк какой-то. Еще, кажется, что-то.

Почти все эти документы у меня наличествовали. Но не все. У меня оказался какой-то просроченный или «не тот» медицинский полис, и его надо

было менять. Менять, естественно, в другом конце города, в другом месте, в другой организации.

У нас в городе миллион невнятных организаций. Скажите мне – чем они там, блять, все занимаются? Что они производят или делают? А они знаете – что делают, как мне сказали? Они – осуществляют социальный контроль и способствуют функционированию общественных отношений и так далее что-то и тому подобное! Что, блять, чтобы осуществлять некий социальный контроль и все остальное требуется так много всяких организаций?

И они еще говорят про советскую бюрократию, которая, якобы, когда-то процветала. Да раньше придешь, как рассказывали родители, куда-нибудь в одно конкретное место – и тебе там сразу все нужные бумажки выпишут и печати поставят. В исполкоме каком-нибудь, например, или на производстве, где ты работаешь. Проблем не было. Не нужно было ломиться со всех ног куда-то по городу, и искать какую-то контору, где тебе выдадут нужный бланк. Медицина – бесплатная была, образование – бесплатное; безработный никто нихуя не болтался, ибо государство заставило бы тебя работать. Нет работы? Не можешь устроиться?! Не вопрос – пойдешь на завод, устроим как всех, не переживай. Только работай, и будь человеком, соблюдай элементарные общественные правила – больше от тебя ничего сверхъестественного не требуется. Так было. А сейчас мое государство заняло такую позицию, как будто бы меня, и таких как я, да и вообще – всех граждан - не существует. А если они существуют, то государство наше, тут как бы - ни при чем.

Нашел я, то место, где меняют полис.

Меня там спросили:

- Вы безработный сейчас?
- Да, - ответил я без злобы.
- Высшее образование есть?
- Есть. И степень имеется...

- Тогда вам в ту очередь, - сказали мне, особенно не слушая того, что я отвечаю, - и указали на очередь, в которой резко выделялись какие-то старухи и старики, а также кучка то ли цыган, то ли узбеков. – Они, как потом выяснилось, эти нацмены, пришли получать временные полисы, так как были, типа, нелегалами, приезжими, и прочим неблагонадежным национальным элементом. Среди всей этой разношерстной толпы оказался и я.

«Хорошая очередь, - подумал я, - глубокие старики и старухи, цыгане грязные, какие-то узбеки с детьми и баулами, и я – учитель истории и культуры, кандидат наук, и, между прочим, неплохой поэт...»

Очередь моя подошла, как ни странно, довольно быстро, и я получил тот полис, который нужно.

Дальше надо было ехать на бывшую, блять, работу за справкой, которая подтверждала бы, что я там, блять, у них работал.

Времени прошло немало, как я там отработал. Я, собственно, там и не появлялся с того дня, как ушел. Но ехать надо было, раз уж взялся оформлять себе это пособие.

И я поехал. То ли в этот же день, то ли, на следующий.

Поехал днем.

Быстро прошмыгнул в двери, повернул налево, в коридор, и уже стучался в бухгалтерию.

Я не хотел, чтобы меня видели.

Мне сразу открыли. Узнали. Начали естественно расспрашивать, где я сейчас работаю, как мои дела, не женился ли...

Я хотел много сказать в ответ гадкого, но не мог – мне нужна была от них справка. Поэтому, я что-то ответил, пытаюсь даже шутить в их стиле.

Справку мне сделали быстро. Что очень странно. И я тут же покинул место бывшей обрыдлой работы.

«Так, справка есть, полис нужный есть, военник имеется, все остальное – тоже», - сказал я себе.

Можно возвращаться в отдел по безработице.

Приехав, я обнаружил приличную толпу. Все стояли во второй кабинет. Мне, по воли судьбы-злодейки, надо было туда же. Там принимала тетенька-специалист по постановке на учет безработных граждан. Делать нечего – я занял очередь. Отстоял. Вошел.

За столом сидела молодая забитая женщина в роговых очках. Выражение ее лица было совершенно безвольным, - как я определил для себя.

«Наверное, в школе была дикой занудой, - подумалось мне».

- Так, угу... ага... понятно... - она смотрела в мои документы, и вбивала данные в старенький, выдавший виды, компьютер. – Кем говорите, работали?.. Понятно... Сколько не работаете на данный момент? Понятно... Экскаваторщиком, грузчиком, озеленителем – не хотите?

Я улыбнулся: «Издеваетесь?..»

«А что?» - парировала она – «у нас переучиваются на другие профессии и идут работать, да!..»

Она произнесла это так, что как будто бы здесь, дают, чуть ли не путевку в жизнь заблудшим душам, и я обязан ее благодарить за то, что вот она сидит, и хлопчет насчет меня – думает, куда бы меня устроить, а я сижу и отнекиваюсь.

«Вы посмотрите мои документы, и последнюю запись в трудовой», - сказал вежливо, но утвердительно я.

Она посмотрела. И заговорила уже чуточку по-другому.

«Вам оформят карту Сбербанка по месту жительства, в ближайшем банке – будете получать пособие. Вот вам лист отметок – раз в две недели вы обязаны приезжать, и отмечаться. Два отказа от работы по специальности – пособие снимается. Если есть подходящие вакансии, вы не имеете права их игнорировать, и должны ехать. Если отказывает по какой-то причине работодатель – тогда другое дело. Пособие продолжает выплачиваться. Пока

что подходящего по вашей специальности ничего нет. Скорее всего, в следующий раз. Можете идти».

Она отдала мне листок, где написала следующую дату моего приезда в отдел.

Взяв листок, я вышел.

В тот же вечер я оформил себе карту Сбербанка, и начал ждать первой безработной «получки».

В конце этого же месяца пришла эсэмэс, приблизительно со словами, что на счет такой-то переведено столько-то.

Я сходил и снял все.

Деньги потратились сами собой, причем на всякие мелочи: кончилось мыло, зубная паста, бритвы, носки, крем для бритья и все такое прочее. И я все это купил. Денег не стало.

Приходило на карту около двух тысяч. Иногда – чуть больше. Чем там они руководствовались, когда начисляли – я не знаю.

Следующие деньги мне удалось пропить.

Я сидел дома, хотелось движухи какой-нибудь. Движухи – не было. И тут – долгожданное мучительное эсэмэс. Дальше – ну вы поняли...

Это был, кажется, конец октября, приближался день рождения Федора, моего товарища; тогда мы еще очень часто общались, и справляли всякие торжества вместе.

Он сам позвонил, и позвал меня к себе на дачу в субботу. Я пообещал, что приеду.

Подарок, пусть и дешевый, был куплен. Деньги есть.

Я купил еще разливного пива, около трех литров, и приехал.

Можно было его и не покупать – так как его и без меня купили бы. Я это знал. Но идти с пустыми руками (помимо подарка) тоже не хотелось.

Потому как я знал, что все будут до начала официального торжества просто пить пиво, болтать, дурачиться, что-то жарить на огне и т.д.

Народа собралось много. Приехали два настоящих негра, которых Мишка Большой откопал где-то в университете в количестве двух штук. Точнее – их привезли.

Всех остальных перечислять не вижу смысла. Так как присутствовали как обычно все те же и там же.

(Просто перечислять присутствующих – мне кажется скучным).

.....

Основное веселье началось, когда уже основательно стемнело.

Федя топил баню, парился. Парились желающие, тут же пили водку. Вскрикивали, выбегали из бани и бежали в домик. В простынях.

(Осень как-никак: градусник показывал около пяти-семи градусов, со знаком плюс).

Парили негров. Федя их лупил вениками.

Негры были из Бурунди – беднейшей страны Африки. Но сами негры были с деньгами, потому что позволяли себе учиться в России.

Жаль, они быстро в дальнейшем спились, потому как, пить они не умеют: им, что стаканчик пластиковый налить, что ведро – все равно. Выпивают залпом, и через две минуты требуют еще. И так, пока не свалятся.

Глубокой ночью, кстати, они уйдут с дачи пешком, и им дадут пизды какие-то гопники с поселка.

Дача, кстати находится также за поселком Ангарский. Сколько там веселых кутежей было и не сосчитать. Хотя, если постараться – то можно. Веселых и забойных – может десять-пятнадцать.

(Я прикинул в уме, и подсчитал только что)

.....

Я не парился. Не люблю.

Сидел в домике за столом. Бухал и общался с народом. Был рад, что есть на что бухать; было, на что купить скромный подарок, и что есть на проезд.

Так я стал раз в месяц транжирить свои безработные «получки». Тратил все за один вечер, как правило. Все, без остатка.

Иногда деньги приходили в два захода: немного в начале месяца и остальное – в конце.

Мой товарищ, Володя Мартин, работал на тот момент моей жизни в одном из баров в центре города, барменом. И мы иногда к нему заскакивали зимними вечерами выпить. Он щедро нам наливал бесплатно. Обычно – стандартно водку с соком или конину с лимонадом. Типа, коктейль. Феде – водку, мне – коньяк.

Сейчас я пишу эти строки, и времени с тех пор, как все это происходило, прошло не так уже и много. Около трех лет.

Однако жизненный расклад ныне такой: Володя сейчас в тюрьме, в лагере в Ставропольском крае; с Федором мы сейчас почти не общаемся, к сожалению; а я пишу новую книгу в соавторстве с Денисом.

Да, Мартин...

Вовчика посадили за наркоту. Он торговал ею, чуть ли не в промышленных масштабах; изготавливал (потом, как выяснилось, у них была целая лаборатория) создавал, продавал. И, к сожалению, сам употреблял. Его даже брали с ней неоднократно, но, он, то ли откупался, то ли еще что – но выходил сухим из передрыг. Деньги – понятное дело было. Даже много по нашим городским масштабам.

Я как-то предупреждал и дружески советовал подвязать с этим делом, пока не поздно. Естественно, он не слушал...

Володю часто штрафовали за езду на мотоцикле в пьяном и обдолбаном виде. Один раз это произошло прямо на Аллее Героев, где собираются любители мотоциклов; и знакомый народ всем миром пытался его высвободить из рук органов. Я в тот вечер был неподалеку, и тоже пришел морально поддержать; не более.

Тогда все обошлось.

Потом он пропал. Последнее - что сказал мне: «Уезжаю в Сочи, работать барменом». И все.

В конце лета – звонок с неизвестного номера:

«Привет, Лень! Это Володя Мартин. Я в тюрьме...»

«Безработные» деньги было здорово пропивать. Ты знал, что их мало, что это жалкая подачка государства, которому ты не нужен. И поэтому этот плевок нужно было морально вернуть, обратно в виде пьяного куража.

Так, повстречав в центре какого-то пожилого бухого ханыгу, который стрельнул у нас немного денег на сиги, мы потащили с собой в кафе «Кавказская пленница». Там взяли себе и ему пива. Сели в чистые кресла в своих засаленных зимних куртках, не снимая их, и стали пить.

Чьи куртки были чище – наши или этого ханыги – это еще вопрос.

На нас косились официантки, администратор и посетители. Но ничего поделать не могли – мы сделали заказ, оплатили его. Сидели мирно.

Да, бурно конечно, что-то обсуждали, я, кажется, даже рассказал какое-то стихо, на что пьяный ханыга отреагировал и громко зааплодировал.

На нас оборачивались. Возле нашего столика и кресел постоянно «дежурила» официантка или администраторша.

Мало ли что...

Здесь сидят приличные люди, а мы слишком выбивались из всей этой доброй почтенной массы.

Пошли мы в это ебучее кафе только потому, что рядом на улице, уже ничего не работало. А было прилично холодно. Выпить хотелось, опять-таки...

Обе телки (официантка и администраторша) с «фирменными» прическами: длинные черные крашенные волосы, забранные в пучок, черная косметика. Не женщины – а кобры. Женщины-кобры. Наверняка, черные сумки, черные сапоги, а также леопардовое нижнее белье у них было в наличии. Так положено у тех, кто усиленно метит в средний класс.

Ханыгу этого пропитого мы потом с приятелем, кстати, где-то забыли за гаражами, когда пошли ссать. Я бы сказал – мы его потеряли.

Поскольку, выйдя из кафе, мы домой сильно не торопились. (А было поздно, около 11-12 часов ночи). И поэтому, подсчитав сколько у нас осталось лавэ, мы решили продолжить наше шатание.

Дошли до каких-то гаражей. Стали ссать. Ханыга этот вроде с нами крутился (не могу совсем вспомнить, как его звали).

Поссали. Закурили. Стоим...

Стоять очень холодно. Куда-то побрели...

Через какое-то количество пройденных метров вспомнили про третьего нашего собутыльника сегодняшнего. Вернулись к гаражам – никого.

Отмечаться в службу занятости я ездил регулярно, без косяков.

Приезжал, заходил в кабинет все к той же тетеньке. Если была очередь – стоял.

Она иногда давала мне направление в какие-то молодежные центры, школы, студии...

Я везде ездил, ставил отметку у руководителя, что мне отказали и счастливый ехал обратно.

Один раз, правда, в каком-то досуговом молодежном центре, что в Дзержинском районе, который существует естественно только на бумаге, как и многое в нашем городе, мне руководительница отказала.

- Что не хотите у нас работать??

- Не то что бы совсем не хочу, - начал мягко я, - а сомневаюсь: хочу ли...

До этого мне сказали (другая тетка из этого центра) что зэпэ моя будет чистыми – 8 тысяч. Плюс надбавка какая-то. Ну, десять я буду получать. Прикиньте, - десять! Мало того они за эти десять с меня сто шкур сдерут. Ебать-копать! И с восьми до пяти я там буду неизвестно чем заниматься?! Не, нахуй надо. Я вообще работать не буду до конца дней своих!

- Что вас не устраивает? – сказала руководительница.

Кстати, выглядела она подобающе, знаете, как в постановочных западных порнофильмах выглядят тетки среднего возраста, милфы: манера говорить – несколько вызывающая и претенциозная, много макияжа, несколько непривлекательна, крашенные волосы, короткая черная юбка, колготки со стрелками...

Вот и эта руководительница выглядела почти также. Я как ее увидел – сразу подумал про какой-нибудь америкосовский или еще хуже того – румынский порнофильм.

- Меня не устраивает, скажем так, зарплата... А вообще, не могли бы Вы, просто поставить отметку, что я вам не подхожу и все. Ну, там еще подпись и печать, - старался быть максимально вежливым я.

- А давайте, я лучше напишу, что это вы отказываетесь?! И с вас снимут пособие? Это у вас пока первый будет отказ?

- Да первый. А там и до второго недалеко...

«Знаете, - сказал я, глядя ей в ее бледоватое и тупорылое бабское лицо, - мне, в общем-то, все равно, что вы напишите. Думаете – мне нужна работа? – на этих словах я слегка разошелся, - она мне не нужна. Детей я не люблю, подростков – тоже. Женские коллективы – тем более. Работать бы в вашем...э-эм... учреждении я бы никогда не хотел».

- А почему у вас такая позиция, и отсутствие желания работать?? – сказала милфа.

- Не знаю. Возможно, причина во внутреннем социальном пессимизме и личном декадентстве, - ответил я. – А может, я просто не в себе.

Она недовольно улыбнулась, посмотрела на меня как на диковинную зверушку, - достала печать из ящика стола, расписалась в моей бумажке и шлепнула штамп.

Написала, что я не подхожу по специальности. И что это – ее отказ. Это был хороший расклад.

Я тут же вскочил со стула и ушел. Сказав напоследок:

«Благодарю Вас. Вы меня спасли».

Вечером того же дня я дописал статью на заказ – мне заказывали. Позвонил, чтоб отдать текст и получить деньги за это.

Мне заплатили три штуки.

В тот же вечер их и не стало. Я обзвонил всех проверенных собутыльников и проходимцев, встретился с ними и мы устроили кутеж сначала в одном кафе, а потом в другом.

Ближе к ночи, мой приятель в каком-то дворе пнул проезжающую мимо иномарку. Из нее выскочил средних лет слегка пузатый жлоб.

Нас было двое. Мы были прилично пьяные, я бы сказал - сильно, и оттого, быть может, излишне решительны. Это чувствовалось.

«Ты охуел пидор, бля?!!» - крикнул этот дядя - приятелю.

Приятель, подойдя ближе к машине, ударил по ней ногой еще раз. Сильнее.

Я засмеялся.

Дядя зыркнул на меня своими пороссячьими глазками.

Я отошел на безопасное расстояние на всякий случай, потому что если он полезет драться, то надо будет за полсекунды решить: ударить его, или отбежать в сторону.

Дядя начал орать матом что есть сил на весь ночной двор, и пытаться неуклюже поймать приятеля. Приятель начал бегать от него по детской

площадке и дразнить. Примерно так, как Буратино в фильме дразнил Карабаса-Барабаса.

Мужик этот, просто дичайше матерясь, захлебываясь в собственной злобе и даже бессилии, плюнул, резко прыгнул в машину и дал газа.

В другой раз я поехал в очередной досуговый центр молодежи, но уже Ворошиловского района. Там дела обстояли совсем тухло.

Старое четырехэтажное здание. Внутри - извечный не выветриваемый запах каких-то старых половиков и дорожек. На четвертом этаже располагается этот самый досуговый центр для подростков.

Меня встретила пожилая женщина, в какой-то бутафорской шали на полспины; шаль эта свисала почти до пола.

Она пригласила меня пройти в кабинет. Я вошел. Присел на стул.

Внутри сидели еще три женщины: тоже довольно пожилые, и все как на подбор одинаково одетые во что-то серое и невнятное. На головах – кули забранных в пучок волос.

- Вы из службы занятости? – спросили.

- Да.

- Ну что ж, нам требуется художественный руководитель детско-юношеского коллектива. Вы когда-нибудь имели дело с детьми, со сценой? Что вы заканчивали?

- Педагогический. Истфак. Именно с детьми – нет.

- То есть – Вы учитель.

- По диплому – да.

- Преподаете в школе?

- Нет, никогда не преподавал. И не собираюсь.

Я решил просто обычно и нейтрально поговорить и ничего не рассказывать, чтобы эти «почти бабушки» (кстати, кто тут главная? наверное, - вон та, у которой бусы дурацкие на груди и сережки в пол-уха) поставили мне правильную отметку.

«Понимаете, к нам придут дети... Нужны будут сценарии: песни, танцы, стихи...

А Вы? Ну, раз никогда не имели дело с детьми, то откуда же знаете, что надо делать? – Искренне слегка распалялась эта женщина.

- Вот, к примеру, нужны будут стихи на какое-нибудь мероприятие. Вы умеете делать стихи?»

И сама же ответила за меня:

«Нет. Ну, какие стихи - и Вы, раз вы этим никогда не занимались!»

Я, молча, кивнул, мол, - согласен.

Она расписалась в бланке и вернула его мне.

Я снова ушел довольный.

Отмечаться в службу занятости, надо было ехать еще не скоро, - а там глядишь, и конец месяца. На карту перечислят подачку. Я ее обналичу. Куплю себе синего «Винстона» и разливного пива; и буду жить дальше – писать практически никому не нужные стихи и книжки.

Вообще он отличный человек. Отзывчивый, добрый, свой в доску, компанейский. Не гад. Вот только с женщинами ему совсем не повезло. Но, то не наше дело, как говорится. Хороший он все-таки, Федька. Я в это всегда буду стараться верить. Даже, когда это будет не так.

Федька все эти годы нас объединял, в том плане, что мы вокруг него держались. Он всегда звонил, звал, приглашал, помогал и т.д. Редко сейчас такого встретишь.

Познакомились мы давно, году в 2009-м, когда сидели у Мишки Большого на квартире. Мы раньше у него там часто сидели. Мы (я и Мишка) учились в аспирантуре, и после занятий частенько зависали у него. То вдвоем, то еще с кем-нибудь. Жил он тогда один и всегда был рад нас видеть. Ну, а мы всегда были рады быть приглашенными в гости со всеми вытекающими и втекающими последствиями.

Вот так и в тот раз; кажется, это был конец зимы, Мишка сказал, что сейчас один парень приедет. Ну, приедет – хорошо.

Мы с Мишкой сидели и выпивали.

Приехал, познакомились.

Федя с порога открыл двухлитровую баклажку пива и чуть ли не махом ее выпил. Потом разговорились. И собственно с того дня стали дружить.

Описывать все совместные похождения – смысла нет. Но, кое-что рассказать стоит.

Летом, в конце июня предстояла – дача. А точнее – традиционная уже на тот момент тусовка на Фединой даче в честь чего-либо. Повод находился у нас всегда, потому, что окружение наше сплошь пьющее и даже употребляющее.

Повод был. Мальчишник. То есть – пьянка в честь предстоящей Фединой свадьбы.

Ну, мальчишник так мальчишник. Мне все равно, лишь бы хорошие люди собрались. А люди действительно должны были собраться хорошие, и все - наши.

За день до предстоящего мероприятия мы с Федькой сгоняли к нему в гараж на его убитой «пятерке», ВАЗ-2105 за мощными колонками. Погрузили их на багажник, приделанный к крыше, и привезли на дачу.

Федя по профессии электрик и специалист в области водоснабжения; вообще – мастер на все руки. Поэтому сделать так, чтобы колонки играли на всю мощь – для него не представляло особого труда. К тому же усилитель и все прочее имелось в наличии.

На даче имелся одноэтажный аккуратный кирпичный домик, маленькая кирпичная баня и летняя деревянная пристройка, или как мы ее называли «чилл-аут». В чилл-ауте при желании можно было поместиться хоть вдесятером. Что мы, бывало, и делали, когда что-то отмечали.

На следующий день, 21-го июня, мы стали собирать людей. Так как не все знали – куда ехать.

В итоге – собралось нас примерно пятнадцать-семнадцать человек.

Колонки стояли на улице; подключен микрофон, на случай если кто захочет петь или говорить что-то важное (например, стихи); есть две акустических гитары, усилитель, и все прочие приамбасы.

Чтобы народ, не спутал – к какой даче подтягиваться, с вечера – колонки начали здорово греметь, но не полную мощь.

Кто-то жарил мясо, кто-то растапливал баню, кто-то накрывал в чилл-ауте поляну и т.д.

Я, лично, ничего не делал, и уже потихоньку начал пить пиво, поскольку накануне поработал – подмел с Федей пол, вынес мусор, принес дров, и все прочее. Приготовил, короче, место для банкета. Помог.

Стало вечереть, еду и выпивку было решено вынести на улицу и поставить на большой круглый летний пластиковый стол, вокруг которого были установлены сиденья: стулья, табуретки, пеньки и просто доски. Тут же

рядом располагалась наша музыка; что-то жарилось на костре – в общем, стол находился в самом центре событий.

Началось дачное застолье; каждый в микрофон, чтобы все слышали, произносил речь, или просто говорил, все, что думает.

Потихоньку разошелся Нафаня, отец Феди, который очень любил с нами тусить. Он начал рассказывать про свои прошлые похождения, учебу в ленинградском институте, и много всего прочего. Его не особо слушали, и тогда он сказал, что покажет попу, если ему не дадут договорить речь. Ему естественно не дали договорить, на что Нафаня сказал: «Ну, я предупреждал», - и с этими словами спустил свои шорты и трусы, обнажив до половины свои ягодички. Он уже был прилично пьян к тому моменту.

Особо этот жест никого не смутил, но часть общественности дико засмеялась.

Присутствовал на гулянке и Миша Маленький. Надюшка, его жена, отпустила на движняк, и Миша решил оторваться с присущей ему манерой.

Миша обычно отрывается так: напивается до состояния полной отключки, до полнейшего беспамятства.

Собственно, гульба шла своим чередом, темнело. Кто-то полез в баню, кто-то начал разбредаться по участку и сидеть небольшими группками по два-три человека и общаться, но основная масса, естественно, тусовалась около стола. На столе – все как полагается: водка, коньяк, запивон, пиво, жареное мясо, салаты и прочее и прочее.

Я добрался до ноута и колонок, начав ставить всякую смешную и угарелую музыку. Поставил в обязательном порядке группу «Кар-Мэн», песню «Лондон, гудбай». И другое.

Миша вышел из бани в простыне, как древнегреческий бог, или как розовый поросенок; постоял с ничего уже не соображающими глазами и ебнулся рогами в колонки. Его подняли. Он, слегка освежившись, чуть позже

продолжил пить. Кто ж ему запретит? Позвали на пьянку – значит пусть пьет. На то и устраивалась вся эта вакханалия.

Но в итоге – за Мишей мы немного не уследили...

Продолжался кутеж, приехал кто-то еще. Новые гости. Поздравления, рукопожатия, приглашение к столу, фразы про то, как давно не виделись и все такое. Как и полагается.

Где-то в центре дачи, возле стола скопилась основная масса присутствующих, среди всех – где-то нахожусь и я. Пью разливное пиво, периодически доливая его себе в бокал из прозрачной пластиковой бутылки – в общем, все хорошо. Я тоже уже неплохо так подпит; пританцовываю, как и все, смеюсь над чьими-то репликами, тоже что-то отвечаю кому-то; и мне в ответ также смеются.

Тем временем Миша Маленький...

А Миша Маленький отзвонился последний раз за вечер Надюшке, сказав, что все хорошо, и что, быть может, он даже скоро придет домой, вызовет такси (они тогда жили недалеко от тех мест, где дача).

Позвонив, Миша вернулся к столу, и, продолжил опрокидывать стопки, начав запивать из моего бокала пивом.

Мишу стало заметно шатать. Все, кто купался в бане – переоделись, или, по крайней мере, сняли с себя простыни, оставшись в трусах или шортах, но Миша оставался в простыне на голое тело; поскольку Серега Чичурин с Андреем-младшим работали в тот вечер истопниками в бане, то они вместе с бумагой и древесными щепками и каким-то тряпьем закинули в печку Мишкины трусы и носки, которые он бросил у порога бани, когда в нее заходил.

Все танцевали, Миша зачем-то решил повернуться в пол-оборота, и, потеряв равновесие, рухнул с бокалом пива на колонки. Его поднял лично Федя и принялся его таскать на руках. Миша висел в его объятиях, в лоскуты пьяный, и лишь глупо-преглупо лыбился, силясь что-то внятно сказать.

К началу ночи многие стали разбредаться. Кто-то уехал, кто-то пошел спать. Музыку выключили, или сделали очень тихо, а в руках у Феди появилась гитара.

За столом сидело всего несколько человек: я, Федор, Шура Могилевский, Нафаня и уже совершенно ничего не соображающий Миша.

Мы продолжали выпивать, но довольно умеренно. Миша тоже тянулся к стопке и требовал. Ему наливали меньше всех, так как он уже часа два не внушал нам никакого доверия.

Спать Миша не шел. Он такой человек – если его гнать и заставлять пьяного, он ни за что не сделает, то, что его просят сделать, а наоборот начнет выкабениваться.

Федя перебирал по струнам и что-то тихо пел. Остальные слушали, лишь иногда перекидываясь какими-то фразами.

Миша сидел между мной и Шурой Могилевским.

Федя окончил песню, все выпили еще. Выпил и Миша кое-как...

На дачах стало совсем тихо, у нас тоже почти все затихло. И вдруг мы услышали какое-то журчание, - как будто вода из чайника проливается на пол.

Сидевший рядом с нами Мишка, задрав, свою простынь до живота – ссал на коврик, на котором стоял наш столик.

«Миш, ты, что ж делаешь, а?!» - только и успел растеряно произнести Федя.

Миша в ответ скалился какой-то полушизофренической улыбкой, естественно, не отдавая себе никакого отчета в сделанном.

Федя опрокинул свою табуретку, подбежал к Мишке и сбросил его на землю, но даже не ударил.

Нафаня, как мудрый человек, сказал, что нужно его отнести в чилл-аут и положить там, спать на бок, чтобы он не захлебнулся вдруг рвотой. Мы так и поступили.

А утром мы вывозили Мишку с дачи на машине Шуры Могилевского.

Мишка почти ничего не помнил. Совсем.

***

Это что. Как-то Мишка связался с какой-то женщиной-алкоголичкой, и поехал с ней рано утром на пляж в Краснослободск.

Точнее было так: они пили с ней всю ночь; сначала у нее, потом во дворе, возле подъезда, благо – жила она в центре на ул. Мира, а утром они, видите ли, решили поехать искупаться. Ну что ж, искупаться – это можно, тогда еще кораблик ходил на ту сторону, поэтому проблем не было.

Я, естественно был дома, и всех ночных походов-посиделок Мишкиных со спиртным не знал. Оно мне и не надо знать. Тем не менее, утром меня разбудил звонок с неизвестного мне номера.

Я поднял трубу:

- Да!

- Лень, привет, это я, Миша. Тут такое дело... - начал он, пьяновато посмеиваясь.

- Какое?... А че ты не со своего звонишь?

- Это телефон моей... э-эм...подружки...

- Ну...

- Тут это, - продолжал он, - ты не мог бы мне в речпорт, ну знаешь, где переправа, привезти какие-нибудь шорты там, и мелочи рублей пятьдесят.

- Ха! Ну мог бы, в общем... А что случилось, - спросил я, почти смеясь.

- Нас обокрали.

И Миша мне вкратце рассказал ситуацию о том, как они приехали рано утром купаться со своей ночной собутыльницей, а их одежду реально стащил какой-то тип таджикской наружности. Вернее – стащил только Мишкины вещи, а пожитки собутыльницы украсть не успел.

У Мишки в вещах были телефон и деньги, а при себе остались только шлепанцы и плавки, что были на нем. Запасную футболку какую-то ему дала его спутница.

- Мы ему кричим из воды – стой! – Рассказывает Миша, а он уже был таков.

Оказывается этот «товарищ», тот, что украл, подошел к ним, разговорился, усыпил их пьяную бдительность, Мишка-идиот попросил его посторожить вещи, пока они будут купаться, а тот дождался, пока они залезут в воду, схватил Мишкино шмотье и побежал – только пятки засверкали по песку.

Я приехал в речпорт с шортами для Мишки. Подошел паром. Смотрю – и правда, выходит по трапу Миша с бутылкой начатой пива, в одних плавках и шлепанцах, а рядом с ним нетвердыми шагами топает его ночная подружка.

Ждешь каждое лето. Я его вообще всегда жду. Сколько живу - столько и жду. Не то что бы мечтаю, чтоб скорей началось, - а жду теплого времени года, уже с начала весны начинаешь мысленно отсчитывать себе что-то, как бы приближая.

Две тысячи шестнадцатый год незаметно подкрался. Год, когда всем, родившимся в тысяча девятьсот восемьдесят шестом будет тридцать лет. Так идут времена, сменяя друг друга. Это мой год тоже. Теперь тридцатилетние – это мы. У меня это категорически не укладывается в голове. Ка-те-го-ри-чес-ки! Как так-то? Мы – и вдруг уже тридцатилетние. Что за жуть?!

Как оно быть взрослым? – а вот так – бац, и тебе тридцатник. Что сделано, что достигнуто? Хер его знает... Что-то конечно, сделано, если разобраться.

А почему вообще что-то должно быть сделано? – живи, созерцай, - это самое главное, следуй Пути, ведь жизнь увлекательное путешествие по собственной судьбе. И даже тот, кому кажется, что у него не увлекательное – то это не так. Жизнь – это уже хорошо, а где-то даже здорово. Весь спектр ощущений, плохих в том числе – все это Путь. Так должно быть. Просто следуй Пути. Все проходят эти этапы. Лучше пройти их внутренне осознанно.

Знаю, что несу здесь банальщину.

***

Откуда я ее помню? Такое чувство – что помню... Ей 36 лет, кажется, то есть на шесть-семь лет старше меня. В молодости была красивая, скорее всего ходила на танцы в девяностые годы... Знаете, были всякие кружки, секции для детей и подростков... Такая блондинистая телка. Наверное, про нее в каком-нибудь дворе пели под гитару песню «Королева снежная». Я ее

тоже раньше пел, когда научился, еще двадцатилетним типчиком: «А теперь ты нежная, королева снежная...»

Или на танцах она была самой красивой. Раньше же, как было – две красивых или одна, - а остальные вроде как не в счет. Ну вот появлялся возле нее самец какой-нибудь и начинал обхаживать. Худрук это поощрял, мол, дети социализируется, и т.д. Советская система. Остальные ребята тоже вроде как в счет не шли. Самец, конечно, из этого же коллектива. У нас так было. Правда, не на танцах. Я хитрый и умный, и все это предвидел уже тогда – поэтому намеренно у меня была девушка не из коллектива, а просто из другого класса, к тому же младше меня на полтора-два года; в подростковом возрасте такая разница кажется существенной всегда.

.....

А сейчас ходим по коридорам – просто здороваемся. Может, стоит подойти и спросить – не пересекались ли мы когда-то через подобные коллективы. Она, скорее всего, засмеется, и скажет что-то типа: «Может быть», - или скажет: «Нет». Мне это вовсе и не важно, что она скажет, - у меня нет на нее видов. У нее дочь есть, муж там. Просто люблю представлять себе, как человек пишущий, - как оно все было раньше у людей, к тому же по возрасту близких и мне. Вряд ли я ошибаюсь. То, как я все это представляю, - скорее, так и могло быть.

И выглядела она красивее, если она и сейчас очень клево выглядит; значит, раньше еще лучше выглядела.

***

Подпитые тетеньки с работы моей матушки говорили ей перед Новым годом: «Обещай, что будешь весела, что бы ни было!», - и при этом тут же забывали то, что говорили. Или одна из них говорила. Зачем я это помню? Новый год - лживый праздник. А мама моя не пьющая совсем. Верила ли она им, этим коллегам?.. Наверное, хотела верить. Потом шла домой... Она совсем не похожа на них. Без жажды наживы совершенно, честный человек.

И я такой же бессребреник, как мои родители. Нет во мне этого – похоти до денег. Это хорошо.

***

Что еще было? Фильмы уродские, скучнейшие, - какой-то Боярский, Миронов, - нам их еще в пример ставили – вон, мол, какие кавалеры, артисты, смотрите... А по мне – так хуйня - хуйней. Скучная муть и нудь. Только учительницы из моей школы могли замирать, когда смотрели, потому что больше смотреть было нечего.

***

Уебки-одноклассники. Школы спальных районов, которых тысячи. И моя одна из сотен, или десятков сотен растила жлобов.

Был один, перевели из другой школы что ли, - и танцор, и актер, и спортсмен. И стихи даже там – ага, все как надо – тоже могу... Выходил, как сейчас помню, на сцену в актовом зале – рожицу преданную делал, взгляд – вдаль, как будто всматривался, взгляд романтика-капитана, и что-то с бумажки, с записной книжки считывал. Естественно про любовь. Про что же еще! В школе про любовь полагается. Про правильную любовь, романтическую, ни капельки не пошлую. Конечно, любимец советских учителей. Хули...

Я тогда ничего не писал. Гораздо позже начал. Не в этом дело. Ущербность всего этого режима уже тогда чувствовалась. Описать только ее тогда было тяжело – образования и знаний нужных не хватало. До сих пор к учителям плохое отношение. Крайне скептическое. Конечно, не все учителя плохие, я и сам препод по диплому – истории и культуры. Но я не веду себя как учитель. Нет во мне этой упоротости и кретинизма кому-то что-то втулять. Хотя попиздеть и я люблю. Студенты ко мне вроде хорошо относятся, - как-то в коридоре услышал краем уха: «Самый адекватный препод».

Спасибо, ребята. То ли строители были, то ли еще какая-то рабочая специальность.

А еще раньше, много лет назад, были другие времена. Я еще сам учился в школе. Много – это примерно лет четырнадцать-тринадцать назад.

Многие вещи сейчас действительно приятно вспомнить. Даже как приятно – забавно, что ли. И к тому же на них, на вещи и события уже ложится слой времени, невидимый налет метафизики.

Вот помнится: мне почти 19 лет, а я так ни с кем и не встречаюсь. Я про противоположный пол. И вот я вижу возле библиотеки девушку, беру и тут же знакомлюсь. Заметил я ее еще в самой библиотеке, она мимо проходила и улыбалась мне. Как сейчас помню: оранжевый топик, джинсовая короткая юбка; маленького роста. Мне еще 18, ей – как выясняется 22. Через день я назначу ей свидание, и мы встретимся. И провстречаемся в итоге два года с копейками. Два года и два месяца, если быть точным. Потом она уйдет к другому, а я буду дико переживать. Уйдет, когда я буду в Москве, в гостях у Эдика. Мы с Мишей Маленьким рванем туда на выходные. Причем она же, моя девушка, поможет нам с билетами. Странно все.

Но после – появится другая и у меня, а потом еще и еще. Расставаться и заводить с кем-то отношения станет нормой.

А тогда, когда начинали встречаться, я стоял в центре, на конечной 6-й маршрутки и ждал когда она приедет. Я ждал и ждал, звонил. А она, бывало, не приезжала. Я злился, переживал, потому что тогда не было для меня ничего важнее в жизни. Наверное.

Мне было 18-ть, а у меня еще толком не было девушки в «этом самом плане», я жутко внутреннее комплексовал.

Как-то через месяц (или чуть больше) наших встреч она пригласила меня к себе. Я приехал упакованный презервативами, как шахид взрывчаткой, и не смог. На второй раз с божьей помощью я смог – раскрепостился. Приехал от нее в центр, купил себе пива, встретил друзей, и как полагается, между делом, похвастался. Но так – без пошлости. А сказал, что, мол, да – было...

Что я вырос в тот день? Да ничего подобного. Просто перешел еще один жизненный этап – не более. Это было в начале июля. Через несколько дней мне исполнилось 19-ть. Отмечали в «Юбилейном», было такое кафе на втором этаже, где сейчас, то ли «Манго» магазин женской одежды, то ли «Промод». На Комсе.

Год назад, на мое 18-летие мы сидели здесь же, в «Юбилейном». Парашютист дважды пролил пиво на стол – перевернул кружки. Потом обиделся на нас из-за собственной же несобранности и неуклюжести. Мы его стебали.

Витя Романов бегал за водкой, которую мы прикончили в один присест в парке. После – двинули на Волгу, сели на плиты в районе Панорамы, и сидели там часов до 12-ти ночи. Сколько раз я там сидел?! Не сосчитать уже.

Тогда мне было 19-ть и Парашютист без задней мысли, посоветовал мне побрить член и яйца – мол, моей девушке это должно будет понравиться, почему-то. Мотивировав это так:

«Тебе же нравится, когда у нее там все аккуратно?! Нравится», - за меня ответил «знаток» половых отношений. – «Вот и ей понравится, если у тебя все будет стильно и аккуратно, а не как у ханыги».

Я взял и сделал, то, что мне посоветовал, более мудрый товарищ. Четыре дня я еле-еле ходил. Все дико кололось и чесалось. Я звонил на домашний телефон Парашютисту и материл его. Он нелепо оправдывался и одновременно смеялся.

У Парашютиста, сколько я его знаю, а знаю я его вот уже почти, что 14-ть лет – никогда не было девушки. Вернее была одна. Но у них не вышло отношений. Была очень недолго. Потом – через много времени была другая. Тоже – очень недолго. Вроде бы это все.

Парашютист – хороший тип. Помню, как мы познакомились. Он, Парашютист, ходил в пиджаке, синей рубашке, черных джинсах и ботинках. Все время почти так ходил. Пришел на место нашей тусовки, где мы

собирались, мне тогда 16 лет было вообще. Кто-то его так и представил – «О, Парашютист пришел». И пошло, и поехало.

Он ходил в какой-то авиа-кружок и должен был там прыгать с парашютом, или летать на каком-то дельтаплане, хуй его знает, на чем. Но, по каким-то причинам так и не полетел, и с парашютом никогда в жизни так и не прыгнул. А пыга прицепилась на всю жизнь.

Мы тогда весело жили. Дружнее. Все друг к другу исключительно хорошо относились, по крайней мере, внутри тусовки точно. Помню, как я просто растворялся в этих людях - так они мне все нравились. Почему? Наверное, потому что почти все мы были, скорее, из социальных низов, и просто считали друг друга друзьями не особо вкладывая в это какой-то смысл. Наверное, это было правильно. Я, Парашютист, Горыныч, Сержант, Лотар, Витяй, Диман Алкаш... Всех нет смысла перекликать здесь. Да и кому оно надо. Мне одному.

Где эти люди? Я вас так хочу видеть всех. На БГшке, как раньше.

Ну ладно, увидимся мы, допустим, и что скажем друг другу. Да ничего не скажем. Начнем занудствовать. Нет, видеться нам не надо...

У нас была традиция – каждого новоприбывшего в тусовку опускать головой за ноги в фонтан в воду. Аккуратно помочим голову, и поставим обратно. Протянем баттл.

Хоть денег не было, но как-то их находили, скидывались; пили перцовку, в смысле настойку перцовую, заедали батоном с майонезом. Всем хватало. Никто не жаловался. И все какие-то счастливые ходили.

Сидели в «морятнике», встречали закаты. Там они красивые. Пили. Влюблялись в каких-то мимолетных подруг, чьи имена толком и не вспомнить сейчас. Да и самих подруг тоже. Хотя на ум сразу мне пришла, как только я это написал – Таня Клетка. Красавица она была, как говорят, ни в сказке сказать, ни пером описать. Вот и мне сейчас не описать. Но я попробую. Блондинка с зелеными чистыми глазами, точеная фигура, ну, в общем – во! В нее были влюблены все без исключения панки. А она – ни с

кем не встречалась. Вернее, встречалась все-таки, с кем-то, но мы этого не знали, или просто не желали знать – так нам было спокойнее.

Сейчас она в Москве. Работает то ли врачом то ли психологом. От ее былой внешности не осталось и следа. Вот так-то. Нет, что-то и осталось, но все мы изменились, как, ни крути. И, ни от чьей внешности «той самой» ничего не осталось. Думаете, от меня что-то осталось? Хм, ну если я отпущу волосы немного, покрашу их в черный и распотрошу, что называется, может, еще и будет, похоже.

Нулевые давно скрылись за углом. Есть ли смысл их вспоминать и муссировать?

Они думают, что с меня можно что-то поиметь, связавшись со мной. Я про телок. А я – беда – не корыстный типок. Телки – в смысле нахальные студентки.

«Леонид ...асилич, может, вы в кафе хотите, или еще что-то? А в клуб с нами пойдете?» - это намек на быстрый зачет.

Я молчу.

«Ну Леонид ...асилич!»

А я вообще – не очень люблю обращение к себе официальное по имени отчеству, но ситуация и их и меня обязывает.

А им зачет нужен. Нет, не надо мне ничего от вас. Везде пойду, и даже подарок от вас приму, но после того, как вы станете не моими студентами, а я не вашим преподам. Потом. А потом они и не подойдут. А мне и не надо.

Интересно, они хоть знают, кто у них преподает? Что за выдающаяся личность? Это я про себя, конечно. Да чтобы тебя, читатель, позлить. Чтоб ты сказал – вот урод: пишет «выдающаяся», а еще говорит, мол, «я не восхваляюсь». Но я это все специально. Ты не разозлился на этом месте? Ну, хорошо. Значит, я разговариваю с умным человеком. Это всегда приятно.

«Ну Леонид ...асильевич!»

- Давай, поставлю...

(А зачем мне девчонке жизнь портить, а ей мне?!)

Образование сейчас – это фикция. Этого только слепой не видит (хотел написать – кто же это не видит, но не нашел, что сказать, поэтому написал обычно). Все равно поставить заставят. А я так поставлю. Мне не жалко. Да и благородным надо быть, желательно, во всем, в чем можешь.

Препод. Нищий препод. Я ж себя не считаю преподам, помните? Ну вот.

Человек, которому не в лом пить в подъезде из пластикового стаканчика и ссать за гаражом. Да что угодно вытворять. Могу подраться.

Могу окно разбить. Да почти что хошь могу. Я не мумия, я живой, блять! Не зря же я вообще-то философию преподаю. Это как-то даже символично. Такие как я, может и должны именно философию преподавать.

Я знаю, что людям нужно. Людям нужно – не много. Я провинциальный парень – я не совру. Говорю, как есть. Чаяния народа знаю.

Хэ-э! Если б они меня знали. Какой я на самом деле конь! А я еще тот конь! Хорошо лягаюсь и бегаю. Я иногда сдерживаюсь на занятиях, чтоб не сматериться. Веду пару – а сам ругаться хочу, как в кабаке. Но, вроде нехорошо ругаться. Ну, я и не ругаюсь. Хотя, какой-то раз высказал одним. Говорю: «Ты, и товарищ твой, такой же мудозвон!» Ничего. Жаловаться не побежали. Молодцы, пацаны. Да и сами были виноваты – динамили, не ходили. Оно мне, конечно, и не надо, чтоб ходили. Мне все равно. Но отреагировать надо. Ну, я взял и высказал им. И еще выскажу, если надо будет. Кому угодно.

Еще я куратор группы. В группе почти все девочки. 98%. И я самый лучший куратор на свете. Мне так кажется. На классном часу мы пили чай и ели торты, которые я купил. Сидим – общаемся. Всем бы такого куратора. Мне бы такого куратора, когда я учился.

Делаю вид, что ругаюсь на них и воспитываю. Но не делаю этого, потому что ко всем им хорошо отношусь; да хотя бы потому, что дал слово сам себе когда-то – что когда вырасту, не буду как те взрослые, которые меня учили, когда я был маленьким, не стану как они таким же. Я решил порвать этот порочный узел эйджизма. Вроде, у меня пока получается. Мне скоро 30-ть, а я какой-то совсем не взрослый, что меня, безусловно, радует. Я только видимость создаю. Внешне – конечно, взрослый. Но внешность обманчива, и еще, ни о чем не говорит. Ведь так?

«Леонид Ва...» - начинает говорить.

- Что, отчество забыли?

«Да», - смущается. – «Ну, вспоминайте»

Лучше просто по имени. А еще лучше – Ленька.

Мы тоже были студентами, но не до такого же. Соблюдали субординацию.

(Это я, читатель, морализаторством занялся).

Подходит одна и говорит: «А что это у вас пуговицы на рубашке внизу расстегнуты?»

А у меня на животе расстегнулась пуговица. Думала меня смутить.

Я – ей: «Ну, так застегни!»

Смутить хотела! Не знаете меня, совсем, я же говорю. Я такое вытворял, чего вы никогда не сделаете, ибо ненормальности здоровой в вас маловато, или даже нет ее, скорее всего. Вы – ненормальны в своей нормальности. Остальное в вас – все напускное: от выражения лица до одежды – так как ни за что не отвечаете, не принято сейчас отвечать. Сидите в планшет зырите. А жизнь проходит.

А вы мне в ответ сейчас так можете – хоп: «Сидишь и пишешь книжку. Не надоело?»

Люблю встречать дядь Сережу Лебедева. Что хошь расскажет. Главное его встретить. А я его с детства знаю, и встречаю. Ему за шестьдесят уже конкретно. Сейчас не знаю – пьет, не пьет. Но кукушка у него давно уехала, а может, так и было всегда. Хотя, алкоголь свое дело тоже сделал в определенной степени.

Дядь Сережа отличный типаж русского человека. Маленький, очень маленького роста, толстый, неуклюжий, неповоротливый. Говорит – полный бред. Все, как ни встречу (с самого моего детства) сразу начинает: «Ну что, казак, когда жениться будешь?» - «На ком, дядь Сереж?» - «На дочке моей. Давай, засылай сватов!»

И так – постоянно. А именно – ну примерно... примерно, с 1991 года. С пяти лет. Мне, то есть, было пять, и он мне это говорил. Последний раз подобный диалог у нас состоялся, когда я минул 29-летний порог. То есть – традиция какая-то сложилась.

Знаете, есть люди, (в жизни каждого человека они, я уверен, есть) которые тебе вовсе и не близкие никакие, вы редко видите; да что там редко – от случая к случаю; у вас нет номеров телефона друг друга – вас объединяют только годы, проведенные на одной территории, скажем, живете вы в одном доме и все, но вы понимаете, что не можете уже без этого человека (или людей), он вам зачем-то нужен. Вам нужно его видеть. Знакомо такое? Думаю, что да.

Вот, дядь Сережа – именно тот человек. Не только он один, конечно. Но, один из тех самых людей, которых я хочу видеть, потому что я привык.

В детстве, когда мы с братом были маленькие, а наш отец гораздо моложе – я помню, они дружили с дядь Сережей. У нас вообще весь дом тогда дружил; так как почти всем квартиры давал один и тот же завод, и все ясен пень, друг друга знали. Не сказать, что все-все были - «водой не разольешь», но и в гости ходили, и вечера вместе проводили, и на лавочках

женщины сидели вместе. И мы, дети, вместе росли – все детство в одном дворе пробегали. Это потом – кто-то уехал, кто-то переехал, мы выросли, и все перестали общаться. А тогда, в 90-х годах все было не так.

Взрослые мужики и мы, дети, в футбол на стадионе школьном вместе играли. Дом на дом, например. Или несколько домов на несколько. Скажем, в одной команде – с каждого дома по человеку, и в другой – так же. Или все вместе. Никто не дрался. Все дружили. Взрослые пацаны, конечно, где-то выясняли «район на район», как водится, но это как бы никого не касалось, и вроде об этом было даже не принято говорить, хотя, все знали. Но это отдельная тема для разговора.

Отец мой играл – стоял на воротах. И очень хорошо стоял, надо отметить. Ловил мячи, падал, как заправский вратарь. И это все, кстати, после смены на заводе, где он детали точил, а не в потолок плевал.

И дядь Сережа играл, бывало. И кто только не играл. Многие мужики играли. И, тут же мы – дети, их сыновья под ногами вертимся. Все в пыли. Я там где-то сную возле ворот: «Пас! Пас! Мне пасуй!» - ору кому-то. Вот это жизнь была! Вот это детство! Спасибо, Вам Силы Вселенной, что у меня было такое детство на планете Земля, в стране Союз Советских Социалистических Республик, в городе-герое...

А что вы хотели – Союз только-только распался, а отношения советские, хорошие сохранились. Это потом они начали портиться, тогда, когда люди железными дверями обзавелись и капиталом, а до этого – ничего такого.

Я это сейчас очень остро ощущаю и понимаю.

Была какая-то преемственность поколений что ли. Взрослые учили тех, кто помладше, те, в свою очередь – еще более младших.

Я помню, как ребенком хотел идти в армию, потому что мне объясняли всегда – что наша советская русская армия – это почетно. У меня гордость была необъяснимая за свою страну в детстве. Я любил всех и вся, с кем мне приходится жить рядом. Может, поэтому я рос очень добрым ребенком.

Потому что не представлял себе, как может быть врагом – сосед по подъезду; да вообще, любой, кто живет со мной в одном городе. Я и не дрался ни с кем и не конфликтовал никогда. Со мной – конфликтовали. А я до конца не шел на конфликт. Верил, что оппонент хороший человек, просто ошибается, не прав в своем поведении он. Он исправится.

Наши отцы нас хорошо воспитывали, занимались нами. А мы, и в отцы-то не годимся сейчас сами. Никуда не годимся. Надо что-то срочно менять. Вспомнить что-то такое, что было потеряно когда-то в детстве, или после. Я не знаю. Но, что-то было упущено. На этих словах в пору и разрыдаться сейчас. Выбежать на улицу, звонить в квартиры жильцов своего дома и кричать: «Милые, дорогие мои! Давайте вместе найдем то, что потеряли! Давайте, исправимся все вместе а?! Должно получиться! Мы же не безнадёжные все!»

Так вот дядь Сережа. Он пил. Сейчас – не знаю. Слишком редко встречаю. Да и не живет он в нашем доме давно.

Пьяный – он забава.

Помню, как-то: лето, ливень; мы, детвора, под козырьком подъезда спрятались, стоим, переживаем.

Вдруг смотрим – идет какой-то парень, и ведет дядь Сережу бухого вдребезги. Ведет к нам под козырек. Приводит, они останавливаются, мы здороваемся.

- Привет, казаки! – приветствует нас, шатаясь, дядь Сережа.

- Здрааастии! – отвечаем мы смешливо и хором.

Мы знаем, что он забулдыга, но мы его все любим.

Тот парень, что был с ним, пытается его толкать дальше – мол, пошли. На что дядь Сережа отвечает:

«Погоди ты! Дай мне постоять с мужиками (это он про нас) Я же рос, вырос среди них!» - заканчивает он предложение, и на словах «среди них», - указывает рукой на маленького Костика.

Сейчас Костик уже 26-ть. Он успел жениться, развестись и даже построить собственный бизнес.

Другой раз, он, дядь Сережа, сидел «в очке» на песочнице; мы подбежали, его окружив, ожидая новых его литературных лирических перлов. Он не заставил долго ждать и выдал нам:

- Ну, че народ? Бухать хотите? Тусануться? Кха-ха...

Мы – в смех.

Он любил нас поучить жизни. Но, поскольку его уроки всегда проходили в пьяном бреду, то выглядело это всегда специфично.

- Ну, так – что? А?!

И не дождавшись ответа, продолжал:

«Короче, с вас – торч. С меня – хата. Приведем баб и будем их там ебать. Но, - с вас – торч»

Потом – выходил кто-то из наших родителей, и предлагал уйти дядь Сереже домой, а если тот отказывался, то родители отгоняли от него нас, чтобы мы не слушали его пьяные похабства. Но, какой там – нам было интересно. Мы отбегали – и снова к нему прибегали.

Дядь Сережа поднимал вверх желтый прокуренный палец и говорил кому-нибудь из наших родителей:

«Дети ко мне тянутся, потому что я дело говорю!»

И никак не иначе. Может, он в этом был даже убежден. Я не знаю.

Но, все, что он рассказывал – он в это сам верил.

Он нам рассказывал про приемы в стиле «кобра», - это когда берешь руку и делаешь ею волнообразные движения и типа, бьешь в живот сопернику.

Рассказывал про войны, что он, якобы, в них участвовал. Было ли это на самом деле, или нет – мы не знали. Взрослые говорили – что нет, что он заливает, и чтобы мы вообще, не подходили к нему. Сам дядь Сережа – клялся, что да. Нам, детям, было, в общем, все равно – мы любили его послушать и позабавиться.

Несколько раз он вступал в споры с другой соседкой, что выходила из моего подъезда его совестить за пьянку; за то, что, мол, он сидит, и детям рассказывает гадости. Сама же, эта соседка, была запойной бабой лет за сорок, матерью одного из наших товарищей, и даже как-то раз, когда менты приехали ее брать за дебош, она сама лично отворила им дверь совершенно голая и сказала:

«Хотите настоящую женщину?! Вот вам настоящая женщина! Нате! Берите!»

Ее наспех одевал сын и бывший муж-интеллигент с помощью ментов, и ее увозили в отдел, где выписывали штраф; иногда давали «для порядка» пару суток.

Дядь Сережа ей парировал:

«Ну, кто вам сказал, что я плохой человек?»

А эта соседка, звали ее, кстати, тетя Оля, отвечала:

«А что – хороший? Сидишь тут детям гадости рассказываешь?»

- Я их учу жизни! – говорил Сергей Лебедев.

- Какой жизни? – ты на себя посмотри! – не унималась тетя Оля.

- Ты на себя посмотри, шалава!..

Весело было. Ругались, дружили все равно...

«Привет, орлы!» - подходил к нам дядь Сережа, и жал нам руки. – «Ну, что, в футбол пойдем играть? Я мяч новый купил!»

Он реально купил мяч, чтобы нам его отдать.

«Пойдем!» - кричали мы. И все вместе шли на школьное поле.

- Ну, разминайтесь, - говорил Лебедев, - и кидал нам новенький мяч на растерзание. Сам садился куда-нибудь и закуривал.

У него дочь – чуть младше меня, от второго брака. От первого – еще две дочери; взрослые уже на тот момент.

Всего и не упомнишь, что он рассказывал. Был ли все это бред ханыги? В какой-то мере – безусловно, да. Но, с другой стороны – хорошо, что такие

люди просто есть. Какая-то «та самая» капля благородства нужного, что ли в них присутствует, которой нет в других взрослых.

Он, дядь Сережа, как сказочный персонаж, как домовый какой-то, который одновременно является и плохим и хорошим. С возрастом он еще сильнее согнулся, как будто уменьшился (хотя, уже некуда ему уменьшаться), стал ходить с бадиком и палкой за плечами. На палке – у него некий узелок, как в сказках. Ей-богу, видел не раз эту палку и узелок!

Мама моя говорит: «Вот, видела сегодня Лебедева. Невменяемого... Куда-то шел...» - «Шел?» - переспрашиваю с приколом в голосе, я. – «Ну, как шел, - говорит мама, - брел, как обычно...»

«Ахахаха!» - моя реакция.

«У меня миллион есть!» - любил повторять он мне, Лебедев. – «Я его даю вам на свадьбу. Снимем ресторан... Дачу свою – вам отдам, яхту – куплю...»

«А два миллиона есть?» - прикалывал его я.

«Есть! Могу и два дать, раз такое дело!» - говорил он так, как будто бы и правда есть.

Конечно, у него ничего не было. Но слушать все равно весело.

Раз встречаю его в поликлинике в очереди, а он мне задвигает: «Ревматизм я вылечил. А вот с головой плохо»

Я спрашиваю: «Из-за этого дела? – и показываю пальцем на шею, намекая на выпивку»

- Не-ет, - говорит Лебедев невозмутимо, - с этим все нормально... Курить бросил... Меня врачи спрашивают: «Давно бросил? – Говорю – недавно... - Давно курите? – Сорок лет, - отвечаю. – Не бросайте, продолжайте, - а то вредно бросать»

И тут же он перешел на историю плавно, про то, как он играл в Германии в футбол, когда там его отец еще служил. И что он там обезоружил какого-то преступника приемом каратэ в каком-то лесу...

Я как всегда лыбился, слушал, поддерживал диалог. Мне приятно его встречать. Я люблю, когда люди несут хуйню. Я сам такой же.

«Он выходит на меня... А в лесу никого нет, кроме нас двоих, - говорит серьезно и негромко дядь Сережа»

- Ну, - подогреваю я интерес нашего разговора в очереди.

«Ну, я ему: Кто тебе нужен? А он мне: Кто-кто... Нас тут двое...»

- И что дальше?

«Я, конечно, сразу понял, и хватаю его приемом – рраз! Два!» - жестикулирует Лебедев передо мной руками – «Трри!» - «И все!»

Тут подошла его очередь, и он зашел в кабинет.

Впрочем, вскоре он вышел, а следом вышла смеющаяся медсестра.

Что он там им уже на приеме рассказал – я могу только догадываться. Все, что угодно. Может он рассказал им, как он летал на воздушном шаре на Северный полюс, или бродил по джунглям Африки в поисках сокровищ – я не знаю.

С годами я все реже и реже встречаю дядь Сережу. Я так привык слышать уже много лет при встрече:

«Ну что казак! Не женился?! Так засылай сватов!»

А один раз он взял, и подарил моему младшему брату велосипед свой. У него их два или три было. Просто взял и подарил. Потому что сказал, бухой:

«Хочешь, велосипед подарю?»

«Не подарите, ведь... Врете...» - сказал мой брат.

«Кто я? Пошли...»

Мы пошли во второй подъезд, поднялись на его второй этаж, дядь Сережа вытащил велик, и отдал моему младшему брату:

«Катайся, казак!»

Отец и мать мои, сразу, при встрече с дядь Сережей попросили его забрать обратно свой велосипед, на что тот махнул рукой и сказал пьяно и размашисто лыбясь:

«Пусть ездит, орел! Я подарил»

Вот только потом не помню, куда мы дели этот велосипед.

Наконец-то довелось мне встретиться и пообщаться в нормальной обстановке с Эс-Эс. А то последние годы – все от случая к случаю, как-то быстро, бегом. Все – не то. Эс-Эс - это худрук мой бывший, а также режиссер нашего некогда существовавшего театрального коллектива. Эс-Эс, не побоюсь этого слова, меня, в каком-то смысле воспитала и «создала».

- Сильно я изменился? – спросил у нее под конец нашего разговора.

- Конечно, изменился, - ответила она, посмотрев куда-то в сторону. – Голос только тот же остался...

- И все?

- Волос не хватает – длинные кудрявые были. Состриг все давно?

- Ага. Много лет уже практически только вот так хожу, - сказал я и провел открытой ладонью над головой.

У меня был повод придти в гости. Сын ее, «маленький» Женя, (сейчас он уже никакой не маленький: выше и здоровее меня по всем параметрам - качается, ни пьет, ни курит; но это может, пока в силу возраста, конечно) – заканчивает 11-й класс и собирается поступать в военную академию, сдает какие-то онлайн тесты по истории, ну и я вызвался помочь их выполнить. Собственно за тем и был «вызван» Эс-Эс. Но дело не в том – это еще был, конечно же, повод поговорить о нашем совместном и замечательном прошлом.

Но, постараюсь все по порядку рассказать. С самого, может быть, начала. Вот как я все помню:

Ленька долго собирается. Натягивает темный свитер. Снимает его. Надевает другой. Напяливает черные джинсы. Обувает дешевые кроссовки. Подскакивает к зеркалу и наспех причесывает шевелюру: всклокоченные непослушные волнистые волосы. В коридоре смотрится в зеркало. Ничего особенного – худощавый пятнадцатилетний парнишка. Надевает куртку и

синюю шапку. Мать успевает Леньку окрикнуть, когда тот открыл дверь и собрался убежать.

- Недолго, смотри. Болел недавно. И не пей там, - учит сына мать. И напоследок дает ему двадцать рублей. Ленька говорит, что не будет. И кладет деньги в задний карман джинсов.

Вызвав лифт, он спокойно ждет. Едва умерший луч света, скорее, его отсвет, сквозь окно подъезда дрябло застыл на щитке, посередине этажа. Останавливается лифт, и открываются двери, Ленька заходит в желтую скорлупу его внутренностей.

Выйдя из лифта и проскочив амбразуру первого этажа, наш герой оказывается на улице. Ветер последовательными потоками накручивает пространство между домами и желает сбить с ног прохожего. Быстрыми шагами Ленька бежит в 32-ой дом. В 32-ом живет Артем. Они должны к шести часам явиться на так называемый банкет в «театральный», или как они называют в - «театралку». «Театралка» - это школьный театр, в который вхожи Ленька и Артем.

Домофона на двери в «артемовском» подъезде в те годы не было. Поэтому толкнув ручку желтой железной двери, можно было попасть внутрь, и подняться на второй этаж и позвонить в 77-ую квартиру, что Леонид тотчас и сделал. Трудно сказать: друзья ли Ленька и Артем, или всего лишь сошедшиеся одноклассники, которых объединила театралка. Скорее – второе.

Ленчик прошел обутым в комнату Артема. Артем только собирался и прихорашивался. В комнате был постоянный беспорядок, в коем и жил Артем всегда. Компьютер был включен. Огромные, купленные недавно и невесть где, вроде у какого-то старьевщика, советские колонки стояли на полу и громко ревели, источая что-то в стиле металл. Кровать была разобрана. На полу валялось много одежды, цветастое одеяло вперемежку с книгами. Артем любил хорошо вырядиться и еще больше любил читать что-нибудь из «фэнтэзи». Особенно Ника Перумова.

Тёма решал, что ему лучше надеть.

«Давай быстрее», - начинал разговор Ленька.

Артем как всегда делал вид, что он не слышит. Он ходил, мычал под нос что-то, якобы подпевая ору из колонок; и деловито крутился возле зеркала, которое стоит в коридоре на полу. Так хозяину было удобнее - зеркало всегда можно было взять и поставить у себя в комнате, например на стол, или просто положить на пол и смотреться в него сколько влезет. Однако, здесь стоит оговориться, и сказать, что все же хозяином, или хозяевами являлись родители Артема: отец – Вадим, и мать – Елена Петровна. Артем лишь «квартировал» у них, как он сам иногда любил выражаться. Артем заверял всех, что его содержат только до совершеннолетия, - потом будь добр потрудись, и иди работай. Корми себя сам. Впрочем, в это Ленька особенно не верил. Родители у Артема были демократичных взглядов и поэтому позволяли сыну многое. Часто давали ему вдоволь денег, что нельзя было сравнить с другими ребятами.

«Скорее наряжайся, франт!» - торопил Артема Леонид.

Артем всегда долго собирается куда-либо. Он строен, не сказать, что высок, - нет. Плечистый, поджарый весь. Немного вытянутое лицо. Волосы – мелкие кудри. На момент 2001 – 2003 года – усы и мелкая небритость, типа бородка. Глаза острые и выразительные, коричневого цвета. Взгляд всегда оценивающий, даже как бы издевающийся.

Наконец Артем нарядился, надев черные брюки и свитер. И они уходят, попутно зацепив в деревянной баночке, стоящей на столе двести рублей. Это мама Артему оставила «на водку и селедку». Это такой юмор Елены Петровны.

Двое театралов учатся в одном классе. В 10 «А». Учатся вместе с пятого класса. Однако сблизилась только некоторое время назад, будучи в девятом. Театральный коллектив их и сблизил. Артем пришел в «театральный» еще в восьмом классе. А Леонид в девятом. Попасть в театралку по тем временам было круто, в ней собирались самые беспокойные

и амбициозные ученики. Однако попадались и те, кого привели учителя, или через учителей попросили родители, чтобы их дети «поиграли» в «театральном кружке»; социализировались, нашли круг общения. Жизнь в «театральном» оказалась для многих героев маленькой личностной эпохой.

Придя в «театральный», Леню познакомили с руководителем. Ей оказалась женщина за тридцать – Светлана Семеновна Епифанцева. Ленка знал ее и раньше, так как несколько лет назад, у нее занимался музыкой и актерским мастерством младший брат Леонида. Занимался с первого по третий класс, пока родители не перевели брата в другую школу.

Еще в начале учебного года, в девятом классе нашему герою роли доставались, что называется пробные. Приходилось изображать учеников. Сценки разыгрывались на различные школьные темы. Ведь начало учебного года так и пестрит первым сентября, днем учителя и прочими тематическими школьными событиями. Праздником для всех театралов была Зимняя сказка. Это было представлением. Тогда-то, на своей первой зимней сказке в девятом классе автор и проявит себя перед самым новым годом. Заканчивался 2000-ый и начинался 2001-й год. Ленка чувствовал запах свежей зимы и запах перемен, которые проникли в его жизнь, вместе с его появлением в «театралке».

В «театральный» Ленка и Артем пришли вовремя. Актный зал, который почти всегда был в распоряжении Эсэски, наполнялся. Эсэска – так по-свойски ребята называли Светлану Семеновну. Еще сокращали проще, и называли - «Эс-Эс». Называть художественного руководителя сокращенно «Эс-Эс», «Эсэска», а не Светлана Семеновна стали еще ребята из первого поколения театралки.

Посередине зала появилось несколько соединенных столов, и вокруг них кресла, предназначенные в часы выступлений для зрителей. Сейчас на них сидели товарищи молодые актеры и актрисы. Кресла были старые-престарые и красного цвета. Ленка их еще первокласником, помнил.

Да, Эс-Эс уволится из гимназии, где они базировались, в 2005 году. Театральный коллектив перестанет существовать. Но это потом.

Вечера в театралке всегда проходили весело, но без определенной шумихи. Традицию этих самых вечеров ввела Светлана Семеновна сразу же после того, как стала руководителем театрального коллектива в 1995 году, который она (вместе с первым поколением театралов) назвала – «СоМоТ». Что в переводе – Современный Молодежный Театр. Но это так, для проформы. Никто из нас не называл театралку – «СоМоТом». Редко. Зато на стенде в коридоре красовалась надпись «СоМоТ», и на нем висели наши фотографии в различных костюмах. Довольно долго висели. Даже когда я окончил гимназию, они еще висели около полугода или больше.

Мы рассаживались за столами, и пили чай. Ели рулеты. Спиртное приносить естественно было нельзя. Старый магнитофон извергал музыку. Мы часто прикалывались и идиотски прыгали...

Костяк театралки на момент 2000 – 2003 года составляли следующие лица: Артем Гаврилов, Ленька, ваш герой, Полина Овчинникова, Юля, одноклассница Полины, Андрей Цепляев, Димка Доценков, Рита, одноклассница Леонида, еще народ помладше. Многих я забыл, и не помню, как зовут...

Трое сидели за занавешенной сценой. Театралы любили разбредаться. Артем, Андрей и Леня.

- Вы чего там попрятались? – крикнула Эсэска, - а ну вылазьте и садитесь вместе со всеми. Она любила порядочек, хотя и не настаивала никогда. Ребята свободно развивались и свободно общались.

В этом и есть прелесть педагогического подхода нашего режиссера, спустя время думаю я.

- Да мы что? Мы ничего, - высокомерно, хамовато говорил Артем, выходя из-за кулис и садясь в кресло рядом с Поликом. Полик – ласково он называл Полину. В этом его «Полик», отражалось, что, мол, она – моя. Хотя, насколько я знаю, Артем и Полина никогда не встречались в любовном

плане. Артем любил лишь позировать. И показывать, что, мол, я – это я, а вы – никто. Но, автор уважает его и таким. Несмотря на талант и творческую натуру, как личность Артем – неплохая все-таки сволочь. И Ленька часто ему это говорил. Артемка никогда не обижался. Его вообще трудно чем-то было пронять. Этим-то он и силен по-своему. Про таких говорят: «всю семью продаст и глазом не моргнет». Или как там говорят обычно?..

Перед тем как прийти на вечер требовалось выпить. Тёма и Ленька со своими деньгами пошли на рынок и купили дешевого пива. Выпили по дороге в гимназию. Леня не тратил денег, или если тратил, то редко. За него всегда тратил Артем. Он был богаче и в целом - денежнее. Леньку это не задевало. Да он тогда и не пил. Мог выпить, если его уговорят, «за компанию».

В десятом театралы подружатся и последние два школьных года проведут бок о бок, сидя каждый день за одной партой, на «камчатке». Артем будет частенько прогуливать, и появляться в школе последние два года редко. И, позже, когда будут заканчивать учебу, Тёма и Лёня совершенно забудут на выпускной. Будут сидеть в третьем ряду, и ржать над тем, как «у них» там, на сцене ничего не получается, поскольку Ленька и Артем забили на выпускной. Артем так и скажет:

- Ха! Знаешь, как это всё называется? – обратится он к Леньке.

- Как?!

«Артем и Ленька забили на выпускной! Несмотря, на то, что это их выпускной» – Будет веселиться Артем, одетый во все черное, и где-то успевший поддать спиртного до начала вечера.

Через школьный театральный коллектив прошло около ста человек. Может и больше. Дело в том, что «СоМоТ» состоял из двух частей: существовал коллектив нашей гимназии и 102-й школы, где Эс-Эс так же была худруком и ставила спектакли. Она, начиная с середины 90-х, работала «у нас» и «у них». Мы дружили коллективами. Даже устраивали совместные

тусовки. Ходили друг к другу на спектакли. И там и там, театралка прекратила свое существование с уходом Эс-Эс из этих двух учебных заведений. Позже, правда, она работала в школе искусств, что находится на 127-м квартале, и мы туда к ней, бывало, забредали, в период 2006-2007 гг. Один раз я даже принял участие в постановке, будучи уже студентом 3го или 4го курса. Там был эпизод по сценарию – диалог Моцарта и Сальери. Ну, она, Эс-Эска предложила мне побыть «Сальери». Роль очень маленькая, однако, на момент моего выхода я ее начисто забыл. За несколько лет до этого, когда я был активным членом театралки – я ролей своих не забывал никогда; всегда помнил текст. А тут – что-то нашло на меня. Я, конечно, как-то выкрутился, сказав «Моцарту» не попад какую-то ересь.

Вот, недавно мы сидели у нее на кухне и все это вспоминали.

Я даже как-то, в том же 2007-м притащил и Мишку Маленького к ней, чтобы она и над его жизненным образом немного поработала; и мы отыграли в лицее, где она сейчас работает один-единственный спектакль, а точнее отрывки из него. Ставили по Гоголю «Ночь перед Рождеством». Видео сохранилось – точно помню. Кто-то снимал. Вопрос – кто.

Театралка – яркое пятно, несмываемый отрезок времени, длиною всего в несколько лет. Я пришел в коллектив зажатый и замкнутым, а вышел свободным и раскрепощенным, знающий сам, что я умею, и на что я способен. Да это каждый скажет, я думаю. Примерно, то же, что и я.

Мало театральных коллективов в городе – да полно. Мы были одним из этих коллективов. Не более. Мы научились дружить там, и сделали, все без исключения, большой рывок из индивидов в личности. Я в этом твердо убежден.

В 2006-м году я первый и последний раз в жизни посетил так называемую встречу выпускников, которой остался крайне не доволен. Поэтому, быстро ушел.

Всех собрали в «нашем» актовом зале. Я как зашел в него, так сразу же ужаснулся – кресла, красные, старые, пахнущие пылью (написал, и отчетливо

вспомнил этот пыльный запах) убрали, заменив, на какие-то черные стулья, но это ладно. Что сделали со сценой, послушайте! От былой сцены не осталось и следа: старые тяжелые кулисы сняли. Вместо них – ничего. Прожектора, освещение и заднюю стенку – тоже. Короче – голая сцена безо всего. Правда, налепили музыки и сделали неплохой звук. На этом все. Я очень расстроился – место, в которое я ходил как на праздник (и не только я) все три года - перестало существовать, а вместе с ним, исчез и тот самый «дух» театралки.

До «гримерки» я не добрался. Да и не пустил бы меня туда никто. Там была комната, в конце актового зала, где висели наши костюмы и декорации стояли. Эс-Эс сказала, что когда она увольнялась – многое ей не дали забрать. Да почти ничего. А создавалось все, кстати, нашими руками. Мы даже окна затемняли специальными шторами и драпировками перед зимними сказками – для того, чтобы все эффекты световые работали, так как чаще всего спектакли проходили в дневное время.

Мы выпили полбутылки коньяка с Эс-Эс, и решили впредь видаться как можно чаще. Нам точно есть о чем поговорить.

Она немного комплексовала по поводу своей внешности. Ну как – комплексовала – пыталась скрывать. Я не про лицо. А про тело. У нее были шрамы на спине, ногах и немного в области живота от ожогов. Ожоги она эти получила, когда горела. Я не помню точно, как она горела, хоть она мне и рассказывала. Вроде бы загорелось что-то в кухне, это был частный дом, она оказалась именно там. Выбежала. Бежала. Упала – потушили. Потом – больница, ожоговое отделение.

Загорелась какая-то плитка, а вместе с ней и все остальное.

Вообще, я не знаю, почему я именно с этой сцены начал. Наверное, потому что мне эти шрамы были тогда дороги, когда я их видел и гладил. Когда я знал, что она, наконец, принадлежит мне, вместе со своими шрамами. Я чувствовал какую-то ответственность. Хотел ее чувствовать. И вот вспомнилось. Мне тогда все дорого было; все, что связано с ней. Я пытался быть взрослым, соответствовать ей. У меня не очень получалось. Но я пытался. Это сейчас смешно. А лет десять-одиннадцать назад мне было не смешно. Я хотел повзрослеть. Я же не знал – что это моя, во-первых, очередная история любви (на тот момент всего лишь – вторая), а во-вторых, в контексте подобных историй – все банально и обычно. И такие вещи называют: взросление и нормальный ход жизни из мальчика в юноши, из юноши во взрослые и т.д. Все через подобное проходили – и мальчики и девочки. Да таких историй – миллион, сто миллионов, пятьсот миллионов. Я и пишу это – не с целью чем-то там щегольнуть, так как не выйдет, понимаю, да и не хочу. А пишу – потому что не могу не писать – чувствую потребность. Подался в писатели – вот и копаюсь в жизни; в своей и чужой – нравится мне это.

Наивная она была. Я еще не назвал имени. Назову. Ирина ее звали. Нестандартная красота. Была. Немного - восточная. Почему? Родилась в Душанбе. Но – русская. Потом вся ее семья бежала в Россию. А что?

Стандартная, опять-таки, история для начала девяностых годов. Много, кто бежал в те годы. Поезд, на котором они ехали, обстреливали национальные сепаратисты. Пули свистели, и иногда втыкались в железную обшивку вагонов. Это был 1994 год.

Сначала они приехали на Украину, потом попали в Волгоград. Отец ее – авиатехник. Хороший мужик.

Стали жить в гостинице при Аэропорту. Потом дали комнату, точнее две комнаты в общежитии на первом этаже, не предназначенные для жилья изначально. Я приезжал туда к ней на протяжении двух лет. За эти два года она трижды со мной расставалась, и трижды возвращалась. Я страдал. Когда возвращалась – радовался. Бред, да?! Да. Ну, это сейчас. Мне вот-вот исполнится 30-ть – для меня сейчас все ерунда, все нипочем. А тогда – сами понимаете...

В собственные 22 года она оказалась девственницей. Не обманула. Меня очень волновал этот вопрос в то время. Опять же – зачем? Затем, что для 18-летнего чувака это важно было.

До меня она встречалась лишь с одним человеком, да и то – не всерьез. Рассказывала мне это. Меня это злило. Глупость же. Когда расставались в последний раз и окончательно – я душил ее зачем-то. Потом успокоился. Нашел другую. Через год. Встречались три года. Не любил ее.

У Ирины хорошая семья была. Надеюсь, что и есть до сих пор. У нее у самой родился несколько лет назад ребенок. Отличный мальчик. Тимофеем назвала. Замуж только не удачно вышла. Стала жить с другим... Да не мое дело... Вспоминаю. Пишу свою самоапологию, - как я ее назвал.

Когда мы с Федькой работали в детсаду строителями, там, в Аэропорту, я позвонил ей, мы встретились – она снимала однушку в пятиэтажке, недалеко от того места, где жила раньше. Ну это и понятно – Аэропорт – поселок очень маленький.

Пришел, поговорили. Как будто и не было ничего.

Жизнь, ты неумолима. Что мы в этом хаосе – детей, детсадов, поселков, весен и зим? Да ничего. Просто люди, коих жило на земле миллиарды. Мы – еще одни люди. С этим надо смириться, это надо принять. Это ничего не значит. Мы родились – и должны прожить, то, что нам отмерено. Просто прожить. Как и все, как и каждое живое существо от блохи до слона.

***

Игорь – иринкин брат. Я его в шутку родственником называл. Он тоже поступил потом на истфак, и кое-как его даже закончил: учиться не любил, хотел сразу пойти работать.

«О, родственник!» - говорил я ему, при встрече в коридорах университета, и мы жали друг другу руки.

Чем он сейчас занимается? Где он?..

К ее семье приезжали родственники из Эстонии. Брат, сестра и тетя. Мы ходили на дачу Иринки. Одно фото у меня где-то сохранились – мы обнимаемся: я, Игорь, их отец, брат, еще какой-то мужик. Все думали, что мы с Ирой поженимся. Я присутствовал на всяких совместных гулянках ее семьи. Я очень хотел жениться на ней. Она – не хотела. Тогда, в мои 19-20 лет я хотел жениться. Я верил, что можно так же - «как и все», и что это будет правильно. Я, правда, хотел. Кто знает, - получилось бы у нас жениться в 2007 году, и жизнь моя сложилась бы иначе. Допустим – она бы была не против. Как знать. А так – быстр человеческий век; слишком. Не успел опомниться – столько лет минуло. Сидишь, пишешь все это. И не лень же писать?! Сам удивляюсь. Видно, что нет. Еще немного – и я стану «маньяком от литературы».

Копаясь в ноуте, встречаю разные фото прошлых лет. Многие сделаны на телефон. Случайные фото. Ничего в них нет содержательного. Но они приобрели ценность какую-то. Вот на одном я еду к ней, на другом мы делаем селфи, в момент поцелуя. Плохое качество, немного смазано. Мы и не общаемся, после того, как расстались. Так – очень редко созваниваемся да

списываемся, бывает. Сумели сохранить чисто человеческие отношения, вроде.

Я уехал в Москву с Мишкой на выходные – она в тот же вечер пошла гулять с новым чуваком, поехала с ним на кораблике кататься прогулочном, - как сама потом сказала. Значит, собиралась уйти. Когда я вернулся – конечно, я был в бешенстве. А потом поуменел. Как-то встретил на улице, в центре, она меня не видела. Я немного ужаснулся – ничего бывшего во внешности ее не осталось. Да и я уже совсем-совсем другой.

Хотел что-то глубокое и многослойное написать в этой главе, но, чувствую, что не вышло. Оставляю, как есть.

Новую зимнюю куртку я решил не покупать. Подумал – сэкономлю. Да и Пиджаков мне сказал: «Это все лишнее! Зачем тебе куртка? В старой походишь». Мне показались эти слова убедительными. К тому же я сам себе что-то подобное говорил, и не стал покупать. Я умею на себе экономить.

Куртка. Четвертый сезон ее таскаю. То есть – четвертую осень-зиму. Обычный купленный на рынке в павильоне пуховик с каким-то тупым названием, навевающим что-то восточноазиатское. В Китае делают, или в Таиланде. Плюс куртки – много карманов; рассовал все по ним, и иди себе – руки свободные. В этой куртке я отходил как холодные, так и теплые зимы. Зашита на видных местах – оттуда торчала какая-то «стекловата». Где-то порезал, зацепился за что-то. На груди видны маленькие прожженные места сигами. Веревочка снизу, что держит основу, – совсем оборвалась, и я ее все время заплетаю в непонятные узлы. А так – носить можно еще сезон или два, главное постирать – а то смотреть уже нельзя. Вся засаленная.

Новые куртки нормальные стоят 8-9 тысяч рублей. Для меня это дорого. У меня зэпэ на официальной работе – 15-ть. Вот и думай. Всякие левые случайные заработки – ясен хуй – не в счет. Они – от случая к случаю и мизерные.

«Как вы тут живете? Как вы тут живете?» - причитают приезжие. Да так и живем. Привыкли. Не то, что вы.

Недавно у меня на работе с одним товарищем «по цеху» состоялся нетипичнейший разговор двух градцев. То есть в данном случае – его и меня.

- Все хотят уехать, - говорит он.

- Да, все хотят, - отвечаю.

- Но никто не уезжает.

- Да, никто, - антиномичность поволжской души, - всем плохо, но в то же время, блять, – всех все устраивает. Патриоты мы, выходит, гипертрофированные.

***

Надеваешь куртку – и попендюрил по улицам.

А по утрам, раньше, я помню... Темно; я работаю, казалось бы, на нормальной должности, поэтому, ни свет, ни заря – должен быть на месте еще до восьми ноль-ноль. И вот я с бодунища ломлюсь на работу, выхожу сначала из троллейбуса или маршрутки на 127-м, бую за киоском, ищу, где можно купить «Горной поляны» или «Себряковской». Еще почти все закрыто. Выход – жрать снег, потому что от блева все стоит внутри – и ни туда – ни сюда. Что делать? Находится, наконец, подходящий ларек...

«Маленькую «Горной», дайте пожалста...»

Потом я снова прыгаю в троллейбус и дико пытаюсь проехать еще несколько остановок. Хватает меня аж почти до Новороссийской, там я снова выхожу – и во дворы. Опять рвет.

«Что я вчера пил?»

Вроде бы то же, что и всегда. А вообще – не могу точно вспомнить, если честно. Кому это надо? Вчера – это вчера. Сегодня – это сегодня. И ровно в восемь я должен быть на работе.

Немного, получается, заблевать куртку. Вот и снег вокруг пригодился – оттираю снегом. Следов почти не видно. Хорошая куртка. Я и вино на нее проливал – тоже нормально...

И уже почти совсем недалеко от работы – третий «рэпэк». Я засмеялся, когда наклоняясь над сугробом, вытирал носовым платком свой еблет:

«И этот человек, я, то есть, еще работает типа замом»

Внутренне – я доволен тому, что я - «антисоциал», - как бы сказал мой приятель. Конечно, я вряд ли доволен на деле, но, тут же вспоминаю что-то из стихотворения поэта Тимура Забирова, моего товарища: «...Но я утру рот

гордо, посмотрю презрительно. И без колебаний, прыгну в пасть городу между зубов зданий».

Я прихожу с опозданием. К счастью – меня не проверяют. Я захожу в свой кабинетик, быстро и кое-как переодеваюсь в эту лоховскую форму, и, нахуй закрываюсь на ключ изнутри. Сажусь за стол, и опускаю голову на его поверхность. Еще один рабочий день. Начало девятого. Кто-то постучал. Не буду открывать. Сажу так какое-то время. Даже задремал. Опять стучат. Не открываю. В конце концов – у них свой ключ есть и от моей двери, - надо откроют. Не открывают, значит, просто стучали. Хорошо, конечно, если б открыли – я бы не стал ничего объяснять. А вернее – сказал бы, что, устал и заебался видеть ваши усатые рожи, ваши напыщенные рожи, рожи ебанутих советских тетек и дядек. Современные рожи меня тоже не устраивают, не беспокойтесь.

Но надо дальше что-то делать. Время – уже десятый час. Ладно. Откроюсь тихонько – чик. Схожу по скрипучему коридору в самый его край, там служебный сортир – умоюсь, поессу, попью...

Возвращаюсь.

«Ты где был?» - спрашивают.

Отвечаю, что по вашему же распоряжению вчерашнему заезжал туда-то и туда-то.

«А-а, ну ладно... Да-да... Помню...»

Прокатило. Пытаюсь заниматься делами, мечтая о том дне, когда я отсюда съебусь.

Досиживаю до вечера. Переодеваюсь. Снова на мне моя куртка. Дорога домой.

Блять, может, издатель какой-то дочитает до этого места и даст денег?

Я себе куртку зимнюю куплю, например.

Какой город – такие и заведения. Во многих из них совершенно нечего делать. Бары у нас стоят веками. Посудите сами – я в «Белку» пришел, когда мне 18-ть лет было; первый раз зашел, там еще пиво по 35 рублей продавалось за кружку. Сейчас мне 29-ть, а она все стоит, и, кажется, закрываться не собирается. Все те же столы и лавки. Только сцену перенесли. Я выступал дважды на этой сцене. Или трижды... Стихи тележил.

«Да на ней все выступали», - скажите вы, и будете правы.

А «Блюз», вы были в «Блюзе»? Это же пиздец. Его открыли (собственно, как и «Белку») в самом-самом начале нулевых. Это другая страна была. Но они стоят эти бары. Уже тогда весь этот рок выглядел анахронизмом жутким, а сейчас и подавно. Там, сортиром воняет, охуеть как. Пиво – водой разбавляют, да и все остальное – тоже. Раз сидим, день рождения чей-то отмечаем – а они воду в шприцы набирают – и в водочные бутылки. Думают – пьяные, - не заметят. Заметили. Шум поднимать не стали, так как в тот вечер обслуживала знакомая официантка одного из наших товарищей. Но когда уходили – сказали. Спокойно и вежливо.

Раньше там работали клевые официантки, а сейчас – несчастные тетеньки, которым работать больше нигде в Граде. Это уже о чем-то говорит.

Я не люблю рок – ни зарубежный, ни русский. Он мне отвратителен. Плакаты все эти – лживое преклонение перед Западом...

А как вы хотели без литературных клише? Без них нельзя. Да, тлетворное влияние, все такое... Мне уже не смешно.

Мы заслуживаем такие заведения. В застойном городе – все должно быть застойно и вневременно.

У нас люди пошлые и с фантазией у них плохо. Много китча. Например, как вам ресторан с названием «Сливки общества», причем, в слове «Сливки» - в середине две латинские буквы «ф». «Слиффки». Серединой пошлейших 90-х пахнет. Кто туда ходит – сами догадываетесь, а может, и

сидели там. Хотя, кто в подобные места ходит – книжек таких не читает, как мне думается; в смысле – какие я пишу.

В «Бламберг» тоже ходили? Ходили. Ну вот и я ходил пару-тройку раз. Да деньги были – что бы ни зайти. Там дорого, но пиво их – отстой.

Последний заход туда – это было что-то. Сразу подлетели студенты, работающие официантами, которых эксплуатируют держатели этого заведения, и стали пытаться угождать. Очень противно. Очень не люблю, когда за мной ухаживают. Сразу все чувства классовой несправедливости начинают обостряться. Я уже – и так, и сяк: отвернусь, отойду... А они: «пройдемте», «присядьте», «вот сюда...», «пожалуйста, меню»...

Мы были с товарищем. Товарищ тоже, как и я – долго терпеть не будет.

- Можно мы сами выберем, где сесть, а? – не выдержал, наконец, он.

А официанточка эта отвечает: «Нет, у нас нельзя по залам свободно передвигаться!»

Вот так. Ни больше – ни меньше. Нельзя свободно передвигаться, а то вдруг чью-нибудь важную аудиенцию нарушите, ебать-копать-колотить!

Я не удержался, чтобы не издать какой-то звук, напоминающий животный или даже дикий смех. Ну, часто из меня вырывается какая-то дрянь, что поделать?!

Официантка в этом фартуке дурачком, уставшая, видно, потому что их работать заставляют по 12 часов. Я-то, понимаю, что она сейчас что-то не то сделает, и всевидящий администратор, или кто там у них, накажет ее – сделает выговор, зэпэ урежет и т.п. Общепит, блять, клубок ебучих змей. Администратор, официантки, повара, начальство...

Наконец мы сели – а точнее, нас посадили. Принесли меню. Мы сделали заказ. Товарищу моему – водки и закуски, мне – пива и закуски. Сидим.

Рядом, а точнее за нашими спинами какая-то компания: мужики и телки, в возрасте, конечно; нафуфыренные... Тоже сидят, хавают, бухают, обсуждают что-то довольно громко. Я прислушался слегка, и товарищ мой

также. Ну что обсуждают? Как вы думаете? Охоту обсуждают – куда ехать охотиться, животных убивать, какие ружья, какие места и так далее. Вот, блять, пидорасы!

Нам принесли наш заказ. Хули, выпили... Тоже разговорились...

Официант к нам подбегает, такой щедушный юноша очень и говорит нам, мол, того вам не принести, а этого вам не подать. Мы отвечаем, что, нет, не стоит. Он уходит. Проходит пять минут – он опять к нам. Что-то спрашивает. Мы ему – нет, спасибо. Он опять...

Товарищ мой – ему, глядя на бейджик с именем на его белой рубашке:

- Слушай, Алексей, ты нас уже заебал! Не подходи к нам. Просто - не надо подходить.

Юноша этот ничего не ответил, и отошел. Стоит возле «кипера», с другими такими же бедолагами. Работа у них такая. Плохая работа. Я бы ни за что не пошел на такую работу – всяким тварям прислуживать, угождать. Это ладно – мы зашли, «пролетарские души», а ведь сюда ходят совсем не такие как мы. Сюда ходят вроде тех, кто сейчас с нами сидит за соседним столом. Средний класс. Люди бизнеса, люди дела...

Я говорю товарищу своему: «Зря ты так. Он – студент, видимо. Работать негде... Пришел сюда... Сам понимаешь...»

- Да понимаю я все... - отвечает товарищ, и выпивает свою стопку.

- Ну вот...

Тем временем за нашими спинами идет бурное обсуждение охоты, отдыха, рыбалки и всего такого.

«Мне здесь не нравится. Совсем не нравится. Не мое место!» - говорю я.

«Зато у них телки клевые, - произносит приятель, - сейчас вон с той познакомлюсь, когда она курить пойдет, - и показывает аккуратно на белокурую бабу»

«Иди, знакомься...» - безнадежно отвечаю ему. – «Я сейчас допиваю свою кружку, расплачиваемся, и я уйду, - буду ждать тебя на улице»

«Ладно. Я быстро» - «Давай»

Вернулся «наш» официант забрать счет.

- Ты не обижайся, - сказал ему мой товарищ.

Тот забрал счет и ничего не ответил. Через несколько минут быстро принес чек и сдачу.

Я вышел на улицу, и решил, что в этот вечер больше никуда идти не стоит.

«Лучше уж на улице» - подумал я.

2015 – фев. 2016

КАТЯ

На Леню постоянно поглядывает девочка. Кидает взгляды, когда они случайно встречаются в школьном коридоре. Смущается. И он, и она явно смущаются. Ленька заметил девочку давно. А пока он учится в девятом классе. Их компания часто собирается в рекреации, у окна во втором этаже на переменах. Мимо ходят из класса в класс ребята, готовясь к очередному уроку. И эта девочка. Она младше Леньки года на два точно. Она учится в седьмом. Да, на тот момент она училась именно в седьмом классе. Катя.

...Ходит и стреляет блестящими глазами. У Леньки тогда еще не было опыта с противоположным полом. Вообще никакого опыта. Девятый класс.

Познакомиться привелось им тогда, когда летом, в июне в театралку попала Лера, сестра девочки, которая уже окончила школу пару лет назад. Та самая старшая сестра тоже играла в театралке, в первом или втором ее составе. И, можно сказать, что по блату на лето, как на практику, в театральный коллектив пришла Лера и привела с собой Катю – ту самую, которая охотилась в коридоре на Ленчика и смущенно проходила мимо, не забывая блеснуть глазками.

Театралы готовили незаменимую военную композицию для ветеранов, которых должны были притащить 22-го июня на смотр нашего театрального коллектива. А заодно должны были привести и учеников, проходящих обязательную летнюю практику. На одной такой июньской репетиции Леонид с удивлением обнаружил пришедшую на летнюю практику, в театралку, Катю.

Эсэска (Светлана Семеновна, худрук) так и представила подруг: «Это Лера и Катя, - они помогут нам в постановке военной композиции».

Впрочем, на эти слова никто не отреагировал. Лишь самовлюбленный до дикости театрал Артем Гаврилов, товарищ Леньки тогда, недовольно улыбнулся и пробормотал что-то типа:

«Нафига нам тут лишние люди...»

А Ленька отреагировал. Он был счастлив. Девочка ему очень понравилась. Он даже влюбился первый раз в жизни по-настоящему, как он решил сам. А натура он очень влюбчивая, - признается.

Катя, правда, немного похोдив в театралку, в июне исчезла вместе с Лерой.

Нет. Вспомнил. Они выступили в театральном один раз, когда был какой-то показушный маленький капустник, посвященный то ли дню юмора, то ли еще какому-то дню. Это было как раз незадолго до 22-го июня. Девочки в основном бегали по сцене – в этом заключалась их роль. Зачем они бегали, автор не помнит. Но помнит, что это было предусмотрено сценарием.

Леньке так и не удалось с ней пообщаться. Наш герой видел, что он Кате тоже очень нравится. (Еще бы! Она в тебя, придурок, целится уже неизвестно сколько времени! Настойчивая кокетка!)

Если мне память не изменяет, Катя с Лерой даже не выступали на военной композиции...

Зато перед началом композиции вступительное слово взял Василич (легендарный военрук), и оно, это самое вступительное слово, затянулось

где-то на полчаса или больше. Был жаркий день, и театралы за кулисами, в сапогах, гимнастерках и пилотках терпели, пока Василич все расскажет. Всё, что считает нужным. «Вступительными речами» всегда в основном заведовали либо Шитов Евгений Владимирович – учитель истории, либо Василич – препод по ОБЖ, военный, и вообще наиколоритнейшая личность в гимназии.

Мир Твоему праху, Учитель! (Василич умер в 2005-м году).

Когда слово брал Шитов, то всегда говорил речи стройно и недолго; если же начинал выступать Василич, то это обычно затягивалось. Иногда Василич нес откровенную чушь, но все слушали в зале раболепно, особенно упертые училки. А может тоже – делали вид, что слушали. Актеры же, находившиеся за кулисами, во главе с эСэС, иной раз прыскали смехом оттого, что там болтает в микрофон Василич, стоя у края сцены.

Например, то, что во время войны он был маленьким, но уже тогда ненавидел оккупантов и был сознательным малым. И что однажды он упал на мостовую головой и разбился, и с тех пор преследуют его беды...

Театралы не любили выступать, используя микрофоны. У них и без того был натренированный поставленный голос.

Что касается Кати, то потом начались звонки по телефону. Это они, все с той же Лерой узнав каким-то образом номер «возлюбленного» начали донимать Леонида звонками на домашний телефон, иногда представляясь, бог, знает кем, и попросту по-девчоночьи баловались. Баловалась Лера. Катя хотела познакомиться, но не могла. Не решалась, видимо, подойти в школе и познакомиться. Леня не решался тоже. А по телефону это сделать было удобно, познакомиться. Катя довольно-таки долго звонила, иногда прерываясь на несколько дней. Потом атаковала снова. В Ленке же что-то боролось внутри: он хотел и не хотел Катю. Очевидно, это объясняется тем, что подросток просто боялся еще противоположного пола. Не знал, как себя надо вести в случае знакомства, и что нужно делать, когда будешь впервые

серьезно говорить с девочкой. У парней в пятнадцать лет на уме музыка, и всякие прочие увлечения. Девочками они интересуются в этом возрасте болезненно, предпочитая изучать женщину по эротическим журналам и по порнофильмам. Девочки же, созревают быстрее, и потому знают, чего хотят.

Лёня нехотя общался с Катей по телефону. Разговаривал грубо, позволял себе бросать трубку. Так длилось долго. А когда они вновь встречались взглядами в коридоре школы, делали вид, что никто ничего не знает и даже недопонимает.

Когда Лёня учился в десятом классе, они встретились один раз. Это было первое Ленькино свидание. Катя училась в восьмом. Стоял конец апреля – начало мая. Душная волгоградская весна входила в раж, иногда перемежая начинающуюся чуть духоту холодным ветром, неся с собой запах улиц, гнили, мусора и весеннего разливного пива, смешиваясь с ароматом школьников, и первой вонью мальчишеских сигарет.

Они созвонились.

Катя, а после и Лёня, звонили друг другу. Ленька тоже стал ей звонить иногда. Звонили после школы, днем и вечером. Их разговоры касались в основном школы и личных пристрастий друг друга. Разговаривая по телефону, Лёнчик храбрился. Затрагивал интимные темы. Катя их поддерживала. Вот такой вот секс по телефону двух влюбленных: школьника и школьницы, 2002-й год.

Никто из них не признавался в чувствах друг другу. Это, наверное, и не нужно было. Все было гораздо чище, несмотря на проскакивающую иногда приличную грубость. Грубость – была защитой, и попыткой притереться в этом открывающемся мире любви двух подростков.

Телефон укрепил отношения.

«...Ну что, давай встретимся», - выдавил из себя с храбрецой Лёня, После очередного десятиминутного разговора с Катей.

«Давай...» - сказала, или даже почти прошептала Катя. - У нее уже сформировался грудной голос с придыханием. Это голос женщины. Очень юной.

- Где? Когда?.. – старался быть спокойным Леонид.

- Не знаю, - выдыхала в трубку Катя.

«И я не знаю...» - начинал слегка нервничать только-только начинающий любовник.

- Давай в парке где-нибудь, что ли? – сделала попытку взять ситуацию под контроль женщина. - Женщины часто отличаются решительностью. Просто молниеносной решительностью.

- Ну, хочешь, я подойду на Землячку, на остановку, - ты же там рядом живешь. И там мы решим, что дальше будем делать, куда пойдем...

- Хорошо, - обрадовано сказала девочка. – Во сколько?

- В четыре давай.

- Давай.

Леонид долго прихорашивался. Что он надел на первое свидание, я сейчас не помню толком. По-моему, черные джинсы и джинсовую рубашку и туфли черные – стандартный вид для того времени. Так одевались примерно все старшеклассники.

По дороге он думал и нервничал. И решил закурить, чтоб казаться взрослее. Купив две сигаретины «Союз Аполлон» у бабок на остановке «28-ая поликлиника», Леонид обнаружил, что нет ни спичек, ни зажигалки, и никакого другого огнива. Так часто бывает: хочешь закурить, либо того нет, либо этого...

Любовник стрельнул спичек у проходящего мимо парня. Тот дал прикурить, и спросил взамен сигарету. Леня одолжил одну.

Ждать Катю пришлось на остановке недолго. Она появилась.

Короткая светло-розовая юбка, стройные аккуратные ножки, обтягивающий топик, волосы, крашенные в красноватый оттенок были распущены. Она переходила дорогу. Это была его первая девочка.

«Привет, - поприветствовала его Катя».

- Привет, - сказал Леня, выдохнул дым, отставил сигарету в сторону, и поцеловал девочку в щечку, которая попыталась от него улизнуть.

Стеснялась.

Влюбленные пошли гулять. Довольно-таки быстрыми шагами, надо сказать. Они шли вдоль трамвайных путей, держась за руки, олицетворяя собой еще одну пару, появившуюся на свет этой весной.

Леня шел и курил. Катя молчала. Леня молчал. Никто не знал, о чем надо говорить.

Наконец Катя сказала: «А почему мы идем в сторону моего дома? Мы же хотели куда-нибудь...»

Ленька не нашел что ответить на это, и поэтому выдал:

«Да какая разница, куда... Просто гуляем, ведь. Вот... Пойдем, покажешь, где ты живешь, - буду знать. В гости ходить буду», - смущенно в голосе закончил он фразу.

- Ну, пойдем, - Катя согласилась.

Они шли и болтали ни о чем. Сейчас и не вспомнишь. Типичная ситуация. Каждый из нас проживает такие «типичные» ситуации. Но если они типичные, то почему нам от них хорошо?

Зашли в подъезд, поднялись на третий этаж. Леня сел на ступеньки. Катя стояла рядом. Они смотрели друг на друга.

Подъезд оказался очень грязным и вонючим. Надо сказать, что Катя жила в Жилгородке, и место называлось Цыганским поселком, отдельная часть Жилгородка. Среди цыганских, как и нецыганских домов виднелась Катина девятиэтажка, - одна-единственная на весь убогий поселок. Плюс школа и детсад, на который выходили окна Катиной квартиры.

- Садись, - сказал Ленька, - и жестом предложил сесть Кате рядом. Она села. Ленька обнял ее правой рукой, и попытался прикоснуться губами к щеке Кати еще раз. Катя не сопротивлялась. Тогда, обхватив обеими руками девочку, Леня принялся целовать ее в губы.

«Целовать с языком надо», - как учили старшие, - подумал Леонид, и принялся исполнять совет старших и более опытных товарищей.

Катя сказала: «Зачем это?», - и сама придвинулась к парню.

Языки встретились. Микромир каждого стал общим, вместе с микробами, бактериями и прочим составом женщин и мужчин.

Немного «полизавшись», Катя встала, и решила на сегодня больше пока не целоваться с возлюбленным. Мало ли что.

Леня заметил некоторый любовный испуг девочки.

«Хээх! Девчонка ты еще!» – произнес Леонид, скрывая свою неопытность, и тем самым показывая свою силу того, что он уже будто бы «бывалый».

Естественно, он блефовал. Катя была первой. Позже, когда они будут выяснять отношения по телефону, как они это любили делать, Леня будет говорить всё, лишь бы вывести из равновесия Катю. Будет ей врать, что у него несколько девушек уже есть, и были, и будут...

Катя в своем четырнадцатилетнем возрасте будет любить его, и даже скажет ему об этом не раз. Ленька этому не будет верить. Он будет где-то там, но не – тут. Он – не вырос.

Влюбленные молчали после поцелуев. Обоим было приятно и ново.

Леня прервал тишину:

«Ну, что, я пойду в пять. У меня дела...», - какие у него «дела», - любовник не объяснил. Но, надо было уйти, чтобы подумать над новыми чувствами и всё взвесить, и понять, что делать дальше.

- Хорошо, - сказала Катя.

- Не обижаешься? – спросил Ленька.

- Нет, - сверкнула Катя глазами, ответив.

Так прошло еще полчаса. Они любовались друг другом в подъезде.

Леня обнимал ее и гладил по крашеным волосам. Волосы пахли весной и надеждой на завтрашний день.

После первого свидания, влюбленные не встретились больше ни разу до декабря месяца. Они, конечно, виделись снова в школе, в коридоре. Иногда созванивались. Но дело не двигалось. Всё. Как будто бы ничего и не было. Причиной такого межличностного застоя был Леонид. Он медлил, чего-то ждал. Думал, что ему не нужна «малолетка», та, что младше его на два года, и учится в восьмом, а с сентября в девятом классе. Сам Ленька с сентября учился уже в одиннадцатом. Артем, тот самый товарищ по театральному коллективу, тоже замечал «кое-что», и давал как тот старый змей подлые советы Лёньке. Последний нехотя прислушивался, периодически посылая Артема нахер, и говоря ему, чтобы он не вмешивался.

Ленька знал, что Артем по своему обыкновению подличает. Леня, всё же хотел подцепить себе другую. Но, другой не было. А Катя была. Была послана волею судьбы Лёньке, который кроме чувства так называемой «анархии» тогда не испытывал. Кумир Сид Вишез шептал в мозг совсем другие ценности, а Джимми Роттен подпевал гнусаво: «Нау фьюче! Нау фьюче! Нааааууу фьючеее фо миииии».

Какую «другую» хотел Ленька – не известно. Может какую-нибудь расфуфыренную и раскрашенную панкушку? Может быть...

Однако, Катя ему нравилась. Это факт. Катя Леньку любила. Впоследствии она будет утверждать, что это было «ТОГДА», а «СЕЙЧАС» она его не любит. Но, это будет потом, когда они расстанутся, по вине Леонида.

Так, до декабря они созванивались. Окружающие видели, что у этих двоих друг к другу что-то есть. И завидовали. От товарищей по школе трудно что-то утаить. В школе все про всех всё знают. Иногда Катя и Леня перебрасывались парой слов в коридоре, строили друг другу глазки. Ленька

позволял себе немного общаться с ней возле школы. И всё. Он выжидал. Время должно было показать.

И время показало. Незадолго до традиционной «Зимней Сказки» Ленька встретил на перемене Катю. На третьем этаже, возле окна. Глаза у обоих сверкнули с особой яростью подростковых неиспробованных чувств.

- Привет.

- Привет, - с придыханием, как всегда, сказала Катя.

От этого придыхания Леня терял голову.

«Стоите?» - спрашивал Ленька.

«Стоим», - отвечала Катя, отводя руки, и кладя их на подоконник.

Заигрывала ненавязчиво. Глаза ее просто горели.

- Знаешь что, - начал ни с того ни с сего Возлюбленный, - я к тебе сегодня приду в гости. С другом, - жеманно выдал он.

- Приходи, - офигев, пригласила Катя.

- Ну всё, смотри. Где живешь - я знаю. Приду обязательно. С другом.

Приводи подружку. - Ясное дело, что друг нужен был для поддержки, чтобы типа не одному идти. Одному было стремно.

Влюбленные распрощались.

С непонятным тревожным чувством внутри, наш герой досидел на уроке. Потом пошел в театралку. Там собирались стандартно ребята после уроков чуть ли не каждый божий день. По вторникам, четвергам, как помнится, – обязательно.

Возле сцены «прыгала» Эсэска, трясая сценарием, произнося излюбленную фразу:

«Текст! Текст! Женя, текст!» - На сцене стоял, подающий надежды мальчик Женя, и читал роль. Шла начитка. Женя исполнял в Зимней Сказке - Ивана-Дурака.

Леня поздоровался со всеми присутствующими театралами, и сел, недалеко от сцены. Залез в свою сумку, достал зеленую тетрадь со своей

ролью и принялся повторять. Он уже почти выучил свой текст «Чёрта», которого ему предстояло сыграть в зимней сказке.

- Женя, текст! Вы не отрываетесь от текста! Какая может быть игра! Ничего не готово! – Кричала СС Жене и всем, кто сидел в зале. Никто ни обращал внимание на режиссера. Психоз руководителя – это нормально. Это зрелище «старым» театрам известно. Артем с Полиной переглянулись, улыбнулись, и принялись тихо веселиться над Эсэской, в то время как «молодые» поутихли, и углубились в свои роли.

Полина – одна из прим театралки описываемого периода.

Пришел Андрей Цепляев. Он уже как второй год не учился в гимназии, но в театралку продолжал ходить. Андрей помогал играть. Этой зимой он играл также в зимней сказке, как и год и два назад. Все были только «за». Кроме, некой Любви Васильевны, завуча, которая сказала как-то раз Эсэске, что, если, Андрей не учится в гимназии, то пусть и не играет в театре.

«Найдите другого, кто учится» - сказала Любовь Васильевна. Правда, директриса разрешила, чтобы Андрей играл в театре. СС сказала, что он нужен театру. Похлопотала. А потом, согласитесь, было глупо гнать и из театрального Андрея. Какая разница – из гимназии-то уже вышибли парня на улицу, - вышибли, даже не смотря на то, что в школе работает его мать, хоть и в качестве уборщицы. Кстати, что касается старших братьев Андрея (а их трое в семье), то они доучились все девять классов и поступили куда-то. Правда, тоже нигде надолго не задержались. Андрей также подал заявление в какую-то учагу, поступил. Но проучившись, как он говорит, полтора месяца ему надоело, - и он бросил учебу. Ему никто не верил, что он там проучился эти два месяца. Многие понимали, что это так – слова. Младший в роду Цепляевых оказался самым неспособным к наукам. Братья же его: Алексей и Антон, надо сказать, давно взрослые люди. Они старше Андрюхи на четыре-пять, вроде, лет.

Андрей играл в сказке Водяного.

Немного прорепетировав, все разошлись. Ленька и Андрей ушли раньше.

Объяснив суть да дело, Леня предложил пойти Андрюхе с ним к Кате, при условии, что та приведет подружку. Тот согласился, так как был подельником Леньки во всех делах. А Ленька был подельником Андрея. С девятого класса они дружили - «водой не разольешь». Они дружили и раньше, с первого класса. Но в девятом ребята крепко сблизились.

Было 24 декабря 2002 года.

«Нужно купить пива», - предложил Ленька Андрею, - «Не с пустыми же руками идти».

«Давай, купим», - согласился Андрей. – Друзья понимали друг друга с полуслова.

«Только сейчас ко мне зайдём сначала», - обозначил дальнейшие действия Ленька, - «а потом к девчонкам».

Леню особенно не удивило, что Андрей с ним согласился сразу же пойти. Этому человеку можно было предложить поехать сию минуту в Африку, и Андрей, не думая ни секунды согласился бы. Андрей – натуральный авантюрист и пройдоха.

Звонить в квартиру долго не пришлось. Катя открыла. Родителей дома не было. Была подружка, одноклассница Кати с именем Алиса. Стала бы она (Катя) приглашать ребят, когда родители дома? Нет, конечно.

Ребята прошли в комнату, сели на пол и поздоровались.

Алиса сидела за компьютером на табуретке. Рядом стояла другая такая же табуретка. На нее села Катя. Девочки играли в какую-то игру, суть которой сводилась к тому, чтобы с помощью вопросов и ответов надо было «развести» мальчика или девушку на отношения: на кино, на секс и т.д.

Алиса оказалась блядоватой внешности, с неплохо выделяющимися сиськами; белобрысая, с широкой, пошловатой улыбкой, с красными губами. Она сразу же понравилась Андрею, как понял Леня, и убедился в этом позже.

Андреев вкус был не для искушенных, а для среднестатистических подростков: главное чтобы рот был с пошлыми губами, накрашена, и сиськи побольше. Ленке Алиса не очень приглянулась, но половой инстинкт, от ее внешности проявлялся, конечно, в глубине джинсов...

И все же не будем забывать, что Леонид пришел к своей, как он считал девочке, к «Катюне» - как он ласково подбирал уже слова нежности, на всякий случай близости с ней.

Как уже было сказано, Андрей и Ленка сидели на полу, и наблюдали за девочками. Катя, повернувшись на табуретке, спросила:

- Ну что?

- Что «ну что»? – передразнил Леня, - неси посуду, будем пиво пить, что ли.

Они как раз с Андреем купили двухлитровую бутылку «Волжанина».

Катя принесла с кухни чашки, больше годные для того, чтобы из них употреблять чай или кофе.

Андрей, открыв бутылку, разлил всем по полной чашке пива.

- Это Алиса, - вдруг спохватилась Катя, - учится вместе со мной в одном классе. Мы с ней дружим. - На эти слова Алиса улыбнулась белозубой улыбкой. Я бы сказал зверозубой улыбкой, так как Алиса оскалилась, имея в виду, может: «Что я вам, мальчики покажу, кто я есть такая».

Ленка не стал долго думать; он допил свое пиво, и выпил еще. Потом, когда он понял, что хмель дал чуть-чуть в голову, он обратился к сидящей рядом Кате:

«Может, поговорим наконец-таки?»

«О чем?» – изумилась девочка, делая вид, что не понимает, к чему клонит Возлюбленный.

«Ну, как о чем...», - Ленка поднялся с пола, встал. Катя тоже встала и взглянула на парня.

– Короче, нам туда, - выпалил Любовник, и указал рукою на коридор.

- Сюда? – спросила Катя, выйдя в коридор.

- Нет, дальше, - и влюбленный указал рукой на спальню. Спальня, то есть другая комната, вторая, принадлежала Кате. – Пошли?! – герой ухмыльнулся.

- Пошли! – не испугалась Катя.

Андрей и Алиса, уже начали беседовать, сидя за компьютером. На такое скорое исчезновение парочки, они лишь кинули несколько фраз, типа:

«Не балуйте там!», или: «Резину взяли?»

Было понятно, что оставшиеся за компьютером понравились друг другу быстро. Возможно благодаря пиву – оно сдобрило гормоны подростков. У подростков всё как-то быстро происходит, без особых условностей.

В комнате, уединившись, можно легко предугадать, Катя и Леня стали неистово целоваться. Леня «лапал» девочку, и чувствовал, как стоит член на живую девочку, а не на мясистую тетку с глянцевого журнала. Они целовались долго, меняя позы, руки, ноги. Чтобы быть взрослее и казаться таковым, Леня спросил: «Ну, что трахаться будем?» - «Не знаю» - ответила Катя. Сама эта фраза: «трахаться будем?» - прозвучала довольно-таки непристойно, отметил любовник.

Парочка сползла на пол с дивана, и продолжила процесс целования.

Хочу огорчить Тебя, о, мой читатель, секса у подростков не случилось. Катя даже не дала себя толком раздеть, позволила только стянуть лифчик. Наш герой удивился в глубине души тому, что у Катюши оказались маленькие груди, подумав о том, что в зале сейчас Андрей, наверное, трогает и целует большие сиськи Алисы. Такой вот казус...

Зайдя в зал, после небольшого «отходняка» от страстных объятий, пара обнаружила «сосущихся» на кровати Алису и Андрея. Последний был без майки, да и Алиса, лежала в развратной позе, раздвинув ноги, обтянутые черными колготками. Андрей шерудил рукой между ног соблазнительницы.

Развратница первая заметила вошедших, и, не отрываясь от поцелуев Андрея, которые лизал ей шею, - спросила:

«Ну как?» - «Хорошо» - как-то строго и пренебрежительно рявкнул Леонид, подошел к Андрею, похлопал его по плечу и сказал зачем-то: «Дай-ка мне», - после чего, отодвинул согласившегося отойти товарища, накрылся вместе с Алисой покрывалом и принялся сам целовать ее.

Он захотел попробовать, насколько вкусна эта девочка. Целовать Ленке Алису не понравилось: «Рот большой, губы пухлые, а целуется она как неизвестно кто. Губы как вата». Зато сиськи Алиски героя привлекли больше, он задрал лифчик, и обнаружил два увесистых полушара, с крупными сосками. Ленка принялся их облизывать. Алиска хихикала, и гладила Леню по волосам, трепала их.

Такое поведение Леонида, являлось проверкой, как он сам сказал это Кате. Бредовая отмазка. Он хотел узнать, какотреагирует на это Катя. Но Катя и не думала реагировать. (Ленка, сидя под покрывалом с развратной Алисой ждал, когда Катя взбунтуется и закричит, ругая его за то, что он полез к ее подруге). К своему удивлению, выскочив из-под покрывала, он обнаружил целующихся Катю и Андрея. Андрею, видимо, было совершенно похеру с кем целоваться: с Катей ли, с Алисой ли. Почему-то не разозлившись, Леня захохотал, вытащил с кровати за руку Алису и побежал с ней в ту спальню, где только что был с Катей. В спальне он снял с девчонки лифчик, спустил немного ее юбку и стал облизывать груди и живот развратной подружки, массируя руками промежность. Алиса начала немножко постанывать.

«Я тебя трахну сейчас же. Давай?» - шептал ей в груди новоявленный сексуалист. - «Не надо» - говорила Алиса – «Я без презерватива не буду» - «Блин, у меня нет презерватива» - сказал разгоряченный Леонид.

На этом всё и закончилось. Наш герой не сожалел о проведенном первом «грязноватом» вечере. Мило расцеловавшись и распрощавшись с девочками, ребята ушли в полшестого. Все четверо были явно довольны, поскольку никто не был друг другу ничем обязан. В шесть должны были вернуться Катины родители с работы.

Приятели, как ни в чем ни бывало, взяли в вечернем киоске еще пива и прикончили его по дороге к себе на район.

На следующий день было непонятно и стыдно, но Ленька подавил это чувство, подойдя в школе к Кате и сказав:

- Я забуду, что ты целовалась с Андрюхой, а ты забудешь, что я целовал и лапал Алису. Будем считать это проверкой друг друга на ревность, например.

- Хорошо, - как ни в чем ни бывало, произнесла Катя, и обняла первый раз при всех Леньку. Ленька тоже ее обнял, и моментально десятки глаз всё увиденное сфотографировали. После чего на партах начали появляться соответствующие стишки неизвестных завидующих подлых рифмоплетов. Один из стишков автор помнит. Он прочитал его весной на уроке ОБЖ, который вел товарищ учитель - Василич. На мутном, плохо окрашенном сине-зеленом столе красовались такие вот строки:

Лихо Леня кончил

Кате прямо в рот

Катя сильно стонет

Больше не сосет

Стоило ожидать такой реакции «школьной общественности». Катя была, не побоюсь этого слова, мечтой многих балбесов гимназии. А досталась она Леньке Хлямину. Резонанс был огромен. Но, при этом все молчали. Почти все, кроме Артема, который кусал Леню подначками: «Зачем она тебе? Она же малолетка».

Артем дико завидовал, но не мог этого признать. На это Леня ему так и отвечал:

«Ты же завидуешь, ну! Ты же за своей Полиной бегаешь уже третий год, и хули толку? А мне завидуешь, что на меня клюют те, кто помладше, да посимпатичнее».

- Во-первых, я ни за кем не бегаю, - начал высокомерно Артем, а во-вторых, как знаешь – твое дело...

После этих слов, однако, Артем больше ничего не говорил. Этот разговор был последним. Иногда он делал вид, правда, что деликатно интересуется, и спрашивал:

- Ну, как там твоя симпатичная такая девочка из девятого класса? Ничего себе – стройная такая...

До самого момента, когда Леня расстанется с Катей, Артема будет душить огромная жаба, что Ленька встречается с «этой», и плевать хотел на все, - а я – Артем – великий актер, ни с кем не встречаюсь. Но, сказать, что Артем не встречался, ни с кем, это не так. Позже он будет крайне подпольно встречаться с Викой. Она придет в театралку, когда Артем и Ленька будут в одиннадцатом классе как раз. Вика придет в десятый. Она переведется из школы, что находится в центре города, и последние два года доучится в гимназии, где работали преподавателями музыки ее бабушка и мама.

Дружба Кати и Леньки продолжалась. Он приводил ее в дом, и сам ходил к ней. Познакомился с ее родителями. Познакомил Катю со своими родителями. Катиной маме Леня не понравился однозначно. Катя так и сказала как-то раз Леньке об этом:

«Ты моей маме не понравился, потому что ты жеманничаешь, когда с ней разговариваешь».

- Ну и хрен с ней, - сказал Леня, - это мой стиль поведения. – Не нравится, пусть со мной не общается, когда я к тебе прихожу. Моей маме, например, ты понравилась, и папе тоже.

В канун Нового года парочка поссорилась, из-за кого-то пустяка. Автор и не помнит даже из-за чего. Ленька звонил Кате, просил прощения, но она сказала: «Поговорим после Нового года».

Первого же января, утром 2003-го года Леня побежал к Кате мириться, не забыв прихватить с собою зачем-то по привычке Андрея.

В этот раз Андрей снова как-то сам взялся ниоткуда. По-моему, Ленька к нему зашел узнать, как друг провел Новый год, так как накануне Андрей жаловался на одиночество.

Друг встретил Новый год хреново:

«Понимаешь, - говорил Андрюха, растягивая слова, - родители ушли в гости как обычно, братья поразъехались. Сидел один с бутылкой водки и бутылкой шампанского. После двенадцати сразу лег».

- И что, все выпил? – спросил товарищ.

- Да-а-а всё, - спокойно ответил Андрей, зевнул, и полез в карман штанов за сигаретами.

Ленька молча постоял, а затем сказал:

«Я пойду к Катке мириться. Дай мне на подарок сто рублей, что ли. У меня нет...» - Леня знал, что друг не откажет, а потом Андрей работал все-таки, а Леня – нет.

Андрей дал денег. Дал даже сто двадцать рублей, а не сто. У них с Ленькой было установлено негласное правило: занимать друг другу деньги и никогда не возвращать, поскольку дружба дороже денег, считали приятели. Леня давал реже Андрею денег, и тоже никогда не просил, чтобы Андрей вернул.

Андрей оделся, и они пошли на рынок, в торговые павильоны, искать подарок Лениной девушке. Не думая долго, Леня купил ей игрушечного новогоднего зайца в пакете, и шоколадку. Андрей купил себе бутылку пива и выпил ее в два глотка, после чего выбросил ее на замороженный тротуар. Пивная бутылка разлетелась вдребезги рядом с машиной. Водитель маршрутки, по всей видимости, чурка, крикнул Андрею:

«Ты что делаешь?»

На что Андрей совершенно спокойно ответил, уходя с дороги: «Пошел ты на хуй!» – Водитель этих слов, по ходу дела, не услышал...

Придя к Кате, и позвонив в дверь, Ленька вытащил из кармана куртки апельсин, обычный залежалый апельсин. Он хотел подарить его Катиной маме в знак своего негласного плохого отношения к ней. Дверь как раз и открыла мама.

- Здравсьте, это вам, - поприветствовал Леня громко маму, и протянул ей апельсин. Следом вошел Андрей, забежал глазами, и выдавил:

«С наступившим, В-в-вас...», - при этом Андрей по-ковбойски улыбнулся, обнажив все свои тридцать два.

- Вас также, - сказала мама, приняла подарок, и окликнула дочь, - Катя! К тебе пришли!

Вышла из своей комнаты Катя. Ребята, сняв куртки, юркнули в спальню хозяйки. Катя прошла за ними.

Леня поздравил Катю, преподнеся и ей подарок, более ценный, чем ее маме. Андрей ничего не сказал, и уселся за работающий компьютер и принялся расспрашивать про игры; какие у Кати есть на компе игры.

Ленька сидел на диване и обнимал Катю, сидевшую на коленях у своего парня. Про обиду свою Катя даже и не вспомнила. Возлюбленный лишь сказал ей: «Извини». В ответ Катя его поцеловала. Так они до вечера целовались и тискали друг друга на диване. А Андрей, сидел к ним спиной и играл на компьютере.

А позже, произошло следующее. И здесь вновь «помог» товарищ Андрей.

В конце января, тайно, ничего не сообщив другу (друзья так не поступают, вроде), Цепляев явился вечером домой к Кате – присмотрел ее для себя, пройдоха.

У Катиной мамы в тот вечер был как раз день рождения. Не зная подробностей, но, зная от Кати, что мать впустила Андрея сразу (должно быть еще понравился, когда пришел на новый год с другом) и предложила сесть ему за стол. Андрей естественно сел за стол, недолго думая; запоролся, что называется. Сел. Его стали угощать, наверняка дали выпить. Он сидел с гостями, врал там что-то. А после (кульминационный момент!) уединился с девушкой друга в ее спальне, и стал там трогать и целовать Катю.

Об этом рассказала Катя сама. Леня ее вывел разговором на чистую воду. За честность не стал ничего с ней делать. Да и что бы он сделал такого? Они как раз сидели у Кати вдвоем. И она говорила, - «что мы только целовались и всё. Потом, я его выпроводила». Леня сидел, слушал и злился, матеря Катю. Катя заплакала, и полезла обнять юношу. Ленька отстранился от этих предательских объятий, но все же, вскоре простил преступницу, и поцеловал ее. А затем, попросил есть, поскольку был голоден, и только что пришел из театралки, где имел серьезный разговор с другом Андреем. Катя, чувствуя вину, сбегала на кухню, и принесла в холодном блюде любимому холодный винегрет.

- Мило, - сказал возлюбленный, - мило! Почему такой холодный, - психовал Леонид.

- Хочешь, подогрею? – исправлялась девочка.

- Не надо! Иди лучше к Цыпе, и лижись с ним, сука ебанутая! – Ленька снова расхохотался не на шутку. И даже отставил винегрет в сторону. Он сожалел, конечно, в душе, что позволяет себе так ругать девочку. Но, Ленька на тот момент исповедовал якобы панк-философию, и поэтому считал, что нужно вести себя как хочешь. Желательно – всегда вести себя плохо. И если надо, то нужно обругать кого угодно. В дальнейшем Ленькин «похуизм» и ругательства погубят отношения с Катей.

А в театралке, произошел вот какой разговор: Леня зашел в актовый зал в тот момент, когда Андрей отчитал свою роль перед Эсэской и

спустился со сцены. Ленька сел в кресло, и молча стал листать свой текст. Неподалеку приземлился Андрей.

Наконец терпение кончилось, Леня вскочил, бросил текст, и быстро подошел к Андрею.

- Поговорить ни о чем не хочешь? – яростно прошептал друг.

- А-а-а... о чем? – изумился Андрюха и сделал взгляд совершенно недоумевающим. Он кстати, умеет профессионально делать такое выражение лица.

- О Кате...

- Не хочу, - нагло ответил актер Цепляев.

- А придется, - и чтобы не привлекать внимание театралов, Леонид предложил жестом выйти в коридор.

Они вышли. Андрей за последние два года явно приобрел форму, и здорово вытянулся. Несмотря на то, что буквально в девятом классе был чуть ниже Леньки.

Как бы там ни было, Леня собрался бить друга. Если не бить, то хотя бы хорошенько ударить несколько раз, чтобы проучить. Это была первая ссора с Андреем за десять лет школьной дружбы.

- Ты зачем к Кате ходил? – начал разбираловку товарищ.

- Ха, хотел и ходил... Мое дело, - еще более нахально, словесно защищаясь, отвечал Цепляев.

- А ты не знаешь разве, что я с ней встречаюсь? – Ленька прижал руками за грудь Андрея, придавив к серой решетке коридора (там решетка есть такая серо-желтая).

Тут Андрей замолчал. Ответить было нечего. А может, решил не обострять ситуацию. Ленька ударил друга один раз кулаком в живот, на что Андрей отреагировал и отпрыгнул, защищая торс, однако при этом держа одну руку на животе. Было, похоже, больно. «Друг» попал в живот. Вторым ударом он угодил в лицо, в скулу Андрею, но поскольку тот увернулся, удар получился довольно слабым, как бы скользящим. Андрей особенно не

отреагировал на удары. На этом Ленька успокоился. Непонятное чувство вселилось во все внутренности. Стало противно и мерзко, по отношению к себе и ко всему. К Андрюхе.

- Ну, вот вроде бы и разобрались, - буркнул Леня, и зашел в актовый зал. Репетиция шла на полную...

- Ну где вы ходите? – крикнула СС, - где Андрей? Вас двоих ждем, пока вы там гуляете, у нас всё стоит.

На сцене толпился народ – господа театралы. Ленька поднялся на сцену. Вошел в зал и Андрей, взял тетрадь с ролью и также очутился на сцене. Немного прогнав по всему тексту, СС решила:

- Так! – дала команду Эсэска, - поехали по сценам. Лишние ушли. Сцена: «Игра в карты». Водяной, Чёрт, Иван-Дурак - на сцену. На сцену встали Ленька и Андрей. Поднялся восьмиклассник Женя.

- Погнали! – властно сказала Эсэска.

По ходу спектакля, нечистая сила вместе со своей прочей свитой появляется на сцене с того момента, как открывается занавес во второй части зимней сказки, и собственно Чёрт-Леонид, Водяной-Андрей и Иван-Дурак, коего играл маленький Женя, начинают играть в карты, пытаются надурить друг друга. После к ним присоединяется Баба-Яга и Кикимора.

Сцена в тот день у школьных актеров совсем не шла.

Катя и Леня стали «парой года» - так издевались Катины подружки, называя влюбленных. Встречаться и ходить друг к другу после уроков стало нормой. Леня часто провожал и встречал Катю.

В тот год она ездила на курсы по биологии, и Ленька ехал с ней зимой в трамвае, до этих самых курсов, а потом вечером встречал девочку. Тогда, в феврале-марте, Катя ходила в коротенькой пятнистой куртке и такой же кепочке. Помните, может, была такая мода у девушек – носить черно-белую пятнистую «как окраска коров» куртку. На ноги она обувала сапожки. Всё это в целом выглядело стильно. Леня гордился своей мадемуазель, - он

иногда так называл Катю, когда та крутилась возле зеркала, собираясь. Другие парни оборачивались в след Кате. Леньке это тоже нравилось.

Такие моды были в начале 2003-го года.

В одиннадцатом классе Леня ходил на УПК вместе с Артемом на «Основы журналистики». После УПК он ехал в трамвае к Кате, выходя на остановке «Торговый Комплекс Русь». Артем ехал дальше. И иногда, перед тем как Леньке выйти, Артем спрашивал:

- Что, к бабе своей идешь?

- К бабе, к бабе, - невозмутимо говорил Леня и выходил на остановке, и шел через весь ледяной и обдуваемый Жилгородок к Кате.

С Андреем Леонид вскоре помирился. Помирила их бутылка. А потом, Ленька извинился, и сказал Андрюхе, что как бы там ни было, а старого друга он терять не хочет из-за девушки – это глупо. Победила мужская дружба. Андрей тоже не протестовал, так как знал, что изначально в этой истории виноват был он сам.

Секс занимал отдельное место в жизни влюбленных. Его не существовало. Катя с Леней занимались всякой херней. Или как там правильно это называть? Когда никого не было, Катя приходила в гости к Лене, или наоборот, Леня приходил к Кате. Они начинали целоваться, возлюбленный трогал Катины гениталии, а Катя трогала гениталии Леонида. При этом они яростно целовались. По-взрослому. Леня лежал на своей кровати, а Катя лежала сверху, трогая интимные места Леньки. Леня кончал, но непонятно куда. В темноту штанов? Катя тоже кончала от прикосновений и проникновений пальцев. Ленька чувствовал эту жидкость. Жидкости было много... Секса не было.

Вспоминается тот момент, когда Катя хотела сделать Лене оральный секс. Она села на колени перед ним, стала снимать с него джинсы, трусы.

Сняв их с Лени до половины, она принялась изучать член. Леня застеснялся. О, ужас. Дело в том, что он всегда считал, что - оральный секс и обычный, вообще, первый секс должен произойти как-нибудь изощренно, в хорошем смысле этого слова, интересно и красиво. На тот момент красоты он не видел. Он сказал Кате, что та еще мала. А когда через несколько дней Катя показала ему презерватив, лежащий у нее. Леня наорал на девочку, и сказал:

- Ты еще маленькая для этого. Когда морально будешь готова, тогда и попробуем, - с этими словами он надул презерватив и отпустил летать по комнате. А потом разорвал руками и зубами, и сказал, чтобы Катя его выбросила. Он (Ленька) сам решит, когда он трахнет ее. На деле же, он сам еще не был готов. Боялся. Не был готов в свои шестнадцать лет. А его девочка была готова в четырнадцать. Нет у нас, потому что сексуального воспитания. Отсюда - все юношеские чудовищные отвратительные комплексы. Судите сами.

Часто после так называемого «секса», такой вот своеобразной близости, какая происходила между этой парой, Катя будет шептать ему:

«Спасибо» - «Э, да ладно!» - будет говорить Леня, он не искренне верил этим словам. Тем самым он предугадывал обманчивую женскую натуру. Он предугадал ее на несколько лет вперед тогда, зимой 2003-го, сам того не зная толком. Женщины будут стараться хлестнуть Леонида в его юном возрасте. Сначала это больно. Потом он научится побеждать все эти страсти мужчин и женщин, начнет видеть насквозь. Будет расти. Леньке станет весело, и понятно. Однако, нельзя сказать, что, веря внутреннему миру, он зарекся потом навсегда. Всё может быть. И иная женщина развеет его убежденность.

Расстанутся они в июне месяце. Как такового никакого расставания не произойдет. Леня и Катя просто перестанут встречаться. Леня как раз закончит одиннадцатый класс.

Первую и глубокую трещину, в преддверии расставания даст один майский случай.

Ленька будет сидеть дома один. Родители уедут на дачу. Он будет как обычно ждать в гости Катю. Катя придет. В окно он заметит ее фигуру в желтой юбке, и примется ждать того момента когда она поднимется к нему домой. С порога, они начнут обниматься. Он будет страстно целовать ее. Потом они переместятся в комнату к Леньке на кровать. Последний, неожиданно вскочит с ложа любви (идиотская переменчивая натура) и скажет:

- Е-моё! Мне надо английский перевести на завтра. Помоги мне, моя умница.

Катя согласится помочь. Она отличница, практически.

Леньке действительно на завтра нужен был английский перевод к уроку.

Катя переведет быстро. И вернется в объятия так называемого «панка». Почему панка? Да потому что Леонид сам создал этот свой имидж прической и одеждой, разбавив поведением и увлечением соответствующей музыкой. И все это в школе знали. Вообще, все, кто собирался на втором этаже возле окна, в коридоре, особенно театралы, все увлекались каким-либо музыкальным стилем и считали себя кем-то. А потом это школа. Все всё знают. Про Леню так и говорили. Например: «Леня из театрального» - и сразу было понятно всем, кто это. А для уточнения говорили: «Ну, этот, панк который...»

Как бы многие пацаны и девки не относились отрицательно к молодежным субкультурам, всё равно было приятно иметь у себя в школе панка. Леня был самым известным в школе панком. Остальные косили под таковых, и были младше. Дело в том, что Леня, как «истинный панк» никогда не признавал того, что он панк.

«Лень, а ты же панк» - сказала как-то раз Лера, та самая подружка Кати - «Я? Кто тебе это сказал?» - удивился театрал. - «Ну...» - замялась Лера, - «Ну, как же... Все говорят...»

От этого его рейтинг в глазах обитателей гимназии только поднимался. А потом он всё же еще и один из самых заметных театралов был. Это знали все. Впрочем, что касается «панкизма», то Ленька шифровался. Скорее поддерживал образ, я бы сказал, интеллигентного хулигана. Даже может псевдохулигана. Немного хулигана. В основном талантливый и высокомерный актер театралки.

Лёжа на кровати парочка обнималась. И Леня, будучи в каком-то только ему известном настроении выдал еще один постыдный и свинский перл. Он грязно и очень пошло выразился, растягивая фразы как последний урод:

- Чё, давай трахаться! Мне надоело, что мы как дегенераты, бля, не можем по-нормальному наконец-то потрахаться, блять! – Он не был тогда пьян, не был накурен, или еще там что-то. Он был крут. Он держал в своих руках психопата всю тусовку театралов и сочувствующих им в гимназии, по сути. Он и конечно же, еще Артем. Хотя, это были подростковые комплексы на самом деле. Панки все полны комплексов. Это доказанный факт. У Артема-то эта звездность и закомплексованность была давно, и он умел ею управлять. Научился. Он играл людьми. А Ленька не умел и не хотел.

«То есть...», - Катя перепугалась от такого хамства, которые кидал ее парень.

- Чё - «то есть»! – передразнивал Леня, - я сказал, что наконец-то хочу тебе трахнуть! Я созрел! - «Панк» сел на кровать. - Да, я до этого боялся, комплексовал. Был не готов, - расплылся возлюбленный, но говорил правду. – А теперь я хочу тебя трахнуть! Мне надоело, что ты уже порой вся изнемогаешь, а я как лох, не знаю, что надо сделать и как поступить! Тебя скоро гопник какой-нибудь трахнет из нашей ёбаной школы, а я так этого и не сделаю! – разорался Ленька. – А если я этого не сделаю, или ты теперь не хочешь, то вообще нахуй ты пришла! Тогда иди нахуй отсюда! – закончил речь подонок.

Катя встала с кровати. На глазах появились слезы. Парень потянул рукой ее к себе, стараясь поднять юбку...

Катя оттолкнула «кавалера», но нехотя, и выдала, расплакавшись, свой текст:

- Ты знаешь! Ты же знаешь! Ты видишь, что я всегда согласна! Даже если бы ты не позвал меня сегодня, я бы позвонила и пришла к тебе! Я бы все равно пришла! – уже разревелась на последних словах она. С этими словами, Катя выскочила в коридор, стала обуваться, чтобы уйти от негодяя.

- Ну и иди! Пиздуй! – кричал из своей комнаты Ленька и истерически хохотал. – Вали, нахуй! – он хохотал и лежал на кровати.

(Панкс нот дид).

Что на него нашло тогда, сейчас трудно сказать. Как назвать это? Взорвавшийся комплекс тинэйджера? Панкизм во всей своей истеричной бунтарской красе? Впрочем, там, во Вселенной всё видят боги, и даже пятнадцати-шестнадцатилетним панкам, там, где-то между планетами и космической пылью ничего не прощается. Вселенная холодна, но справедлива. Об этом так называемый «панк» узнает позже...

Однако он вскочил, выбежал в коридор, обнял Катю, и заставил ее вернуться. Просто утащил ее в комнату. Там он скажет, скорее из-за вежливости, что он не прав. Катя будет молчать.

После этого эпизода, они еще встретятся несколько раз. Какая встреча будет последней, автор запомнил. В середине июня Катя должна была уехать в деревню к бабушке, в Тульскую область. Ленька позвонил ей, чувствуя вину.

- Уезжаешь завтра.

- Да, уезжаю.

- Когда вернешься?

- Через три недели. Или останусь даже до конца лета...

- Прости меня, ладно...

- Я уже всё забыла, - наверное, соврала девочка.

- ...Хорошо... Ну, прости, меня.
- Забыли, - сказала Катя.
- Ну до встречи тогда, что ли...
- До встречи.
- Созвонимся, как вернешься, окей?
- Да, созвонимся.
- ...У меня вступительные экзамены в июле в универ, - буду готовиться...
- Готовься.
- Ну, всё, пока. Счастливо, тебе доехать, Катя...
- Счастливо.

Когда Катя вернется, а Ленька будет знать, что она уже вернется в начале августа, он не позвонит ей. Почему? Сейчас трудно судить. Автор, честно говоря, не знает. Ему будет казаться, что нужно всё же найти другую, из своего круга общения. И он за всё лето будет периодически «нападать» то на одну, то на другую. Но всё это будет тщетно и глупо.

Катя тоже не позвонит ему. Она позвонит сама лишь однажды. В сентябре месяце. В начале сентября, когда Леня уже будет учиться в университете. «Любовник» будет ехать в библиотеку Горького, готовиться к семинару по этнологии, и случайно встретит Катю. Она будет ехать, очевидно, из школы. Они поздороваются. И всё. Будут ехать, и смотреть друг на друга. Катя выйдет на остановке «Качинский рынок». Ленька поедет дальше. В тот же вечер Катя позвонит ему. Решит сама, возможно, возобновить потерянные отношения. Мама Леньки позовет его к телефону.

Он не хотел с ней разговаривать. Почему?

Катя немного расспросит его об университете. Ленька в ответ расспросит Катю об учебе. О друг друге – ни слова. Они поговорят недолго, и ни о чем не договорятся.

Это был конец. Катиному парню было наплевать на нее.

А через полгода, буквально, он поймет, что и кого потерял. И потерял навсегда. Еще на протяжении двух-трех лет, приблизительно, Леонид будет звонить изредка Кате - пьяный, будет ей рыдать сам в трубку, и уговаривать встретиться. Катя останется непреклонной, и будет отказывать во встрече. Хотя голос, во время этих чудовищных разговоров у Кати, маленькой девочки, с ангельской внешностью, будет заметно дрожать и всхлипывать. Там, на том конце провода. Но девочка стала принципиальной.

«Я тебя никогда не любила» - это было детство. – Будет врать сама себе Катя.

Оно может, и можно было встретиться с ним снова, но принципиальность, закореневшая в девочке, победила, превратив девочку-подростка психологически в разумную женщину.

Может, в этой трансформации помогла мама Кати? Хотя, девочка никогда с ней особенно не делилась личными отношениями со своим парнем.

Ленька лишь иногда звонил, навязывался. Просил сотни раз прощения и плакал ей в трубку. Он еще совсем не превратился в мужчину.

Послесловие

Не так давно, весной Леня встретился с Катей совершенно случайно – в одном троллейбусе снова ехали.

Впервые за прошедшие фактически пять лет. Они даже не сразу узнали друг друга, наверное. Не обратили внимания. Леня сидел, а Катя стояла со своей подругой. Они поздоровались. Леня предложил присесть рядом. Они разговорились. Особо интересного диалога не получилось, в основном про то, кто чем занимается, кто куда едет; все в таком роде.

Всё абсолютно банально: всё так, как и должен состояться диалог двух людей, которые когда-то встречались и любили друг друга, когда учились в школе. Этот диалог рано ли, поздно ли состоялся бы, - почему-то я в этом

был уверен. Я это так нарисовал себе в воображении. И еще кое-что нарисовал, но я не скажу что. А может, скажу, но позже...

- Ты изменился. Посерьезнел, какой-то солидный стал, - сказала Екатерина.

- Ну...скажешь тоже, блин... ну, спасибо... интересно услышать. Правда что ли?

- Да, правда, - блеснула глазами.

- Ты тоже, прямо совсем женщина. Совсем не та... Но что-то прежнее осталось такое, наивное, что-то...

- Ну не знаю. Ну, может...

- Куда едешь? В универ, да?! Я знаю, что ты заканчиваешь учебу скоро. Еще курс остался, да?

- Да еще один... Я сейчас сначала по делам, а после только в универ пойду.

- А я – всё. Заканчиваю летом. И сегодня еду учиться. Две пары.

- Здорово. И что потом? Когда закончишь?

- Потом?

(Ненавижу этот вопрос!! Откуда я знаю – что? Меня это всегда убивает!)

Он улыбнулся как всегда, и сказал:

«Ну, потом и посмотрим, верно?»

- Верно.

- Да блин... как будто с тобой в разных городах живем, хотя живем довольно близко и ни разу не виделись, вот только сегодня и довелось увидеться. Очень неожиданно...

- Да, совершенно неожиданно...

Леня вытащил из сумки ручку и протянул Кате:

«Вот - это тебе, в знак встречи. Ручка из бывшей Югославии. Презент»

Катя приняла подарок:

«Спасибо. Это приятно»

На конечной они вышли и распрощались. Каждый пошел по своим делам. И ни слова о прошлом.

2007г.

В ДВУХ ФРАЗАХ

***

Замечали ли вы, что у нас в городе названия разных точек скопления людей имеют свою конкретную привязку: Порты, Комса, Аллея...

***

Когда нужда заставила, и я работал в охране, то все вспоминал старую жизненную истину:

«Вся жизнь – борьба: до обеда с голодом, после обеда со сном».

***

Возможное начало предисловия к сборнику стихов:

«Этот сборник был бы другим, или его не было бы вовсе...»

***

Даже у Мариенгофа в «Циниках» стрелявшаяся проститутка хотела жить лишь только из-за шоколадных конфет «Пьяная вишня».

***

На выезде в Астрахань ребята поселились в съемной квартире, где оказалось много тараканов.

Батон взял одного таракана и перевернул его лапками вверх.

- Утром смотрю, - говорит Батон, - он все так и лежит в таком же положении.

- И что, ты его убил? - спрашиваю.

- Нет, ты что! Я его отпустил, и он убежал за фанеру – там у него семья, дети, наверное...

***

Ваня Камон рассказывал мне свою версию космогонии:

«...Мы используем этих демонов; мы части Разума и Духа. Мы попадаем в тела и проживаем жизнь того или иного человека. Это как игра. Потом мы возвращаемся обратно в Хаос.

Вся наша жизнь – иллюзия. Окружающий мир – мнимый. Мы – части лишь самих себя по принципу - «Я-Вселенная».

Мы не одну тысячу лет, наверное, скитаемся по телам. Прыгаем вниз сверху... Множество миров. Я бессмертен. Времени нет. Всё – это всегда, сегодня и вчера. И постоянно.

Энергетический заряд, который является душой – бессмертен. Он трансформируется в другую энергию».

Я с ним согласен, с Иваном.

***

Николай Николаич Ефремов любил, бывало повторять:

«Водка – это стимулятор жизненных эмоций».

И никак не иначе.

***

Начало стихотворения, которое приснилось:

Как теплые яблоки

Пусть лягут ядра на дно моря

***

Маша Н. успокоила человека:

- Володя, ты не страшный. Ты так – ну на любителя...

***

Шел в институте по коридору - захотелось как обычно, постучать в какую-нибудь дверь и убежать, но потом вспомнил – что я препод.

***

Валера Усатов о курсантах училища:

- Пусть думают головой, а не задней промежностью!

***

Дима Децл мне как-то весело сказал:

- Мы, Лёнчик, носим - ношенное, ебем - брошенное. Такая уж судьба.

***

Я заметил, что уже дожил до того, что когда вижу бывших одноклассников - то натягиваю на глаза шапку и капюшон, чтобы меня ни дай бог не увидели, и не узнали.

***

Зашел разговор о поэтах.

Я сказал что, в частности интересуюсь поэтами с таким же именем как у меня. Интересно – кто кем был.

- Если бы меня интересовали поэты с моим именем, - говорит мне тут же поэт Тимур Забиров, - то мне не нравился бы никто.

***

Когда я работал в училище, помню, как мой товарищ Владимир Анатолич Черняев, кап-три в отставке, кстати, мог ходить по комнате мастеров и повторять:

«Чудненько, гаденько, паршивенько, отвратительненько...»

Это он так о жизни в целом: о своей видимо, о чужой...

***

Позвонил троюродный брат из Москвы. Давно не общались; не виделись еще больше. Начал он рассказывать про свои конфликты там с кем-то. И вдруг говорит:

- Да я если что, - то я его ножом зарезу! Мне похуй – я с Тракторного!

Сидит в Москве, а гордость за свой город и район в нем есть.

***

На 14-м поэтическом слэме Тимур Забиров был ведущим и по традиции, в начале, представлял участников. Представляя меня, помимо всего прочего, он сказал, что я «пьяница», «повеса», и еще что-то там.

Я посмеялся. Наверняка далеко не все присутствующие в клубе знали, что этот «повеса» ведет четыре предмета в университете и является кандидатом наук.

***

Рядом с пьяным Федором Завьяловым за столом сидела собака. Французский бульдог, одетый в форму: в фуражку и мундир. Собака все время чавкала, хрюкала, высунув свой розовый язык.

Федя, опустив голову, что-то бормотал.

Остались только он и собака.

Последние двадцать минут своего монолога Федор то и дело обращался к собаке:

- Понимаете, товарищ майор... Вот так, товарищ майор...

***

Мой младший брат говорил:

- Философия? Как же, знаю. Проходили в университете...

(Пытается что-то вспомнить). Нам рассказывали: консерватизм с точки зрения шаманизма... А, нет, - шаманизм с точки зрения консерватизма... Или наоборот. В общем, я не помню.

***

Старая моя знакомая, тусовщица Вика Ильина, увидев как-то мои фотографии в интернете, где мы с друзьями в причудливых нарядах сидим на квартирнике у Жоры Дричак, прокомментировала их:

- Но, но! Не забывайте, конгломерат маргиналов! Вас засудят за ваши сходки!..

***

- Кто такой Геринг? Как вы думаете? – спросила преподавательница.

Виталий Гребенников завопил с последнего ряда:

- Проклятый морфинист!

***

У пожилых алкоголиков нет совести, но есть расческа. Обязательно есть.

***

Жору Дричак спросили:

- Ты православный?

- Нет, я русский, - ответил он.

***

Из разговора:

- А зачем ты туда ездил?
- Ну я туда ездил за бухлом, за сигаретами, в общем за всякой сифой...

***

- **Я** бы не хотел прожить свою жизнь заново...
- Почему?
- Она меня заебала.

***

Одно время в Китае было очень много поэтов. Потом, слава богу, они почти все перевелись. Надеюсь, у нас будет также.

***

Черняев о каком-то своем знакомом:

- Он мастер спирта по фигурному глотанию.

***

Утро в училище. Комната мастеров.

- Где журнал несения дежурств?
  - Последний раз я его видел в руках мертвого Пилипчука.
- Там такое случается...

***

Черняев – курсанту:

- Змей траншейный! Что ж ты отмечаться вовремя не идешь?!

***

Тот же Черняев о своей группе – мне:

- Это доблестные кретины и легендарные негодяи.

***

Ходят выпить только мерзкие мужички или же наоборот животастые жлобы: и те и те боятся своих жен.

Я же, если пью, то предпочитаю сразу нахуяриваться.

***

Одной знакомой немке, живущей в нашем городе, я сказал в кафе:

- На девятое мая мы разорим сорок немецких могил.

А потом добил ее тем, что когда зависал у нее на хате, помимо прочего, в присутствии других немцев и немок, сказал, что тот шабаш, что был у Берлинской стены, я категорически не принимаю, когда всякая сволочь с молотками полезла на нашу стену, - это на могилы наших мертвых они покусились.

Немцы, да и вообще иностранцы, я заметил, не любят не толерантных людей и не толерантные разговоры. Это их коробит. Вскоре эта немка перестала со мной общаться.

***

Дмитрий, мой товарищ любил выдать такое:

- Ветераны – в доме ветеранов, хотя половина уже и не ветераны нихуя! Все куплено... Стриптизерши малолетние в барах... Чины в кабинетах! Красный ебанный город! Весь Волгоград, блять, соленой пиздой провонял!

Он прав.

***

Мой отец – соседу по лестничной площадке, когда тот дебоширил:

- Так, если ты сейчас порог моей квартиры переступишь, я тебя вышвырну, понял!

Сосед продолжает дебоширить, его сожительница укрывается у нас в хате.

Мой отец подошедшему к нашей двери соседу:

- Так, я тебя предупреждал!

Сосед – указательным пальцем показывая вниз, торжествуя в своей правоте:

- А-ха! Василий, а я порог не переступаю!

***

Федор рассказывал:

- Идем с Лехой С. ночью, пьяные. Раз – ментовской патруль. Ваши документы, все дела... Как обычно.

- Ваши документы! – обращаются к Лехе.

Пьяный и шизофренически веселый на тот момент Леха, выхватывает из кармана паспорт, и с криками: «Вот вам мои документы! Вот! Вот!» - разрывает в клочья свой паспорт и швыряет куски его тротуар.

***

«Может ты и талантливый человек, но государство не знает, куда тебя деть», - сказал мне как-то отец.

***

Леха пришел в каком-то нелепом зеленом вязаном свитере. Все сразу же окрестили этот свитер: «Прощай, молодость». Леха после этого немного погрустнел. И правда, в этом есть какое-то сожаление, что ли.

А может, ему было нечего надеть в этот день?

***

Федор – мне:

- У тебя как мама в телефоне записана?

- Ну так и записана – мама.

- А у меня записана как Слава Гордей.

***

Федор:

«Из курса мировой культуры я запомнил только то, что в Древней Греции все актеры были мужчинами и носили козлиные маски».

***

Останавливает нас давным-давно с приятелем охрана на одном объекте.

- Ваша фамилия? – обращаются ко мне.

Я называю свою фамилию.

Обращаются к приятелю, Андрею Цепляеву:

- А ваша?

(Андрей, как всегда немного замешкавшись):

- А-а..м-м..Марин!

***

Шли 90-е годы. Довольно-таки пожилой наш сосед по лестничной клетке стал допиваться до зрительных галлюцинаций.

Пришла соседка, его сожительница. Рассказывает про него:

- Значит, вскакивает Виктор с дивана вчерась, и говорит: смотри – какой красивый парад по коридору идет!..

***

Тот же сосед, стоя на этаже, громко говорил, обращаясь к закрытой двери своей квартиры. Сожительница его не впускала.

- Вижу! Вижу – вон у тебя мужик в черных брюках на диване лежит.

***

Он же, пожилой соседushка, стоял перед зеркалом, изображая из себя что-то вроде культуриста, напрягал мышцы, кривлялся.

Сожительница, глядя на него:

- Ну, Геракл! Геракл!

***

Виктор, тот, что сосед-дебошир, (правда, дебошир он уже бывший, так как много лет совершенно не пьет) прибегает как-то раз к моему отцу вечером:

- Василий! Василий, меня убивают!

Отец, не понимая толком сути происходящего, дает ему в руки клюшку из кладовки:

- На, защищайся!

Оказалось он побежал бить сына сожительницы, такого же дебошира и алкоголика.

***

Из разговора на околофутбольную тематику:

- Не умеешь драться – убегай! Ну, если не умеешь бегать – все пиздец!

***

Подходим с пьяным Славой Шпаком к лавочке. На ней расположились какие-то совсем юные субкультурщики: парни и девушки.

Шпак – им:

-Пошли нахуй отсюда!

Те встают и уходят, забирая недопитое пиво, и оставляя не открытое, бутылочное.

Шпак с доброй улыбкой – мне:

- Угощайся!

***

Много лет назад наблюдал такую картину у нас на районе, возле импровизированного уличного рынка, где торгуют в основном дачники.

Шел мимо этого рынка какой-то жуткий алкаш. Вдруг он остановился возле всех этих торговцев, повернулся, правда, к ним спиной, и начал ссать на какую-то железную ограду, начал ссать прямо через свои грязные брюки. Окружающие это заметили не совсем сразу. А когда опомнились стали ему орать:

- Ты что делаешь!? Ты что здесь ссышь-то, сволочь!? Здесь люди торгуют!!

Алкаш, поворачивая голову, и крайне рассержено произносит:

- А где мне еще ссать?!

***

Кирилл Ш. - какой-то смазливой телке:

- Девушка, я нахожусь в состоянии сексуального опьянения.

***

Анатолич – вахтенному курсанту, севшему на скамейку (вахтенному положено все время стоять).

- Ты что здесь сел, как блядь на перекрестке?!

***

Повстречали мы возле одного бара пожилого городского сумасшедшего. Конечно, может он и не являлся в полной мере сумасшедшим, но товарищ был явно не в себе: длинная борода, длинные спутанные волосы, какая-то серая роба, вместо рубашки, палка, имитирующая трость, глаза безумные. Означенный тип стоял у входа в бар, прилично подпитый, и вел с окружающими какие-то беседы на около религиозную тематику, как я понял. При всем этом он прилично сквернословил, курил какой-то огарок сигары, который все время гас в его руке (может, угостил кто), и тут же говорил следующее, обращаясь вдруг почему-то ко мне.

Пишу все дословно, как было:

- Вот смотри: круто бухать, да?! Да! Косячок там тянуть; круто бабу ебать, - при этом он сделал соответствующий жест в воздухе двумя руками.

После, на какое-то время этот товарищ, а назвался он Георгием, исчез из нашего поля зрения, и мы его на какое-то время забыли.

Чуть позже завязалась у входа драка, не без нашего участия. И тут выскакивает на шум потасовки этот «старец», пытаясь вдруг всех разнять, и вопит:

- Остановитесь, христиане!

Его тут же (не специально!) в толкучке людской сбили с ног, он упал на четвереньки, палка его куда-то отлетела в сторону, а на него сверху, ему на спину, то есть, сел всем своим весом фанат Коля Мрачный. Через пару секунд на Мрачного упали еще двое или трое. Старец оказался в самом низу придавленным.

Правда, все быстро закончилось, старцу этому помогли подняться даже. Прибежала охрана со стороны центрального рынка, и все покинули поле конфликта.

Товарища этого мы потом еще часто вспоминали, и видели на улицах города. Он и по сей день, я полагаю, бродит по центру.

Вот человек: проповедует, ходит что-то типа религиозное, но при этом косячки тянуть любит и бухать, а как чуть что – так сразу, видите ли:

«Остановитесь, христиане!»

Во всем этом какая-то русская кабацкая традиция что ли угадывается, где все попеременно: и гуляки, и старцы, и молодые, и все, кого только можно представить.

***

Провинившийся курсант – Анатоличу:

- Владимир Анатолич, а у вас ручки не будет?

Анатолич раздраженно, зло, но в то же время с присущим ему сарказмом:

- А ты что сюда срать шел?

***

Анатолич отчитывает курсанта:

- Нет, вы окончательно обнаглели! Охерели! Все вам дозволено, понимаешь! Может, товарищ курсант, еще прикажете вас в попку целовать?!

***

Николай Иваныч, как и полагается довольно-таки пожилому сознательному пенсионеру старой закалки состоял в «Трудовой России», но меня это несколько не прикалывало, поскольку я с уважением отношусь к людям, у которых есть свои глубокие убеждения, пусть мне и не очень понятные, не в этом дело. Я всегда с удовольствием поддерживал его разговоры по поводу социальной несправедливости, засилья капиталистического мышления, на исторические в частности темы мы говорили и т.д. Мужиком он, Николай Иваныч, оказался неглупым, и во многом разбирался, мне это нравилось, что хоть с кем-то в том гадюшнике,

где я работал, можно было нормально поговорить на интересные темы: там за историю, за политику, культуру, спорт.

Но вот беда, все время к нам приходил его «соратник» по партии, выразимся так, – какой-то старый-престарый вонючий бомж, при этом, явно уже психически нездоровый. Он приходил, вахтенные связываться с ним не хотели, и его пропускали внутрь. Хотя не должны были. Он, этот бомж, как ни в чем не бывало, заходил в нашу комнату мастеров и начинал там трясти газетами столетней давности, и что-то доказывать, хотя газеты может, были и не столетними, но один хуй их никто не читал эти газеты. Николаю Иванычу он приносил как раз «Трудовую Россию». Ну не пользуются старые пенсионеры интернетом, поэтому читают газеты. И хуй бы с ним, с этим дедом-бомжом, приходил, как говорится, и ладно. Но, приходя, он начинал докучать всем присутствующим: шуршал пакетами, коих у него было с десяток, что-то доказывал... Его, конечно, вежливо всегда выпроваживали. Ну, или не совсем вежливо, но тем не менее.

И вот как-то раз этот дед приходит, а в комнате мастеров сидел я один, ну он спросил, есть ли Иваныч, - я ответил, что сегодня нет, и он скоро ушел, как ни странно; оставив для Николая Иваныча газеты. Все бы ничего – но от этого деда остался жуткий запах, и я подумал, что не мешало бы мне выйти, или проветрить, открыв окно; как раз в этот момент зашел Анатолич и выпалил, в присущей ему смешливой манере:

- Опять что ли этот вонючий дед приходил?

- Опять, - я засмеялся, ответив. – Вон, только что вышел. А эти – дежурные, мля, его пропустили...

- Ну местечко, Леонид, ну местечко... Мало нам больного шефульки, так еще этот повадился ходить борец за правду... Вонючий аки козел.

Мы одновременно заржали.

Через какое-то время появился Николай Иваныч, которого так хотел видеть этот ненормальный дед.

Николай Иванович сел за стол, увидел газеты; а мы в этот момент с Анатоличем перемигнулись, и Анатолич сказал, как бы невзначай:

- Вот опять дед приходил вонючий. Чувствуешь, Николай Иванович, что твой соратник по борьбе приходил? Нам дышать тут нихера не чем. Ты б ему сказал, чтоб он помылся, что ли...

Николай Иванович очень всерьез принял слова Анатолича и ответил ему крайне скептически:

- Видите ли, Владимир Анатолич, вонючий он может потому что у него денег нет, вонючий он потому, может, ходит, что его государство довело; но вот мы, - и он поднял указательный палец вверх, - мы, - не забудем, а наоборот все припомним, когда к власти придем, кто насмехался над всеми нами, кто издевался... Так что вы бы поаккуратнее шутили и высказывались, дорогой Владимир Анатолич! Я ведь не посмотрю что мы с вами коллеги, когда придет время мы все, все припомним!

***

Денис Пиджаков про свою музыкальную группу - мне:

«Представляешь, про нас даже в одной известной новостной ленте написали, и поместили фото под заметкой; фото - как раз с того концерта, где мы с баянистом полностью голые на сцене!»

- И что за заметка, как называется?

- Называлась она: «И, кстати, о культуре...»

***

Встречаю вечером знакомого одного на районе. (Живет, кстати, как раз в моем подъезде).

- Лёнь, накуриться хочешь?

- Ты ж знаешь, я не интересуюсь этой темой.

- Да заебал ты, давай накуримся!

Тут я к нему пригляделся, и понял, что он конкретно не в себе.

- Нет, - говорю, и пошел себе дальше.

Утром на следующий день собираюсь на работу, выхожу на лестничную площадку – слышу какой-то шум стоит, кто-то орет ненормальным голосом.

Думаю – что за движуха нездоровая с утра?

Выхожу из лифта на первом этаже – смотрю моего вчерашнего знакомого, ведут санитары вниз по ступенькам, а он издает звуки, похожие на тьяканье собаки.

***

Нафаня, отец Федора находился в состоянии короткой временной завязки:

- Что там у вас налито? Минералка? Минералка... (*демонстративно грустно*): Минералкой сердце не обманешь!

***

На одной из моих читок стихов присутствовал Миша Маленький. Но меня он практически не слушал, а в основном бухал.

В момент перерыва между сэтами стихотворений, Миша громко сказал: «За что мне нравятся твои стихи, так это за то, что они короткие».

***

Миша Маленький решил сделать комплимент Ирине Клоунессе на новогоднем застолье:

«Ирина, я как бог, а ты моя богема».

***

Живший в 14 веке персидский поэт Хафиз Ширази говаривал:

«Из-за своей щедрости я и пребываю в такой бедности».

Как же мне близки эти слова.

***

Костян, друг детства, рос очень инфантильным ребенком, и эта его инфантильность преследует его теперь всю жизнь. И вот почему: его мать, тетя Таня развила в нем синдром отличника, сама того, скорее всего не зная. Ну, чтобы он хорошо учился, старался быть первым во всем, чтобы беспрекословно ее слушался и т.д.

Учился-то он хорошо, но делал все это чисто механически. Итог: кое-как закончил десять классов, доучиваясь в вечерке. Но это было потом.

Вот что я вспоминаю.

Костян делал уроки целыми часами, буквально выписывая каждую букву под неусыпным надзором тети Тани. Мы, бывало, с братом сидели у него дома, и ждали там какие-то десять-пятнадцать минут, пока он доделает домашнее задание, и мы начнем, наконец, во что-нибудь играть. И вот сидит Костик, дописывает, но как-то не складно, что-то у него не выходит на завершающем этапе, тетя Таня, будучи типичной истеричкой, начинает на него орать своим тонким голоском, прямо-таки верещит; мы же с братом едва сдерживаем смех. Она, Таня, его мать, идет на балкон, приносит оттуда топор, ставит его возле стола и говорит:

- Если ты сейчас правильно не напишешь, - я тебе этим топором голову снесу!

У Костика - слезы, мы с братом – смеемся.

Когда Костик провинится, то тетя Таня его закрывала в кладовой или в ванной - он там у нее мог часами сидеть и иногда начинал орать:

- Есть хочу!

Она говорила:

«Сейчас, сейчас, паршивая собачонка...», - и просовывала в зазор между полом и дверью тарелку с гречкой.

На свадьбе своей, кстати, Костик, то ли лаял, то ли мяукал. Брат был там, - рассказывал.

***

Сидели в кафе: я, Миша и Надя. (Время – около девяти вечера). С ними их маленькая дочь, Вероника, 6 лет.

Я предложил пойти после кафе в парк.

Надя, мать Вероники:

- Ей (Веронике) там играть будет не с кем.

Я:

- Ты же знаешь, там всегда полно детей, с ними также гуляют...

Надя:

- Кто гуляет? Такие же родители, как и мы? Такие же алкоголики?..

***

Наверное, любой поэт живет в мире своих страстей и иллюзий, поэтому просить его объяснить, что он думает по тому или иному вопросу, всерьез нельзя.

Вы видели, как поэты общаются между собой? Все время перескакивают с серьезного на несерьезное. С пятого на десятое.

***

Анатолич в злости на курсанта:

«Пять лет расстрела!»

***

Зашел разговор о нашем плохом финансовом положении.

Андрей Л. – мне:

«Мы, Леонид, даже не бедные! Мы – нищие!»

***

«Буржуям нужен комфорт. Искусство им не нужно», - в точку сказали Вайль и Генис в своей книге.

***

Взрослые не могут позволить себя скомпрометировать – для них авторитет важнее правды. Поэтому против детей они выступают единым фронтом.

***

В далекие уже 90-е годы, брат и сотоварищи бегали играть в лесопосадку к строящейся церкви, и какой-то раз, видимо, из хулиганских побуждений стали кидать камни через забор, туда, где строили. Их никто не поймал в тот раз.

Потом, через какое-то время, поймали полоумного Сашу, (парень с психическими отклонениями в развитии) который был гораздо старше всех детей, поймали и прилично отлупили. Узнали мы об этом так: спускаемся с братом по ступенькам с нашего этажа, и навстречу идет нам этот самый Саша, и плачет; размазывает сопли по лицу. Мы спрашиваем, мол, что случилось. Он говорит, что поймали «церквята» и отлупили.

- А ты камни ходил кидать что ли, - спрашиваем?

- Да, - отвечает, ходил, и с этими словами срывает с себя веревочку с крестиком, гнет его, и бросает в форточку между этажей, со словами:

«У меня от этой церкви одни беды!»

***

Часто мне попадалась раньше соседка с нижнего этажа, и такая она любопытная, как и все тетки с нашего подъезда, что все время мне задавала одни и те же вопросы.

Например:

«Ну, что не женился?», - или: «Когда жениться будешь?»

И тому подобные никому не интересные вопросы, кроме как им и интересные, всяким теткам.

И вот едем мы как-то в лифте вместе.

Соседка:

«Ну что не женился»

Я, серьезным голосом:

«Да, женился недавно. На мужчине».

После этого она перестала мне задавать всякие вопросы.

***

Сидим в кафе, летняя веранда, в центре города. Я и актер Гозий Махмудов. Обсуждаем что-то. Подходит алкаш-бродяга, руки все синие от партаков:

«Дайте денег!», - противным хриплым голосом говорит.

Я: «Ты уже подходил ко мне когда-то...»

Он естественно этого не помнит.

Подходит охранник начинает его оттаскивать.

Бродяга – мне напоследок, падая:

- Братан, это все не людская жизнь!

И он прав, обратившись с этими словами именно ко мне.

***

Андрей Ш. – общей нашей знакомой:

- Детка, держись нас, и будешь к тридцати годам неудачником, как мы!

***

Андрей Ш. – ей же:

- Через забор какой-то перелезть не можешь! А как ты будешь от сельмашей убегать?

***

Идем на пляж через мост. Разговариваем, смеемся.

Кто-то говорит:

- Как будем в воду прыгать - не с чего прыгать?

Андрей:

- А вон с «гелика» того черного, что у самой воды стоит?

Я:

- С чего будем прыгать?

- С гелендвагена. Машина такая! – говорит мне Андрей под всеобщий смех. И добавляет: - Леня он ничего не знает. Ему бы только стихи почитать, да водки с пивом выпить.

***

Вася П. рассказывает про свои сексуальные похождения:

- Она мне говорит: «Кончай в меня – я пью таблетки!»

Я ему добавляю: «И кончай ей в рот – она жует жевачки!»

***

Когда человек излагает чужие мысли – то это нельзя назвать творчеством. Если излагает свои – то можно.

***

Когда-то классицизм трансформировался в академизм. Однако академизм не создал ничего гениального, потому что гениальность требует полной свободы действия.

***

Искусство – это и есть философия, выраженная каким-либо образом.

***

В бытовом понимании романтизм, как течение, это и есть идеализм в философском смысле.

***

Главное назначение любого искусства, полагаю, это возбуждать человеческую мысль.

***

Есть суждение, что реализм, как направление даже не является искусством, а лишь ремеслом.

NO SHELTER

Никогда не забуду это высказывание: «Ноу Шелтер». Сейчас не помню, у какой группы так называется песня. Но группа очень уважаема Ваньшей Камоном, моим товарищем, и он мне называл ее, а я забыл, как она именуется. Но не суть. Иван сделал себе татуху на сгибе руки: «No Shelter». По его словам эта фраза наиболее цельно отображает его взгляды. Переводится эта фраза как: «Нет убежища». Он долго думал над тем, какой партак себе набить. Мне понравился этот телесный знак, а главное понравилась идея и смысл. Но речь пойдет не о самой татуировке. Точнее совсем не о ней.

В 1990 году, четырех лет от роду я сильно заболел – меня продуло. Всё это произошло благодаря моему родителю. Он открыл балкон, двери, окна, вот меня и продуло каким-то образом. Сейчас уже и не объяснить, как это все произошло. Несколько дней у меня держалась неслабая температура, и никто не знал в чем дело. Когда сдали анализы, то оказался полный пиздец – у меня «полетели» почки, другими словами – дало осложнение. Меня отправили в больницу. Поставили диагноз, как сейчас помню, написано на первой толстой медицинской карточке: «Интерстициальный нефрит токсико-аллергического генеза». Кошмарно как-то! Конечно, в мои четыре года мне это ни о чем не говорило. Но я понимал, что дело пахнет плохо. Или скорее –

я ничего вообще не понимал. А понял потом. Я когда называю на медосмотрах этот диагноз, врачи на меня смотрят с удивлением, мол, откуда я такое знаю, - столько медицинских фраз в одном предложении.

В детской больнице, на площади Чекистов я оказался осенью. Это были одни из первых в моей жизни жесткие моральные моменты. Детское сознание столкнулось с миром, таким, какой он есть: не больше ни меньше.

Больница вообще любая – место довольно беспонтовое, особенно для такого домашнего ребенка каким был я.

Меня привезли, в приемном покое записали, осмотрели; до этого там пришлось отсидеть очередь, выдали полосатую уродливую пижаму и отвели наверх, на четвертый этаж. Пока я поднимался по лестнице, то обратил внимание на стены – они все были разрисованы сюжетами из мультиков: кот Леопольд, мыши эти чертовы, черепаха, слоны, попугаи. Короче этот сюрреализм вообще отрывал нахер башку. Все это на фоне зеленых и синих стен. Плюс запах тоски и несчастья, который в больницах всегда. А в детских и тем более. Эти персонажи смеялись как бы со стен, - они были настоящими монстрами. Смотреть на них было действительно страшно. Хотя рисовались они, видимо, с другой целью – чтобы поднять настроение детям. Не знаю, как другие дети реагировали, но на меня все это действовало с точностью наоборот.

Советский сюрреализм, русская смерть так и сквозят в нашем бытие с детства. В России так положено, чтобы ты сразу понял, что при рождении там, в глубинах хаоса ты выбрал уровень «хард». А «миддл» и «изиа» взял себе кто-то другой.

И всё – мама уехала, папа уехал. Я остался один. Пришла злая тётя медсестра и посоветовала надеться в пижаму, если я не хочу быть наказанным. Пришлось это все надеть на себя, сняв свои штаны и рубашку. Мою одежду у меня на всякие случаи тут же забрали, как я понял.

Я лег на кровать, стал смотреть в черное окно – на улице уже стемнело. Был я далеко от дома и ото всех впервые. Где я был - я и определить-то не

мог. Сначала я плакал, всё меня тянуло на слезы. Меня успокаивали какие-то девочки и какая-то женщина, которая находилась здесь очевидно со своим ребенком.

Утром, проснувшись, я понял – что положение не изменилось. Мне дали стакан с водой и розовые таблетки - сказали их выпить. Я их стал жевать – горечь была невыносимая, и я принялся выплевывать их в раковину (когда я вспоминаю об этих таблетках, то до сих пор мне становится не по себе, и с тех пор я даже как-то подсознательно, что ли, не люблю розовый цвет). Меня пропалила медсестра и отругала. Я стал плакать. Все остальные таблетки я уже пил под присмотром медсестер или врачей, дабы я не мог их выплюнуть. Там, в коридорчике стояли такие грязноватые умывальники; там же и набирали воду в стаканы, и ею заставляли запивать эти розовые колеса. Кипятить воду тоже никто и не думал. Хотя, я точно помню, что кипяченая вода была, она стояла на столе дежурной медсестры в чайниках, на которых красной краской было написано: «кипяченая». В больницах везде эти тупые инвентарные надписи, как и везде, как и в других советских учреждениях.

Позже, после приема таблеток приказали умыться. Я умылся той же грязноватой водою напополам со слезами.

Потом водили детей в столовую. Я не помню подробностей...

Помню только что на прием хавчика давали чуть ли не десять минут.

Еще в больнице я потерял ориентацию в пространстве: так я перепутал утро и вечер. Поскольку темнело рано, а светало поздно, то это только поспособствовало небольшой «поездке» моей крыши. Смеётесь?

Я ходил по коридору с другими ребятами, которые, надо сказать были старше меня, и не отличались дружелюбием. Так, один меня обещал побить, а другой постоянно меня материл, увидев меня рядом. Тут же играли девочки, мальчики. А Леня бродил между ними как неприкаянный совершенно. Вскоре я оказывался в другом конце коридора, где собирались совсем «старшие» пацаны. Они играли в «монополию», сидели за столом – кидали кубик, и ходили фишками. Кто у кого «покупал» дом, кто выигрывал

машину. Я стал наблюдать за их игрой. Один тип взял меня под свою опеку, посадил к себе на колени, и пообещал всем дать пиздюлей, если кто-то захочет меня тронуть. Эти ребята, собиравшиеся в конце коридора за столиком, тоже лечились «от почек», а некоторые и «от головы», так как рядом было отделение для «психических», и они свободно могли ходить через дверь к «нам», в нефрологию. У них режим был жестче, и за ними следили капитально. Часто ругали и гнали в палаты, где их отчитывали и воспитывали медсестры, уборщицы и врачи-воспитатели. Но надо сказать «наши» дружили с «психами». Иногда конечно конфликтовали. Особенно за игрой.

Так вот о моей потере ориентации во времени.

Я ходил по коридору, а ко мне подошел такой длинный парень, в точно такой же ебанутой пижаме как и я, он сказал:

«Ты Хлямин?» - «Да» - ответил я. - «Там к тебе пришли» - длинный тип махнул рукой в сторону выхода из отделения, где находился другой коридор, столовая, туалет и лестница. Я побежал туда. На стуле, возле лестничного пролета сидел мой отец в куртке и меховой шапке, с сумкой. Он не любит в помещении снимать головные уборы, хотя вроде и не татарин. Сколько его помню, никогда не снимает, пока ему не напомнят.

«Привет, ну как ты тут у меня», - спросил папа.

Я сел рядом, очень захотел начать плакать, но ответил сдавленным голосом так: «Когда вы меня заберете отсюда?» - «Не знаю, - сказал преспокойно папа, - когда выздоровеешь... - опять невозмутимо сказал он» - «А когда я выздоровею?» - «Ну не знаю, когда доктор скажет. Откуда же мы знаем...» Вот так. И всё. В тот момент я должно быть подумал: «Ну ни хуя себе!» Однако я тогда еще не умел так думать. И я спросил: «А ты что с работы?» - «Да, с работы, вот, кстати, тебе пирожки – на покушай» – «Спасибо»

Пирожки оказались с картошкой и зеленым луком, и с морковью (где он их взял, хер его знает; и почему именно пирожки). Я надкусил один, а

потом съел. На тот момент я ничего не ел уже почти больше суток. Но это никого не интересовало. Обход был утром: приходил врач, спрашивал: «Ничего не болит?» - щупал тебя, а потом уходил.

Помню, лечащий врач был один и тот же. Надо отметить неплохой мужик: веселый, мирный и интеллигентный. Я трижды заскакивал в эту ебучую больницу.

- Пап, а пап, а сейчас утро или ночь? – хотел узнать я.

Он на меня посмотрел, недоуменно улыбнулся и сказал: «Сейчас вечер. Семь часов» – «Да? А я думал утро, - вон же светает...», - я посмотрел в окно, там было опять темно, но вроде светлело что-то...

- Ну ты даешь! Перепутал день с ночью! Хэх! Вечер уже! Вечер! Иди-ка, давай в палату, ладно, а я поехал домой, я устал после работы.

Слово: «сентиментальность» и слово: «папа» - это два полярных слова.

Сначала я подумал, что это прикол. И папа шутит. Но он был совершенно серьезен: на улице – вечер. И он сейчас поедет домой, а я останусь здесь. Лечиться. Непонятно от чего, и непонятно зачем.

Я дошел до палаты, лег, и глубоко ушел в себя; сознание мое стало расширяться внутрь, оно всегда расширяется внутрь, когда окружающая действительность не устраивает своими реалиями; я просто пролежал всю ночь. Я понял, что мое психическое состояние уже пошатнулось от этой обстановки, и как следствие анализы ухудшились, и я даже, наверное, по-настоящему почувствовал себя плохо, хотя буквально пару дней назад, когда меня клали в больницу, я недоумевал, и чувствовал себя уж точно нормально.

«Скоро меня надо будет переводить за дверь, в отделение к психам», - наверное, в тот раз думалось мне. Хотя, я, конечно, могу только предположить, как мне тогда могло думаться.

Если бы я знал, что это было только самое начало пути, и я в своей жизни буду так думать еще сотни раз, оказавшись в примерно подобных жизненных ситуациях.

Однако вскоре моя мама наконец-то додумалась на следующий день поговорить с врачом. И тот разрешил меня на ночь забирать. А утром привозить на процедуры. Я обрадовался. А мама обрадовалась, что я обрадовался. Но не тут-то было! Радость всегда сменяется слезами.

Мама меня привозила утром в больницу, а вечером после работы забирала.

Скажите, господа и дамы, вам знакома такая процедура как «микция», если я не ошибаюсь, и правильно произношу это слово? Не знакома? Сейчас объясню. Эта самая микция нужна для того чтобы проверить функцию и работу почек. Тебя раздевают догола, кладут на кушетку, сначала осматривают, отводят в процедурный кабинет, опять кладут, щупают яйца, закатывают крайнюю плоть, в член засовывают какой-то шприц с длинной иглой и трубку, типа как катетер. Ощущение дикое. И вот так ты лежишь.

Меня утром увели на это порно. Помню, заглянул лечащий врач в палату и сказал буднично: «Так, кто тут на микцию?», - в его голосе был слышен скорее позитив. Такой вот неунывающий, любящий свою работу доктор. Он полистал журнал. Почему-то те, кто был постарше меня, притихли и съежились, так как уже что-то знали такое, чего не знал я. Он назвал две-три фамилию. Мою фамилию назвал первой. Я отозвался.

«Пойдем, - сказал врач».

С ним была медсестра, он в коридоре передал меня ей, и через боковую дверь, где обитали «психи» меня отвели в их отделение, потом мы спустились по лестнице вниз и оказались в процедурном кабинете.

Свет от желтого прожектора направлен тебе в лицо, и на нижнюю часть тела. Лежать холодно. Все эти приборы мешают тебе, кажется, что игла достает до мозга и до сердца. Пытаешься приподняться, чтобы посмотреть повнимательнее, что сделали с твоим писюльком, но подходит здоровая женщина и грубо басом говорит: «Лежать спокойно!!» - после чего она удаляется вглубь кабинета, а может, выходит на лестницу, достает из

кармана сигаретину и прикуривает, рассказывая матерный анекдот сотруднику. Не знаю.

Вот так и лежишь очень долго. А может на самом деле и недолго. Просто такое ощущение временное складывается: что долго.

Жалко, что тогда я не знал этого стишка про то, как привязали типа, чтобы тот не онанировал. Так бы я поднял свой дух, наполнился бы мнимым героизмом. Впрочем, стишок я узнаю нескоро, только через двенадцать с половиной лет, мне его расскажет Горыныч, мой товарищ суровых волгоградских буден самого начала нулевых...

Но я лежал, и уже не помню, о чем думал. Из глаз лились слезы, но я на этот раз решил плакать молча, и как можно тише. Решил достойно умереть на этом белом ледящем столе, и вообще стал вести себя так, как много-много веков назад предписывал умный и мудрый самурай Дзёто Ямамото.

Потом все эти инструменты вынимают, и шприц и трубочку, типа катетер. Опять больно. Но уже теперь, потому что из тебя вытаскивают эти орудия. И тебя отпускают. Отводят в отделение, в палату. Но после этого ты писаешь с мощной болью, как будто бы все внутренности выходят с мочой наружу. Так в возрасте четырех лет я впервые налетел на жесткое изнасилование – меня врачи поймали в член.

На этом история моя не заканчивается. Через какое-то время, в 1991 году, тоже осенью, мама решила отдать меня в «санаторий», где бы я мог «подлечиться» спокойно, вернее меня подлечили бы.

Так называемый санаторий оказался просто детсадом-интернатом для брошенных или скажем почти брошенных детей. Естественно там никого не собирались лечить. Санаторий находился на Спартановке, в здании детского садика. Но только туда привозили детей, и, по сути, бросали там. Времена-то были перестроечные, людям жилось на тупнях, вот и привозили детей, и оставляли, кто, где сможет. Иногда навещали. Были и те, кого навещали раз в две недели, или раз в неделю. И дети уже не очень-то ждали родителей.

Мама, поняв, что я слишком домашний ребенок предприняла еще одну попытку сделать так, чтобы я пожил один немного. В санатории я продержался около недели. Опыт, быть одному у меня какой-никакой имелся. Меня снова привезли, записали, и отвели в группу, на второй этаж.

Здесь собрали девочек и мальчиков четырех, пяти и шести лет.

Я не был замкнутым ребенком. Наоборот я был общителен и умственно развит. В детский садик меня вообще рано отдали: года в два-три. Но эту детскую уравниловку я презирал все время. Может, многое не понимал, но видел, и охуевал. Я ненавидел эту уравниловку. Мне было неинтересно со сверстниками – многие из них мне казались дегенератами. Воспитатели были для меня надсмотрщиками, при том условии, что в детстве я никогда не отличался своим хулиганством, - наоборот, про меня всегда говорили, что я тихий и послушный мальчик. И когда у меня появится младший брат, и мы будем расти вместе, то всегда родственники будут повторять моим родителям: «Ну, Егор у вас – задиристый. Прямо, хулиган! А Леня – интеллигент. Профессором будет...»

Так что в детстве, да и в подростковом возрасте, - я был не боец. Я и сейчас – не боец. Другое дело - жизнь заставила взглянуть строже на нее.

В санатории была спальня. Для мальчиков и девочек. А также душ и туалет. Помню, когда меня повели подмываться вечером с какой-то девочкой, которая мне нравилась. Ну, и я, разумеется, ей также нравился. Даже уже тогда я как-то чувствовал, что это неприлично, что мы на глазах воспитательницы стоим в душе оба голые, друг напротив друга и моемся под ее надзором. Что вообще неприлично то, что мы раздетые. А она, воспетка, стоит и говорит, чтобы вымыли здесь, подмыли там. У меня появились какие-то детские чувства, и мне тогда совсем не хотелось видеть эту девочку голой, мне было намного приятнее смотреть на нее, когда она была в платье. А тут мы стоим в душе, улыбаемся и моемся. Друг напротив друга. И надзиратель рядом. Я вот уже и не вспомню, была ли у меня эрекция в этом душе. Скорее даже не было. Мне просто она нравилась, без всяких

обнажений. И все-таки мы с интересом скользили взглядом по нашим с ней гениталиям... А вообще – унизительно все это выглядело – как помывка перед газовой камерой, что ли...

А когда под утро я однажды пошел в туалет, то увидел как на полу, на ковре, в одеялах копошатся две молоденькие воспетки. Это только спустя годы и годы до меня дошло, что они занимались сексом, видимо...

По вечерам мы ходили гулять. Приезжала мама и бабушка, и я просился, чтобы меня забрали отсюда. Один раз я даже побежал к калитке, с целью удрать...

Не удрал.

Бабушка меня любила очень, но делала вид, что держит в строгости.

- Ничего, потерпи... - говорила она, когда мы с ней гуляли по двору.

Бабушка мне привозила печенье, клюкву какую-то, вафли в таких бумажных пачках. Все это разрешалось хранить в общем холодильнике. Частенько все это кто-то съедал.

Интересно то, что потом я ходил в детсад, но уже на Семи Ветрах. Где я также нервничал и плакал, силился убежать домой. И все мои детские игры были разрушительными и справедливыми, в которых «хорошие» всегда давали леща «плохим».

Что касается лежания в больнице, то я окажусь там еще не раз, а именно в 1996 и 1998 годах. Буду проходить обследование.

В 1996 году я буду лежать в палате, где пацаны пытались поддерживать «понятийный» порядок, такой в смысле, каким он им казался на момент их 10 – 14 лет. Постоянно дрались, и выебывались друг на друга. Я продержался. Меня пытались бить. Я начинал нападать сам. Медсестры на это закрывали глаза, ну, мол, малышня балуется.

Там, где обитали «психические», я познакомился с мальчиком, который показывал и хвалился тем, как он ест пойманных тараканов, жуков, моль и бабочек. Он снимал с ноги шлепанец, и бац - бил по таракану. После чего он съедал его. Потом раз! И бил ладонью по стеклу – убивал моль, и тоже съедал. Дело было летом, поэтому живности было навалом. Особенно в больнице. В тумбочках жили тараканы, на подоконниках мелкие черные муравьи. Под кроватями селились пауки, иногда довольно большие и гадкие.

В это же лето я пытался сбежать из больницы. Я сбежал с мальчиком, который лежал со мной в одной палате. Побродив, мы вернулись, правда. Мы не знали куда дальше идти. Мама меня вечером забирала. Ей рассказали медсестры, что я сбегал. Нарушал типа дисциплину. Меня взяли и выписали совсем.

В 1998 году я общался в той же больнице с двумя четырнадцатилетними девками, мне самому было почти двенадцать. Я и еще один парень сидели в палате, и эти девки с нами. Они постоянно кокетничали и заигрывали. Снимали майки, ходили в лифчиках, задирали юбки, и всячески намекали на то, что, не пора ли нам того... К счастью этого сделать было невозможно, так как замков и щеколд на дверях палат не существовало. А потом в двенадцать лет я не был готов, меня и не тянуло на живых женщин, от них плохо пахло от этих девочек. Мне больше нравились тетки со страниц журналов. Журналы хоть пахнут приятно типографией.

А потом я вообще начал записывать что-то и издавать. У свежих журналов, газет и книг, правда, запах хороший.

ПЛИТОЧКА

Я долго думал над символом нашего поколения. Моего, то есть поколения, тех, кто начал жить в спальных районах в начале 90-х. Символа не было. Вернее - как вариант – сразу много символов. Но, ни один с точностью не соответствовал действительности, как мне казалось. Не был прост и содержателен одновременно. И вот символ нашелся сам. Я его подобрал в прямом смысле этого слова. На школьном стадионе. Я поднял с земли «плиточку». Знаете, что это такое? Все наши дома покрыты ими. Вот она, плиточка, и есть символ нашего поколения. Плиточка валялась в пыли. Я поднял ее, и положил в карман своих штанов.

«Молочка» - подумал я, и потер ее пальцем.

В детстве это была стойкая дворовая валюта. Ими обменивались. Они были разными. «Сахарки», «молочки», «кефирки», «шоколадные» или «кофейки». Еще «голубые» и «темные».

Сахарки – самые распространенные. Из сахарок почти все дома вокруг. И мой дом тоже. Особо они не ценились, так как кололись, бились, крошились, трескались... Две, а то и три сахарки обменивались обычно на одну молочку. Ими играли, из-за них дрались.

Играли так: выкапывалась небольшая лунка, ямочка в земле, подручными средствами. Все становилось на определенном расстоянии от этой луночки, и, кидая плитку, пытались попасть в ямку. С какого расстояния кидать решалось всегда по-разному: его, расстояние, можно было

«начеканить» футбольным мячом, к примеру; благо, мяч всегда был у кого-то. Кто сколько начеканил не коснувшись мячом пола зараз – то столько метров и отсчитывали: 5,10, 15... Все кидали по очереди. Кто первый попал в лунку, или чья ближе к лунке плиточка, тот и начинает щелчком зашибать плитки остальных. Промахнулся – очередь следующего. И так далее. Выигрываешь - ссыпашь плитки в карман или в пакет, довольный. Расстояние, с которого бросать, можно было заранее обговорить.

Если приглядеться в плиточку, в сахарку, то можно увидеть, что она состоит из мелких-мелких кристалликов, как сахар...

Все дома вокруг с пустыми местами от отколотых плиточек – это напоминает о моем детстве.

Плиточки – это кровь и плоть домов наших девятиэтажных. И вот на эту кровь и плоть мы играли. Вам не напоминает все это ритуалы каких-нибудь ацтеков? Мне очень напоминает.

ПРО ТОВАРИЩА БАУЛИНА

Пришла бумага о том, что состоятся похороны товарища Баулина, того, что в обкоме Сталинградском много лет проработал. Или даже бумагу потом сделали задним числом, как у нас и все делается в городе. Или просто позвонили, сообщив, что, мол, умер, похоронили; и уже другую бумагу, вторую то есть, опять же, задним числом оформили, пятым или седьмым марта...

Кто был товарищ Баулин?

Известный работник профобразования, почетный член ПТО, как полагается... С наградами за долголетний добросовестный... Ну и так далее... Лауреат премии РСФСР, опять-таки, в чем-то там...

Да уж больше семидесяти ему было. Если не все восемьдесят.

Последние годы свои, правда, говорят, он во дворике на Порт-Саида проработал – в желтой конурке просидел... Ему ее там специально выделили. Ну, там не конура конечно, а строение такое... Вот он там и сидел вместе с собачкой.

Строение одноэтажное. Ну вы знаете... Там еще гаражи такие стоят... Писать туда все ходят...

Его туда перевели насовсем, так как увольнять не могли из обкома, он же почетный волгоградец, там, сталинградец; ему все лично награды давали

– оттуда – сверху... Вот он и сидел там, у сапожников и сторожей квитанции проверял как ответственный человек... Распоряжения ему тот же обком присылал. Или тогда уже не обком, а жилищно-эксплуатационная служба...

Ну а когда его похоронили, то Зинаида Ивановна, его секретарь извечный, все плакалась:

- И все-то его позабыли, и все с него-то сняли: мундир забрали с медалями, продали... Пиджак куда-то пропал... Хороший такой, синенький... Так он и лежал там в гробике наш дорогой товарищ Баулин совсем голенький. И глазенками не мигал.

А эта Зинаида Ивановна, ну, что секретарь, еще по обкому, сама все его вещи куда-то продала спекулянтам, говорят...

Но это мы потом узнали, а она тем временем, все причитала:

- И фуражку его военную куда-то дели!.. Я сбилась искать с ног, а потом узнали, что ее в «Музкомедию» снесли, в реквизиты забрали, мол, сам губернатор велел – в этой фуражке теперича будут военные на сцене играть роли всякие. Вот так.

Но, эта бабуля, Зинаида Ивановна, то есть, опять же, говорят, эту шапку подруге-гардеробщице отнесла. Она там работала в Музкомедии... За деньги, конечно, отнесла... Мол, светлая память ему будет, нашему дорогому товарищу Баулину. Причем – как его звали этого обкомовца, я так и не выяснил. В нашем городе этого не столь обязательно знать. Их столько раньше было!.. И ни в каком не важно знать, как и кого зовут. Фамилии достаточно... Их время ушло. Хотя люди говорят пожилые, были они хорошие, все эти обкомовцы – все вопросы могли порешать. Может и товарищ Баулин был из тех. Не знаю.

Денис Пиджаков

ЖИЗНЬ ОДНОГО ЧЕЛОВЕЙНИКА

1

«Жизнь одного человекейника»

Препоод по философии Устинкин сказал: «Такие как ты, Денис, либо спиваются, либо не доживают до 30-ти». Классный, всё-таки, мужик. Но я в пограничном состоянии: мне почти 30-ть и я почти не спился.

Для всех студенческие времена – это нечто особенное. И для меня – особенное. Как, впрочем, и детсад и школьный период. Всё это напоминает мне о счастливой беззаботной жизни, когда единственной проблемой было – это не спалиться с куревом или бухлом перед родителями. Тогда и Новый год, и День рождения были настоящими праздниками, цветными, что ли. В детстве/юношестве не нужно было платить за коммуналку и работать. И это очень радовало, хоть и была эта радость неосознанная, непонятная. Вот вроде, всё, как всегда, а всё равно радостно! Не было в те времена ответственности за собственную жизнь, ведь это, пожалуй, самая тяжелая

ответственность, самая нежеланная. Но время проходит, фора аннулируется, и тебе вручается эта злоебучая ответственность. Наступает момент, когда все требуют от тебя, чтоб ты кем-то стал: сторожем, грузчиком, проституткой, ментом или бандитом. Но большинство игнорируют требования и идут работать кассирами в «Магнит». Более удачливые в «МакДональдс». И, главное, все как-то по-своему счастливы. И хуй с ними.

Я был распиздяем с самого начала, и если бы не та легкость, с которой мне давалась учеба, я бы, наверное, сторчался или еще чего непонятного натворил. В начальной школе я учился так себе, но в начале 5-го класса спалился с сигаретами. Тогда мама просто-напросто меня наказала. Наказание заключалось в том, что мне нельзя было гулять. А спалился я в самом начале учебного года. Ну вы представляете, какого малому пацану сидеть дома всю теплую осень, снежную зиму и вкуснопахнущую весну дома? Приходилось от безделья хорошо учиться. С того момента я всегда хорошо учился. Я мог управлять своей успеваемостью с легкостью. Так выходило, что мы часто переезжали, и я учился в разных школах, но, в основном, я учился в 92-ой школе на Красном. С сигаами в 5-м классе я спалился в 43-й школе в Дзержинском. Позже 8-й класс я отучился в 57-й в Кировском. А окончил школу я, опять же, 92-ю. Школьные годы были богаты событиями, но описывать все (даже если выбрать самые знаковые и интересные) очень долго, так что, как-нибудь в другой раз. Хотя, хотелось бы отметить, что в те времена я нашел хороших друзей и познакомился с кучей достойных, а также мразотных людей. Были там понторезы и откровенные терпилы, настоящие герои и малодушные клопы, среднестатистические человеческие единицы и люди, чье время еще не пришло, но, я уверен, придет, и они перевернут мир, оставив за собой нестираемый след.

Школьное и студенческое время, свободное от учебы, я старался посвящать саморазвитию, постоянно чем-то занимался. Я и читал рэп, и писал стихи, и танцевал брейк-данс (да кто его тогда не танцевал?!), и учился

играть на гитаре, баяне, и катался на агрессивных роликах, и занимался футболом, боксом, борьбой, и играл в театре и т.д. и т.п.

Пить я начал поздно для своего возраста и тогдашнего времени. Это был конец 1-го курса второго института. (Второй институт – это ВГИИК, институт искусств и культуры, а первый – ВолгГасу – архитектурно-строительный. Там требовали плату за сдачу экзаменов, и я попросту ушел и поступил в другой институт. А в армию меня не забрали, т.к. я в 6 лет пошел в школу и у меня был шанс безболезненно сменить институт). Итак, будучи практически не пьющим человеком, я, как идиот, влюбился в одну даму, которая, как вы понимаете, ответила отказом. Вот я и начал пить, сам того не желая. Даже как-то интуитивно. Тогда я, кажется, по-настоящему страдал. Написал я тогда, правда, целый самосвал стихов и песен, что как-то компенсировало пропитое время.

В те времена я еще обзавелся мечтой собрать дико крутую группу и рубить какой-нибудь танцевальный блатняк. Тогда мы записывали с моим корешем Диманом Грязным альбом нашего рэпчика в рамках группы «Славяне». Альбом называется «Копейка». Хороший, на мой взгляд, получился альбом. Отыграли презентацию, и я занялся своей группой. Называлась она ВЗА «Волжанин» (ВЗА – Вокально-Застольный Ансамбль).

Мне было очень тяжело в самом начале собирать людей, т.к. я не музыкант и играл на гитаре всего аккордов пять, но, тем не менее, у меня получилось. Играли сначала все друзья, у кого был хоть какой-нибудь музыкальный инструмент. Это был Никита Кудрин – мой друг детства с гитарой, его кореш Костян – с синтезатором, и Михалыч – парень, с которым я учился на одном факультете в архитектурно-строительном. Михалыч, на удивление, был талантливым музыкантом и рубил на баяне. Первое время мы собирались у Грязного на кухне, пили дешевую водку и пытались играть песни, которые я приносил. Еще мы в пустую пластиковую полторашку насыпали риса или гречки и это у нас было что-то вроде маракасов. Вот так мы и играли первое время: я пел и брынчал, Михалыч - на баяне, Никитос на

гитаре, Костян на синте и Диман тряс бутылкой с крупой. Когда нашли барабанщика – двинули на репетиционную базу. Смотрели на нас тогда, как на дикарей. Какие-то гопники завалились играть непонятное музло на расстроенных гитарах, вокалист в ноты не попадает, барабанщик не попадает никуда вообще, кроме репетиции, дома и учебы.

Я принялся за поиски духовой секции. Все, у кого я спрашивал за духовиков, пророчили мне провал. Витя, который через год будет играть у нас, лично мне говорил, что ничего не получится. Через год, после того, как он отслужил в армии, он немного охуел, увидев сыгранный состав рыл в 10 с духовой секцией. Он стал играть у нас. Потом было много всего крутого: мы и выступали голые (это еще до Вити), и били баяны с гитарами и устраивали дебоши, и даже были официально запрещены на одном фестивале. Перспективы были огромные, как мне кажется теперь, но настало время кому-то идти в армию, кому-то работать, кому-то еще чего-то, и, таким образом, группу держать не было смысла, т.к. быть, для того чтобы играть раз в 3 месяца в каком-нибудь исхудалом баре – это фуфло. Хотелось в других городах поиграть, замахнуться на всероссийскую известность, но большая часть состава стала не выездной. Но мы еще обязательно дадим просрать.

Наверное, я слишком тщательно занимался своей жизнью, т.к. сейчас я даже не знаю чем себя развлечь, ведь куда не подайся – я все пробовал из того, что мне хотелось бы попробовать. Сейчас я живу как все. Дом, работа, выходные, сон, еда, коммуналка, долги. Я настолько погряз в этой бытовухе, что мне часто хочется спать, хотя спать я никогда не любил. Мне не хочется ничего сочинять и создавать. Но на днях мой дорогой товарищ сообщил мне, что надо себя заставлять, и сегодня я решил себя заставить, так что эта очередная писанина – это не искренняя подача, а так, для того, чтобы прийти в форму, хотя, всё, что написано – это искренне. Порыв – не искренен. Это то, о чем я думаю последнее время. А думаю я о том, что лишь первые 20-ть

лет дороги не так сложны, не настолько наполнены сомнениями, мыслями о будущем и о прошлом. И все мы просто обязаны становиться рок-звёздами, космонавтами, художниками и актерами, а не сторожами, грузчиками, проститутками, менами или бандитами, только потому, что мечты и их исполнение – это праздник, а, как сказал однажды Егор Летав: «Если праздника нет – то эта жизнь нахуй не нужна».

«Города»

Волгоград - столица мира! Так, вроде бы, кричат фанаты на центральном стадионе, где играет футбольная команда "Ротор".

Я очень люблю свой город, несмотря на то, что много катаюсь по стране. Как говорится: "Ты не путешествовал, если не вернулся домой после поездки". Я возвращаюсь. Каждый раз. Я очень люблю свой город.

В 2011 году я ездил с ныне бывшей девушкой в Петербург. На неделю, вроде бы мы ездили. Нормально так скатались. Снимали квартиру в городе Пушкин. Сутки - 800 рублей. Оттуда катались в город, гуляли. Ездили в Петергоф, видели Финский залив. В общем, все как положено. Как у людей. Обычная "семейная" поездка такая.

Но хотел бы я поведать тебе, мой немногочисленный читатель, о другой поездке, совершённой мной в том же году, в тот же город.

Я запланировал поехать на концерт группы "Ленинград". Дата концерта - 11.11.11. Что ж, я, не оскорбляя себя раздумьями, пошел на следующий же день работать на стройку. Чтобы иметь финансовые средства на эту самую поездку, мне пришлось месяц таскать кирпичи, пить со сварщиками дешёвую водку, вставать в 6 утра, для того, чтобы с одного конца города приехать в район стройки, который находился неподалеку от центра и прогуливать пары в институте. Учился я тот месяц примерно так: с утра приезжал на стройку, время обеда выпадало у меня на третью пару. За 10 минут до обеда я отпрашивался у прораба, прыгал в троллейбус, в дороге, в троллейбусе из пластиковых контейнеров ел свой скромный обед. Приезжал на пару, и там отпрашивался также за 10 минут до окончания занятия. Прыгал снова в троллейбус и ехал трудиться. Весь месяц, таким образом, я посещал только третьи пары в институте. Когда получил деньги,

попросил своего товарища, что жил на тот момент в Питере, купить билет на концерт (а то, мало ли, разберут).

Итак, билет куплен. Сижу дома, вливаю в себя пивало перед монитором. До концерта - дней восемь, вроде бы. Неожиданно пишет вдруг какая-то красивая дама, как позже выяснилось, она увидела мой пост в социальной сети в группе концерта "Ленинграда". Содержание поста было о поиске мной попутчиков на концерт. Заобщались. Оказалось, что она из Воронежа. Я без раздумий приглашаю её в гости. На тот момент я жил у бабушки с мамой и дядей в однушке в Кировском районе. Мама работала тогда в Испании, а бабушка поехала к ней. Дядя же мой - угарный чел. Он не стал бы помехой для моих злодеяний. План был таков, что она приезжает ко мне, мы тусим в Граде дня четыре и потом валим на концерт в Петербург. Она, почему-то отказалась от такой идеи, но предложила всё сделать по той же схеме, но с небольшой поправкой. Поправкой являлось предложение приехать мне к ней в Воронеж. Ну, я взял, да поехал. Кстати, подруга тоже была не менее решительной, и отправила бабло на билет также моему товарищу (я предоставил ей реквизиты), воспользовавшись слепым доверием.

Она не ошиблась во мне, кстати.

Билет на автобус Волгоград - Воронеж, кстати, до сих пор у меня хранится в навязанном мне паспорте. Я взял в дорогу три пол-литровых бутылки "Пивовара". После второй выпитой чуть было не обоссался, но вовремя была совершена остановка. Прибытие намечалось на семь утра, и меня должна была встречать та подруга с мини-транспарантом. Автобус приехал на полтора часа раньше, и мне пришлось облупиться кофе, как дураку, и читать маленький по своим габаритам сборник стихов Пушкина.

Дерьмовые стихи, надо заметить.

Подруга пришла чуть раньше семи, что меня несомненно обрадовало. У ней был при себе мини-транспарант с какими-то надписями приветствия, который мы благополучно забыли на автовокзале.

Жила подруга где-то на окраине. По дороге мы зацепили местного пива "Приятель" и пару кило креветок.

Мы зашли к ней домой. Приличная такая двушка. Жила Лиля (она) с мамой, которая была по совместительству неплохой и весёлой женщиной, с который одним вечером мы глушили лимонный "Блэйзер".

Я свершил водные процедуры. Мамы дома не было, и мы принялись за пиво и креветычи. Когда их одолели - поехали в центр.

На следующий день вечером мы купили какой-то аптечки. Не помню точно, как назывались те таблетки. То ли "Баклосан", то ли "Баклофен" (могут быть допущены орфографические ошибки в названиях, так что не подумайте, что я невежественный мудак). В общем, эти колеса больше 10 штук за раз как бы нельзя жрать, - иначе отъедешь. Я съел 12. Сначала 7 или 8. Подождал полчаса - ничего. Ну, я еще 5 штук закинул в себя, прилил сверху "Блэйзера" и лег спать.

Утро не заставило себя долго ждать. Чувствовал я себя так, будто меня лупили всю ночь алюминиевым чайником по всем частям тела, а потом заставили в одну харю строить египетскую пирамиду без техники. Ноги походили на вату. Голова кружилась, и постоянно хотелось блевать. Но блевать было особо нечем, и тогда я взял на себя ответственность блевать желчью. Что тут сказать - кайфанул на славу.

Также мы были на какой-то вписке, откуда возвращались домой к Лиле автостопом по городу. Выглядело это весело, достаточно. Я прятался за придорожный киоск, а Лилия ловила тачку. Едет такой тип молодой, богатый и самодовольный на дорогой машине. У дороги стоит молодая симпатичная девчушка. Конечно, захочется её подобрать, авось, что и перепадет. Он тормозит и тут мой выход!

Аллее-оп!!!

И улыбка сменяется немим негодованием. Доехали нормально, весело. Невесело было только водиле. Ну и хуй с ним.

В день отъезда в Питер, конечно же, мы опаздывали на поезд. Опаздывали, да не опоздали. В поезде накатили вискача. Чудно. Обожаю просто пить в поездах. Ох уж эта плацкартная эстетика.

На одной из станций, ребята, что ехали по соседству - вышли покурить, погулять и не вернулись вовремя; и поезд уехал без них. Остались: дорогое бухло, ноутбук и прочие шмотки. Дальнейшая судьба этих ребят и их материального мира мне неизвестна.

Встречать нас с Лилей должен был Колпак, который успешно об этом забыл. Номер его был недоступен, а я зол. Оставалось денег у меня впритирку на обратный проезд + рублей 500 на бухло и еду. В ближайшем интернет-кафе я зашел в "vk". В «онлайне» Колпака не было, но был номер телефона новый. Перед тем, как позвонить, я подумал:

"Если сейчас не дозвонюсь, то на проездные деньги куплю билет на концерт, а домой поеду автостопом".

Но я дозвонился.

Мы приехали на станцию "Комендантский проспект" вроде, но могу ошибаться. Неважно. Главное, что с Колпаком мы встретились, билеты были куплены, а я уже безмерно доволен. Сделали фотку с билетиками, сгоняли в душ и поехали на станцию метро "Спортивная", где в "Юбилейном" намечался концерт.

Хочу отметить тот факт, что я практически не пил в тот день, т.к. Воронежские кутежи меня дико утомили.

На концерте купил футболку "Ленинграда", которую спустя четыре года я подарю начальнику хостела Вите в том же Петербурге, но это уже совсем другая история. Познакомился там ещё с двумя аборигенами непотребного вида. Одеты были они в футболки команды "Зенит" с коротким рукавом, причем у одного из них, что был худощав и высокого роста, под футболку была надета водолазка, и выглядело это, скажу вам, достаточно нелепо и прибавляло к ситуации весёлой глупости, что меня, вполне

устроивало. На шее у высокого был повязан шарф - "Зеленогорск". Это курортная зона такая по ту сторону Финского залива.

Ну, заобщались мы. Я поведал историю о том, что ради концерта я въезжал на стройке целый месяц и приехал аж из самого Волгограда. Они, конечно же, охуели, т.к. им невдомёк, что заработанные на стройке деньги можно потратить на какое-то путешествие и концерт, а не на ржавую "шестерку" или телефон с камерой. Но, тем не менее, уважения я сорвал немало. Они даже пивом угостили и ходили потом со мной в обнимку и всем трезвонили о моём подвиге. Я был польщён. Люблю внимание, надо признаться.

Шарф "Зеленогорск" высокий абориген мне подарил со словами:

"Я, короче, коллекционирую шарфы, и этот - самый редкий и ценный в моей коллекции, - но я тебе его дарю. А знаешь почему? Потому что ты – красаааавааааа!!"

И всё это было произнесено с акцентом пропитого наглухо бомжа.

Про сам концерт рассказывать особо нечего, т.к. «Ленинград» плохих концертов не даёт. Я был крайне измотан, но концертом наслаждался. Кстати, для любителей попиздеть в стиле: "Это уже не то", могу уверенно ответить, что «Ленинград» - еще «то».

Кстати, с Лилей мы на концерте тусили отдельно, т.к. хорошенько друг дружку подзаебли.

После концерта поехали мы с Лилей к Колпаку просто спать. Утром проснулись, позавтракали и проводили с Колпаком Лилю на поезд до Воронежа. Потом мы немного погуляли по Петербургу. Поезд мой до Волгограда был вечером. Мы шли по Троицкому мосту в сторону Московского вокзала, уже стемнело, и эта темнота делала вид с моста ещё более потрясающим. Красивый город - тут спорить, смысла нет. Тогда я еще учился в институте искусств и культуры, и мне дико хотелось его бросить и остаться в Питере; казался тогда он мне просто раем, который я всё-таки

достал, но ненадолго. Тогда я еще не знал, что, спустя несколько лет, мне придётся там пожить около года.

Города - это такая штука, которая изображает шанс. Шанс исправиться, измениться. Но это всё ебучая фикция. Дело в людях, а не в качестве дорог, количестве достопримечательностей и уровне цен. Если в каком-нибудь засранном селе тебе попадутся достойные люди, ты и все эти коровьи лепешки и их (людей) пронзительный запах пота полюбишь вместе с ними (этими достойными); но вот Бруклинский мост, Родина-мать, Черкизовский рынок или, допустим, Черное море ну никак не сделают из проживающих там пародий на людей (трусливых, меркантильных, лживых, наглых, злых, малодушных) - достойных, честных и храбрых людей. И это факт.

Наконец-то я дописал этот рассказ. Перед тем, как его дописать, я приехал в Краснодар, прожил тут пару недель, выпил около 36 кружек кофе, да и много чего еще произошло. Полчаса назад я выпил 37-ю кружку кофе, написал песню про ППС-ника Андрея, который был пиплхейтером и зачат был в процессе инцеста, а потом вспомнил про недописанный рассказ. Взял и дописал, собственно.

Всем привет.

«Плацкарт»

Я не сказал бы про себя, что я - намеренно против системы. Да и какая, к черту система? Я просто живу. И моё умение закрывать все сессии без троек, пребывая в пьяном угаре, ещё ни о чем не говорит.

Просто жить. Надо просто жить.

После окончания института я стал замечать расстановку приоритетов у своих знакомых, друзей, бывших друзей. Я сразу понял, что мне с ними не по пути. И это не из-за моего вечного желания плыть против течения. Просто я категорически не понимаю желание этих людей материализовать всё доброе, созидательное, честное. Ну, неужели не глупо брать в кредит телефон за двадцать тысяч рублей? Зачем? У меня один вопрос: «Зачем?»

Не посчитайте меня отсталым консерватором, но я предпочту на эти деньги купить либо «сайгу», чтобы отстреливать тех, кто мне не нравится, либо билет в какой-нибудь город, где я не бывал, а может и страну, но точно не паршивый телефон.

А вот это стремление обладать автомобилем? Да это стало просто атрибутом успешного человека. Смешно. И тоже в кредит. Ещё смешнее. Скоро всё будет в кредит.

Даже подвиги...

Кто сейчас совершает подвиги?

Если несколько ранее еще какие-то матери воспитывали в одну маску несколько детей, т.к. отец их немного подзабухал и отъехал от цирроза, либо просто бросил, то сейчас и детей рожать не модно. Дети вам не «аир максы» или «нью бэлансы». Не котируются.

И всё это поколение ипотечников в подвернутых штанах и «нью бэлансах» мне должно импонировать? Они при встрече хвастаются, как

изменяют своим мерзким, вечно недовольным жёнам. Рассказывают интимные подробности вплоть до каждой детали: кто как всунул и высунул и т.д. Меня коробит от таких разговоров.

Те, кто отслужил, пытаются вбить в меня мысль о том, что мне это тоже необходимо. Чертовы троечники, они меня уже одолели. Долг они отдали Родине какой-то метафизической. Они так думают. Долг они отдали путину, прапору и ещё каким-нибудь мерзким хищникам. Как терпилы отдали и теперь хотят, чтобы я тоже был таким, как они.

Им неуютно со мной.

Я же не праздную девятое мая, я не разделяю их мнения об армии. Я много, чьё мнение не разделяю. Мне вот, например, не нравится Достоевский. Его опопсили и обоссали всякие модники. Я против того, чтобы невежественные уёбаны пользовались той же информацией, что и я.

Пушай дальше жрут с лопат.

Я против равенства.

Ницше об этом писал так:

"Равенство - это несправедливость по отношению к великим". - Я не считаю себя великим, но равенства не признаю.

Окружающим необходимо, чтобы ты кем-то был, но быть ты должен таким, чтобы не выходить за рамки их стереотипов. Тогда тебя на ура примут. Может даже пивом угостят.

А ты тем временем, вопреки всем, едешь куда-нибудь в неизвестность в плацкартном вагоне. Или сидишь на берегу моря с бутылкой... И тебе они все не нужны. Но ты им всем зачем-то нужен. Нужен, для того, чтобы сломать, превратить в такого же малодушного скота, у которого на уме только деньги, власть, ебля и отсутствие Идеи.

Важно находиться всегда в поиске. В поиске настоящего. Настоящих друзей, настоящей любви. Не бояться рисковать. Бояться нужно уйти незамеченным. Потоптаться и сдохнуть. Вот чего нужно бояться.

Я показал проводнице билет и паспорт. Зашел в вагон и занял своё место. Поезд тронулся. Я открыл пол-литровую бутылку виски «вайт хорс», выпил её из горла, ничем не запивая и не закусывая, примерно за час. Внутри потеплело. Я достал плеер, включил что-то из "Многоточия" и наслаждался своим пьяным состоянием.

Купил у проводницы ржд лотерею за сто рублей, чтобы можно было выходить курить. Выкурил сигарету "LM" в пространстве меж вагонов. Вспомнил свои многочисленные поездки на поездах. Они все были прекрасными. И эта - не исключение.

«Время»

Всегда с чего-то нужно начинать рассказ. Вот лежит передо мной блокнотик, а там довольно увесистый список дурацких историй, в которые я умудрялся попадать. Истории эти и весёлые и грустные одновременно. Почему весёлые, вы узнаете, прочитав их, а грустные, потому что жизнь жадно пожирает твои минуты и часы, плавно перетекающие в дни, затем в недели и т.д., и эти истории были, т.е. уже в прошлом, а я становлюсь старше, старее.

Мысли о старости и смерти последнее время начали меня всё-таки посещать. Не знаю, с чем это связано. Возможно, с аритмией, которую мне подарили перманентные пьянки и спорт, а, может быть, с самореализацией. Самореализация, это же такая штука: для кого-то она - это ипотека и кредит на айфон (как итог - получение во владение недвижимость и заветный девайс), для кого-то под Гуфаря спайсухой долбиться по подъездам; я, вот, стишки дурацкие пишу, музыку какую-то делаю, «едэм дас зайн», короче.

Так вышло, что на свадьбе моего очень хорошего друга (я там был свидетелем) я познакомился с фотографом. Фотограф оказался женского пола. У нас закрутилось через недельку, и мы, недолго думая, стали жить вместе. Я устроился работать сторожем за пять тысяч. Чудо, а не работа. Ха-ха-ха! Девушка-фотограф сдавала 2 квартиры в Красноармейском районе, и на вырученные деньги снимала нам квартиру в районе Тулака. На мою зарплату мы жили. Да. На пять тысяч. И хватало, скажу вам честно. Жили мы там около года. Крутое было время. Соседей то ли не было вовсе, то ли они были глухонемыми, т.к. мы устраивали там такие мощные кутежи, что вся округа слышала.

На новоселье мы позвали друзей. Это было рождество. Пили мы много в тот день. В числе приглашенных были Михалыч и Витян - они играли в моей группе "ВЗА Волжанин", и, по совместительству, были моими корешами. Витян был трубачом и приехал после какой-то там репетиции что ли; уже и не вспомнить, но был он с инструментом.

Ну мы хорошенько поддали и пошли курить на балкон, Витя вышел с трубой и давай играть, а труба, знаете ли, громкий очень инструмент. Время за полночь. Витя играет марш "Прощание славянки". Круто. Витя крутой трубач. Витя крутой алкаш. Он берёт последнюю ноту, и мы слышим бурные овации из еще светящихся электрическими лампами окон, находящихся в соседнем доме. Там, видимо, тоже пили. Ну а как же? Праздник всё-таки. Иисус родился - надо жирануть.

Сторожем я работал тогда по графику: сутки-двое. Собственно, и кутежи были по тому же графику, только наоборот. Сутки отдыхаем (когда я на работе), двое - кутим. Романтика. Иногда я ночью нагло съезывался с объекта и ехал к друзьям пить, а под утро приезжал сдавать смену. Сменщик мой был 50-летним мусором в отставке. Он пил самый дешевый портвейн в полторашках и не морщился. Наверное, потому что называл эту жидкость вином. Да я и сам с ним пил иногда. Однажды он напился и стал вести себя, как известный герой Сергея Пахомова из фильма "Зелёный слоник". Показывал, как правильно отжиматься, рассказывал про всякую хуйню, гнобил начальство, матерился; а когда приехал директор на джипе, то его нигилизм куда-то пропал и он, пьяный в жопу, с утра пораньше, послушно побежал открывать ворота, и, когда их отворял, повис на них в процессе отворения. Я тогда заржал в голос. Веселый мужик. Но безнадежный. Из его глаз прямо-таки сыпалась эта безнадежность, она торчала из карманов, из кошелька. Даже обед и ужин, который он себе приносил, пахли безнадежностью. Настоящий русский дух - безнадежность. Кстати, работал он двое-сутки. Т.е. я работал примерно десять суток в месяц, а он - двадцать!

На выходных (одни сутки) он просто готовил еду себе на работу. Охуенная жизнь. Безднадёга.

Однажды мы с Михалычем напились на пивзаводе и приперли домой огромного деревянного оленя. Он стоял в каком-то дворе поблизости. Двор был благоустроен. К пням были прибиты старые металлические тазы, разукрашенные под мухоморы, разрезанные покрышки вроде выглядели, как лебеди и один олень стоял, сбитый из круглых брусков. В виде веток были рога. Когда несли его, они постоянно, то в глаза попадали, то еще куда-нибудь. Моя девушка была в шоке, конечно же. Ну, в принципе, на это все и было рассчитано. Ха-ха-ха! Я поставил оленя в зале, потом мы быстро поругались из-за чего-то с фотографом, и мы с Михалычем благополучно удалились, прихватив с собой гитару и баян (свой инструмент Михалыч хранил у меня). Удалились мы до первой мусорки. Там на баке висело огромное пальто. Я его надел, и мы поехали на автовокзал, т.к. нам срочно захотелось поехать в Михайловку. Зачем? Не знаю. Просто захотелось.

На вокзале, конечно же нас тормознули троечники в милицейской форме. Мне, конечно нравится, когда меня иногда узнают на улице и говорят что-то в стиле:

"Крутые стихи, крутая музыка, классно сыграли тогда и т.д.", - но в этот раз было немного по-другому. - Меня и Михалыча узнали по другому эпизоду.

Мы, конечно же, просто охуели.

Итак, мусора нас узнают и говорят:

«Это же вы голову Ленина украли!»

Мы отвечаем: «Ну, было такое...»

Теперь меня иногда и мусора узнают. А чего добились вы?..

Они поохуевали, записали данные и отпустили нас в Михайловку.

Когда приехали в Михайловку, мы всем прохожим говорили, что у нас будет концерт на "Крокодиле". "Крокодил" - это каменный аналог настоящего крокодила на берегу какого-то пруда местного. "Крокодил" был

очень большим. Вечером туда пришло человек 15-20, и мы с Михалычем отыграли концерт. Было весело.

Когда я гудел с друзьями и не оставался на вписках или на лавках, то обязательно тащил домой какую-либо дрянь с улицы. Это могли быть рекламные щиты, абажуры с мусорок, пиджаки с мусорок, грифы от гитар и прочее. Однажды я хотел привести домой бомжа (выглядел он просто ужасно, чем меня и привлек), но Михалыч меня отговорил. А я бы привел. Если бы привел, пришлось бы писать про эту историю целую книгу, а не выделять данный случай одним абзацем. Ну, чего уж там, у меня все впереди.

Как-то раз я принес домой с закрытого уже рынка школьный стул. Когда я ругался со своей девушкой, я выкидывал его с балкона. Этаж был восьмой. А утром приносил обратно. Да и когда не ругался, тоже выбрасывал стул. Это эффектно. Люблю эффектность.

Мы частенько с друзьями пили на кухне в этой квартире на Тулака, играли музыку, да и обсуждали всякую хуйню, и, конечно же, дико угарали.

Это был один из таких ничем не примечательных вечеров. Бухло наше исыякло, а выпить еще хотелось.

"Пошли у соседей займем" - предлагает Михалыч. - "Пошли" - невозмутимо соглашаюсь я.

Кто жил в квартире напротив - я не знал. Стучимся. В глазке мелькнула тень.

Из-за двери старуший дрожащий голос: «Кто там?»

Отвечаем, что, мол, соседи, и срочно нужно три сотки, - вопрос жизни и смерти.

Раза три-четыре она повторила свой гениальный вопрос "кто там"; мы три-четыре раза ей отвечали посредством крика, т.к. эта старая пизда совсем уже, видимо, была оглохшая. Так дверь нам и не открыли.

На следующий день эта бабка позвонила нам в дверной звонок и попросила поменять лампочку на площадке, когда я ей открыл. Я вышел и поменял.

В магазине "Ман", что находился недалеко, мы покупали бухлецо и перлись ко мне на восьмой этаж.

Приехал Витян, Егор-кольщик и кто-то еще.

Купили мы тогда достаточно много алкоголя: водку, ром, очень много пива (литров пятнадцать, если память мне не изменяет). Допёрли пакеты домой ко мне. Пили. Просто пили. Снова пили. Я играл какие-то свои новые вещи на гитаре. Гитара, когда я не играл на ней, стояла в малюсеньком просвете меж шкафом и стеной. Витя на неё упал своей жопой и сломал ей гриф. Казалось, это было невозможным - попасть в такой маленький просвет, где аккурат умещалась гитара, жопой. Но Витя смог. Что ж, у меня больше нет гитары. Поступило предложение от меня же самого разбить гитару об мусоропровод. Всё, конечно же, сопровождалось видеосъемкой. Видеосъемкой на чей-то телефон. Вроде как моей подруги-фотографа.

Ну, пошли!

Выходим: я с инвалидной гитарой, пьяный Витя со стаканом, Егор-кольщик, и моя девушка-фотограф с айфоном, что ли (не разбираюсь в этом будущем).

Бью гитару с предельной громкостью о мусоропровод, все угораем и смываемся. На обратном пути я отрываю с "корнями" щиток, где находятся счетчики (как потом выяснилось, - у соседей дня два света вообще не было после этого инцидента). Потом все мы еще сильнее понапились, - подрались я и Егор; и легли спать.

Кстати, спустя пару месяцев, Егор отрицал своё присутствие на том кутеже, но когда мы смотрели видео с телефона моего фотографа женского пола, то увидели, как из квартиры, перед финальным разрушением гитары, выходят: сначала я, потом Витя со стаканом, потом пауза и пустота, и, спустя

секунд десять, спиной вперёд выходит Егор лунной походкой (как самый настоящий Волгоградский Майкл Джексон). Причём это видео впервые мы смотрели именно тогда, когда сам Егор ставил под сомнение своё присутствие на той тусе. Но, увидев видео, он засмеялся. Засмеялся искренне. Громко так, по-настоящему. Потом мы все засмеялись. Люблю искренний смех.

Это было чудное время. Хотя когда оно, это время, не было чудным? Время даёт нам шанс полностью насладиться съемными халупами и крутыми пентхаусами, «Александровским» вином и «Блю лэйблом», страшными шлюхами и прекрасными Валькириями, автостопом и авиа-перелетами в бизнес-классе, клеем в пакете и кокаином, заблудшими, грязными и пьяными бомжами и прилизанными маменькиными бизнесменами. Мы всегда стремились насладиться всем, что есть, что окружает. Всё интересно. Всё интересно хотя бы из-за того, что всё конечно. И нас безумно заводит именно тот факт, что все мы когда-нибудь умрём. И мы обязательно должны попробовать переехать из съемной халупы в крутой пентхаус. Запивая «Александровское» - «Блю лэйблом», поваляться в огромной кровати со старой шлюхой и прекрасной Валькирией, а потом доехать автостопом до аэропорта и полететь бизнес-классом с прилизанными маменькиными бизнесменами в Волгоград к заблудшим, грязным и пьяным бомжам для того, чтобы в теплотрассе всем вместе пыхать клей и нюхать кокаин.

«Голова Ленина»

Пришли мы в бар «ГлавПивТрест» уже здорово поддатые. Я и Михалыч. Михалыч и я. Единый пьющий организм, как нас иногда называли.

В баре проходил какой-то концерт, но не ради него мы пришли.

«Ради чего?» – сложный вопрос.

Мы часто его задаём себе, а после начинает происходить тотальный Пиздос Иванович, - как говорил перкуссионист группы «Ленинград» - Севыч.

В барах мы пили крайне редко, и то, за чужой счёт, т.к. мы были студентами и нихуя не работали, - а у родителей брать деньги не могли по двум причинам. Первая – это почти полное отсутствие этих злосчастных бумажек и монеток у наших семей. Второй причиной являлось крайне редкое посещение нами дома. Как оно происходит – я сейчас расскажу.

Понедельник. Берёшь рюкзак, кладёшь туда какую-нибудь тёплую верхнюю одежду (если тёплое время года), пару пар носков, зубную щётку, пару книжек, тетрадь с ручкой. Всё. Ты готов! Мама даёт тебе рублей сто, и ты возвращаешься лишь в воскресенье, в лучшем случае – в субботу. Даже не просите смету расходов этих ста рублей за неделю. Вы охуете.

В этот раз у нас было на пару пива. Взяли пива. Пьём, угораем. До этого выпили по полторах «Зимбуры». «Зимбура» - это фундаментальный напиток. Так друг Михалыча с пыгой «Немец», называл низкокачественный алкоголь, а мы, тем временем, называли Немца – «Фашиком».

В данном случае «Зимбура» - это портвейн, восемнадцать градусов, в полуторалитровой пластиковой бутылке причудливой формы, похожей на гриб от ядерного взрыва.

Когда мы допили свои порции, нас кто-то стал угощать водкой.

«Эти ебучие знакомые, желающие напоить – всюду. Никуда от них не деться. Демоны!» - подумал я, причём был доволен своей мыслью.

И тут нас снова и опять потянуло на дебош, приключения и прочую дичь.

Михалыч доебался, как всегда, до каких-то мужиков, и каждого, по очереди заборол в армрестлинг; я не терял времени и подсел к каким-то подругам за столик, но они мне были не рады, т.к. я уже говорил и передвигался неотчётливо.

Нас настойчиво попросили покинуть помещение по причине нашего асоциального поведения. Тогда Михалыч обиделся, сгрёб всю посуду стоявшую на столике (две пепельницы, штук шесть стопок, куча стаканов) себе в рюкзак, но один стакан оставил на столе.

Я спрашиваю:

«И зачем ты один стакан оставил?»

В ответ он молча достал хуй и нассал в стакан. Полный стакан ссак.

Потом мы вышли из бара.

Михалыч любит ссать в ёмкости. Не всегда удобные для этого, и уж тем более не предназначенные для оправления нужды.

Однажды мы поехали на день рождения к подруге моей девушки. Кристиной, её вроде бы звали. Я, в ночь перед этим чудным праздником, ночевал у подруги. Конечно же, со мной был Михалыч, и, конечно же, мы пили до утра, и напились как следует.

Утром, с дичайшего бодуна, я звоню Ире (моей девушке на тот момент) и спрашиваю:

«Можно Михалыча на день рождения взять?»

Последовал отрицательный ответ, только что нам кабанам, отрицательный ответ?!

Мы сели в маршрутку на Жилухе и поехали себе с пивком в Красноармейский район, что находится на южной окраине Волгограда.

День рождения отмечалось на турбазе. Была зима. Через пару дней после крещения вроде...

Вышли на остановке, встретились с Ирой, ждём, когда нас ребята заберут на газели, куда загружены - бухло, еда, люди и прочая провизия.

Стоим на остановке, вроде выходной день. Народ движется мощным потоком.

Михалыч говорит: «Хочу ссать».

Я говорю, не глядя на него:

«Только не вздумай здесь прямо ссать. Не вздумай!!» - Не успел я договорить, как он уже подошёл к маленькому мусорному бачку на той же остановке, где мы стояли, и пытается вынуть хуй из своих штанов. Бачок такой, знаете, на горизонтальной вертушке, и если по его нижней части ударить ногой, то он сделает «солнышко» и будет «бинго».

Итак, достаёт он хуй, и так, невозмутимо начинает ссать плотным таким напором. Рядом сидят люди, стоят люди, - ждут своего автобуса или ещё чего-то; мимо проходит большое количество людей. Все, естественно в ахуе от такой наглости. А Михалыч стоит, ссыт себе и даже не улыбается. Он ссал всерьёз, не ради угара. Просто не оборудовали остановки биотуалетами. Вот куда ему ссать? А если какой-нибудь ветеран захочет ссать? Что ему, в штаны что ли? Михалыч хотя бы в мусорку. Моча, в какой-то степени, относится к мусору.

Газель подъехала, мы загрузились. Конечно, никто не ожидал прибавления в составе, даже сама именинница. Но как-то всё это само по себе устаканилось. Едем, пьём, знакомимся. Приехали, расположились и т.д.

Не буду утомлять тебя, читатель, всеми этими бытовыми подробностями, ибо в хуй они не вперлись никому, кроме старых, вонючих бабок.

Михалыч опять напивается в гавно и идёт купаться к водоканалу.

«А как же, крещение же было, а он так и не искупался! Грешки то смыть надо!» – говорю я наблюдающим гостям, провожая с горочки взглядом моего баяниста.

В итоге, он упал на прибрежный лёд и смог только помочить ноги и поцарапать об лёд тело, и, наконец-то ушёл спать.

Дальше мы просто пили, ели, общались – ничего особенного.

Контингент, конечно, говно. Дураки и дуры, упорно это отрицающие. Ну да ладно. Мне то что, пью, да ем. Да с Михалычем угораю. Он, кстати, проснулся, за час умудрился опять нажраться и накуриться, и опять лёг спать.

Вечером Михалыч снова на ногах. Мы пошли прогуляться по турбазе. Нашли бассейн, в нём была вырезана прорубь в виде креста (ну типа православно, модно, молодёжно). Когда вернулись в дом, заметили бильярдный стол.

«Ну че, страдалец? Сыграем?» - вопрошаю я у Михалыча.

Он только - за.

Спрашивает:

«На что играть будем?»

Тут я вспоминаю про прорубь в бассейне в виде креста, и, улыбаясь, говорю:

«Ну, кто проиграет, тот бомбочкой в этот крест прыгает!»

Так и решили. Играли в русский бильярд.

Всё бы ничего, но киев не было, и по битку мы лупили ладонями. Все скучали, бухали, несли какую-то чушь гоповскую. Нам было неинтересно с ними. У нас своя движуха. У нас битва за то, чтобы не прыгать в прорубь в виде креста бомбочкой, потому что нет киев и на улице где-то минус двадцать (если бы было несколько киев и на улице «плюс», то мы бы играли на что-нибудь другое, но киев не было, и «плюса» не было). Нам обоим

хотелось одновременно и выиграть и проиграть. Проигрываю я. Беру полотенце, выходим и топаем до бассейна. Спор, так спор.

«Раз прыгать в минус двадцать в прорубь, вырубленную в виде креста, тогда уж голым», - подумал я, разделся до трусов, встал на бортик и сиганул.

Ушёл с головой под воду, потом быстро выскочил на снег и укутался в полотенце. Опынение мгновенно сошло. Жаль. Чувствую покалывание по всему телу и приятную дрожь. Надеваю трусы. Так и пошли обратно в домик. Все, конечно охуели, после того, как узнали, как мы играли и на что. Посчитали нас ебанутыми. Может они и правы, но нам похуй.

Наступила глубокая ночь. Мне, Ире и Михалычу досталась отдельная комната. И тут моему баянисту приспичило и ссать и срать. Он сорвал плафон с лампы, и я, кое-как отговорил его срать в плафон, т.к. чувствовал, что это уже перебор. Михалыч меня послушал, но, тут же захотел нассать в чайник.

«Ну в чайник нормально. Ссы, хуй с тобой», - говорю ему.

Ну он и нассал.

Со спокойными душами мы впали в сон.

Проснулись с утра, пошли сразу дожаривать шашлыки и допивать оставшееся пойло. Девочкам захотелось чайку. С утреца-то! Выходит одна из баб, и так, невозмутимо громко спрашивает:

«Кто нассал в чайник?»

Я стою, сдерживаю смех. Сам чуть не нассал, но не в чайник, а в штаны. Вот потеха! Она таким тоном еще спросила, будто речь идёт не о ссаках в чайнике, а о цене на мандарины. Бабы-то, сперва вскипятили эту мочу. Она вспенилась. Подумали, что газировку, может, кто залил. Потом понюхали и охуели. В итоге всё свалили на Дамира – татарина, который, когда напивается, лупит свою бабу, а потом нихуя не помнит. Вот на его проблемы с памятью и сослались, обвинив его в уринозлодеяниях.

Вот такие небольшие истории про Михалыча, гавно и ссаки.

Итак! Вернёмся обратно к бару «ГлавПивТрест».

В общем, выходим мы с полным рюкзаком посуды, закуриваем. Смотрим, возле входа в бар стоит на постаменте бюст Ленина. Мне было тяжело пьяному стоять без опоры, и я облокотился на Володьку Ильича.

Оказалось, бюст не прикреплён абсолютно никак к постаменту. Глаза наши с Михалычем одновременно сверкнули так, что можно было бы осветить центральный стадион. Решили мы забрать его с собой. Кстати, как только мы вышли, то сразу встретили двух знакомых, один из них предложил поехать к нему в гости прибухнуть. Мы охотно согласились, и как раз минутой позже я облокотился на Ленина.

Бюст был полым внутри, и Михалыч с лёгкостью закинул его себе на спину. Размеры Ильича были примерно метр тридцать (сорок) в высоту и около метра в ширину. Почему понёс именно Михалыч? Потому что он гораздо крупнее меня. Почти центнер хронического подросткового алкоголизма, который на голову выше меня. Знакомые наши пошли обособленно от нас. Испугались, наверное, или, попросту, охуели. Но их предложение о вписке осталось в силе, и мы об этом помнили, и в итоге учли.

Идём мы на остановку «Современник». Спокойно так. Я, Ленин и Михалыч. Хорошая компания.

Я потащил Михалыча в метротрам. Да, в Волгограде трамваи ездят под землей. И что тут такого? Тому, что мужики в жопу друг друга долбят, почему-то никто уже не удивляется, а тут всего лишь трамвай, который едет под землей.

Михалыч хотел на маршрутку, а я хотел в метротрам, т.к. знал, что там пикет мусоров, и знал, что мы на них попадём. Мне хотелось угореть ещё жёстче! Так, всё блять, и вышло. Заходим. Нас сразу тормозят мусора. Видели бы вы их глаза. Глаза бывших троечников. Заводят в своё помещение.

Нормальный вопрос: «Откуда голову взяли?»

Михалыч, не теряя ни секунды, отвечает:

«Друг подарил»

Невозмутимо так, будто так принято в Волгограде, - друзьям «государственные» памятники раздаривать.

Мусор задаёт следующий вопрос:

«Какой друг?» - Михалыч называет имя и фамилию тогдашнего арт-директора бара: «Стас Редкозубов».

Мусор продолжает: «Звони ему».

Михалыч: «Телефон сел».

Ну, мусора забивают хуй, вызывают мусоров из центрального отдела.

Нас тем временем начинают шмонать. На стол посыпалась барная посуда из рюкзака Михалыча, из моего – большой шкуроръемный нож. На посуду не обратили никакого внимания, а вот до ножа доебались, но я, даже будучи очень пьяным, быстро всё объяснил и они отстали. Я разбираюсь немного в оружии.

Приезжает УАЗик. И что вы думаете? Бюст туда просто-напросто не по-ме-ща-ет-ся! Служители закона в недоумении. Вызывают машину побольше. Не помню, как называется. Туда уже как-то кое-как помещается всё же этот ебучий бюст. Нам становится скучно. Много возни. Хотим уже в отдел скорее приехать. Приезжаем. Высаживаемся. Михалыч заходит в здание. Мусора из ночной смены сразу взбодрились, когда увидели огромную голову Ленина.

Ну, все дела, нас заводят.

Легонько так допрашивают, как бы нехотя. И, не поверите, отпускают!

Ещё сказали:

«И железку эту с собой нахуй заберите».

Ну, мы забрали с собой бедного Ильича, вышли из здания и выбросили бюст прямо на территории центрального РОВД, поймали стопом тачку и доехали до знакомых на вписку.

Перед подъездом висел огромный баннер с рекламой какой-то вшивой парикмахерской. Я его срезал своим шкуросьемным ножом. После этого его можно называть: «баннеросьемным» ножом.

Поднялись на нужный этаж пешком с этим баннером, нам открыли дверь. Мы вручили баннер в подарок хозяину квартиры, потом высыпали барную посуду – в хозяйстве всё пригодится! Рассказали про приключения с Лениным, подпили, и легли спать.

На следующий день я работал на сутках. Сторожем. Сижу на работе, читаю книжку. Звонок.

Михалыч: «Здарова! Как дела?» - проговаривает он заготовку. - «Нормально. На работе сижу, читаю. Сам как?» - отвечаю я. - «Мне Стас Редкозубов звонил» - нервно кидает мой баянист в трубку.

Я уже понял, что что-то не так. Немного занервничал.

«Че говорит», - спрашиваю я.

Михалыч отвечает: «Ну че-че... Звонит и орёт в трубку: «Нахуя вы голову Ленина спиздили!!» - Я отвечаю, что ничего не пиздили. - Он говорит: «Че ты пиздишь, - камеры всё зафиксировали, - завтра шеф поедет заяву подавать по поводу кражи».

Я подохуел, конечно. Оставшиеся рабочие сутки только об этом и думал.

На следующий день встретились с Михалычем. Поехали в РОВД за Лениным, т.к. условие было такое: мы возвращаем на место Ленина и расход по-мирному. Заходим в здание РОВД. Подходим к окошку дежурного. Конечно же, там был уже другой дежурный, не тот, при котором нас привезли с бюстом.

Михалыч задаёт с ходу вопрос дежурному: «Вы голову Ленина не видели?»

Сказать то, что мусор дежурный удивился и у него ус отклеился от этого – значит, ничего не сказать.

Мусор спрашивает: «Вы что, наркоманы что ли?» - Мы отвечаем, чуть ли не хором: «Нас позавчера приняли с огромной головой Ленина. Мы её выкинули на территории вашего прекрасного заведения. Нам необходимо её вернуть!»

Дежурный сказал, что была не его смена; что что-то типа:

«А не пойти ли вам на хуй с такими приколами».

Я позвонил одному своему знакомому из органов, накидал ситуэйшн. Он пробил всё. Посоветовал нам пообщаться с шефом бара, который в течение часа должен был приехать в РОВД. Ну, типа пойти на мировую. Коньяка ему, может, купить. Мы стали ждать. Дождались. Я начал общаться. Он - ни в какую. Мы ещё одеты, как прожжённая окраинная гопота - в «адидасе» оба. Шеф нас взглядом окинул и категорически отказался искать компромисс, мотивировав это так:

«Вы за всё ответите по всей строгости закона» - Тоже мне, блядь, судья Дредд хуев.

Нас закрывают. Не в СИЗО, конечно, а там, в здании.

Допрашивают налегке.

Я звоню постоянно своему знакомому из органов, советуюсь, - он меня курирует.

Следак пошутил, намереваясь напугать: «Там уже митинг собирает госпожа N (назвал имя представителя партии КПРФ в Волгограде) - пиздец вам».

Мы не испугались, а наоборот обрадовались. Скрывать не буду, мы были тщеславны. Возможно, даже справедливо. Спустя 5-6 часов нас отпустили. Сказали, что перезвонят после новогодних праздников (ах да, «кража» произошла 29 декабря 2012 года). Не перезвонили. И, насколько мне известно, шеф бара то ли в итоге сам за свой счёт перевозил обратно Володьку, то ли ему штраф вписали какой-то за Ильича, что-то в этом роде. Короче, он был наказан за своё малодушие.

Волновались мы за этот инцидент ещё месяц где-то. Михалыч подпрёт еще свою подругу одну к этой движухе. Её дед – заслуженный следователь России. В отставке. Он, вроде бы, тоже что-то подшаманил. Спустя месяц мы уже перестали нервничать. Впереди ждали новые дебоши и приключения.

На том месте, где стоял бюст Ленина теперь вывеска нового бара: "Black Dog».

«Устиныч-Фест»

В этот день я встал необычно рано для себя.

Нам всё-таки дали возможность выступить на областном фестивале рок-музыки «Устиныч-Фест 2012». Нам – это группе «ВЗА Волжанин» (ВЗА – Вокально-Застольный Ансамбль). Группу придумал эту я. Прошло через этот музыкальный дебош достаточно большое количество музыкантов: и гитаристы, и губные гармонисты, и барабанщики, и пианисты, и прочий полуспившийся контингент, умеющий играть хоть на каком-нибудь инструменте. На тот момент в группе насчитывалось около десяти, что ли, человек; уже и не вспомнить, если честно. Я играл на гитаре и имитировал пение посредством своего хриплого ора. За ударными сидел Карамбос (он же - Уха, Паспарту, Шваброид). Это был парень двухметрового роста, который частенько нас подпаивал, и потом мы вписывались к нему в студенческую общагу Волгоградского архитектурно-строительного универа по просроченному пропуску моего кореша Михалыча. Михалыч – удивительный персонаж. С ним связан один из самых, пожалуй, веселых и распиздяйских периодов моей жизни, но об этом позже. Он виртуозно играл на баяне. Бухал он не менее виртуозно. На басу играл Ваня. Взрослый парень. Почти состоявшийся. Играл неплохо, попивали с ним иногда, но он знал меру и не дизелил особо. На вокале была Дашка – прикольная симпатичная девчонка, скрипачка; но пела очень хорошо и не была ханжой, что для меня было важно, т.к. группа у нас распиздяйская, с уклоном в алкоголизм и дебош, - но она держалась твердо.

Пианист тогда с нами не поехал (кто тогда играл на клавишах, ей-богу не помню).

Должен был дебютировать у нас один тромбонист – шестидесятилетний дед-алкаш, которого я, будучи пьяным, пригласил в группу, когда он подрабатывал на улице (в простонародье – аскал). Мы с ним один раз даже пенсию его пропили после репетиции.

Итак, не поехал он из-за того, что за неделю до феста мы изрядно поддали после репы и он, выходя из троллейбуса, упал своим старым пропитым ебальничком на асфальт, расхерачил губы и играть не мог, а для духовика губы, - сами знаете (или не знаете) – как для гитариста пальцы.

Двое оставшихся духовиков поехали.

Ваня Тромб – как вы догадались, играл на тромбоне; и Дима Дудка – угадайте, на чем играл?! Не правильно! На трубе! Ничего примечательного в них не было, помимо того, что они играли на духовых инструментах, а в Волгограде духовиков, - как у цыганки своих зубов. Приходилось терпеть их занудство ради её величества Музыки. Вроде всех перечислил. Кого забыл – извиняйте. Времени прошло достаточно.

Ночевал я у скрипачки перед поездкой на фестиваль. Но! Она просто играет в группе, и мы спали в разных комнатах!

Карамбос жил в то время у себя на родине в области, и подкатил он с отцом на тачке уже к месту проведения мероприятия. Я, Дашка, Михалыч и Ваня, который басист, поехали на его тачке.

Ехать нужно было километров триста, не меньше. Духовики как-то сами добирались, и даже добрались. Мы с Михалычем уже с утраца намешали портвейна с пивом и были в своём, на то время, привычном состоянии – пьяными и довольными.

По пути на первой же заправке я вышел поблевать. Блевал я яичницей, которой завтракал у Дашки.

Стою, блюю и думаю:

«Вот, блядь, и начался фестиваль».

Доехали. Выходим из тачки. Народу уже тьма. Выходим, значит, и все пьются.

«Конечно», - подумал я, - «Михалыч уже пьяный, как сторож. Я не отстаю, да и еще одет в разноцветные штаны от женской пижамы, в футболку «Sex Pistols», а на голове копаная немецкая каска Вермахта, - в довесок еще и с двумя сквозными дырками от пуль. Как тут не пялиться».

Какое-то количество народа нас узнало, т.к. месяц назад, т.е. в июне, мы с Михалычем играли абсолютно голые на фестивале «Рок-берлога». Но об этом позже.

Вышли мы, показали себя. Ясно было уже всем, что мы что-то устроим. Кое-как поставили палатку, и пили, пили, пили.

Подошла наша очередь играть. Сыграли нормально, в принципе. Но Михалыч налупись синевы до такой степени, что постоянно меня перебивал в микрофон, приглашал к себе на день рождения всех присутствующих, нёс ещё какую-то хуету, но играл все равно хорошо, что меня всегда, безусловно, радовало в нём. Ещё его бриджи джинсовые порвались в районе паха, а трусы он потерял, когда купался в озере; и когда он играл на сцене, то время от времени его колбаса вываливалась в дырку его недоштанов, и ему приходилось периодически заправлять колбасу обратно, впрочем, не сильно его это и волновало. Под конец нашего музыкального дебоша я расхуячил гитару в щепки и, казалось, публике это больше понравилось, чем наши забойные песни.

Когда уже стемнело, попрощавшийся со здравым рассудком, Михалыч получил по ебалу, о чём я узнал и бегал с кастетом в руке и свирепыми глазами по всей площади проведения мероприятия (а это было что-то вроде огромной опушки в лесу) в поисках того засранца, кто осмелился совершить покушение на моего баяниста. Никого я не нашел. А пока искал, Михалычу кто-то подарил трусы. Один из организаторов, по-моему.

Потом позвали какие-то мужики, задали пару банальных вопросов, типа: «А голос не срываешь? А зачем такие штаны? А выпить хочешь?»

Не проигнорировал я только последний вопрос, и мы накатили самогона и закусили, по традиции, плавленым сырком. Ещё позже я поехал с ними в какую-то деревню за добавкой. Приезжаем. Выходим. Стою я, курю в своих штанах от женской пижамы, никого не трогаю, а гопота деревенская, что сидела там во дворе на лавке, так и сверлит меня красными огоньками своих глаз. Посмотрели мы друг на друга минут десять, потом вернулся мужичок с полторахой сэма и мы поехали обратно. Ехать, благо, было не долго – минут пятнадцать. Потом я пил с разными людьми, уже и не помню их всех. Если вспомнить всех, с кем я пил и собрать их вместе, то можно заселить средний такой городок.

Утро. Очнулся в палатке. Как, конечно же не помню. Бодун был приятный. Вот что значит – наебениваться в лесу, на природе! Благодать! Ээээх! Выхожу из палатки и наблюдаю картину: Михалыч снова пьяный в жопу, да и ещё варит манагу с какими-то панками. Она у них подгорела и забалдеть у них не получилось. Если ты, читатель, старый наркоман, то должен знать: когда подгорает манага – долбать не будет! В общем, мы опять нажрались, как свиньи и благополучно легли спать. Проснулись часов в 5 вечера. Ваня подготавливал свою тачку к отъезду.

И туууут наш выход!

Иван задаёт нормальный для такой ситуации вопрос:

«Ну что, пацаны, едем?»

Мы подумали с Михалычем секунд 30-ть и решили поехать, но не в Волгоград, обратно, а в казачью станицу Етеревка (мы её называли Тетеревка). Там жили наши друзья, и они готовы были нас принять. Иван и ребята сели в машину и поехали в Волгоград, а мы с Михалычем, его драными бриджами и моими пижамными штанами пошли на трассу для того, чтобы поймать тачку, т.к. денег у нас категорически не было. Поехали

автостопом. Стою, держу на вытянутой руке поднятый большой палец вверх (так автостопщики ловят своё будущее средство передвижения). Тормозит на разьебаной в хлам копейке дед. Объясняем ситуацию, он охотно нас берёт. Едем, трещим. Нормальный дед. Советский такой. Не люблю совков, но дед нормальный, хотя бы потому, что нас подобрал. Довозит нас до поворота на Етеревку. Благодарим, выходим. Смотрим на дорогу до станицы – тьма нереальная. Идти навскидку около часа.

«Хуле делать – пошли» - говорю я Михалычу. И мы пошли. Выбора у нас нет. Уже стемнело. Ночевать в степи – хуёвая затея. Я много где ночевал, но в степи – это слишком.

Прошли мы минут пятнадцать в кромешной тьме и бах! Тачка поворачивает с трассы на Тетеревку.

«Ну», - думаю, - «ща заарканим его».

Голосую, тачка тормозится, прыгаем, объясняем чего и куда. Водитель оказывается молодым пареньком, который еще и брат или сват одного из наших друзей из Тетеревки.

«Вот так подфартило» - говорю я Михалычу. Михалыч уже отошел к тому времени от синьки, да и я тоже. Мы хотели оба шендарахнуть хоть какого-нибудь гаденького пойла.

Приезжаем в центр станицы. Центр в деревнях – это обычно то место, где автобусная остановка и магазин. Остановки не было, а магазина было аж два. Там скопление народа. Молодёжь гуляет.

«Сейчас и мы загуляем», - бросает уверенно Михалыч.

Я молча соглашаюсь улыбкой.

Тут видим: Федос и Путин идут с мужичком каким-то. Федос и Путин – наши друзья, а мужичок с огромными казачьими усами – это отец Федоса. Дядь Кольдос. Так мы его называли потом. Он хвастался своими усами даже. А нам сказали, что он не сбривал усы свои эти огромные около 25 лет. Мы были шокированы этим, но не долго. Мы не любили с Михалычем чрезмерного бахвальства и в шутку, когда уже дядь Кольдос ушел, -

грозились ему сбрить эти усы, когда он уснёт. Все смеялись. Громко смеялись и искренне. Ведь самая смешная шутка та, которая вряд ли найдёт отражение в реальности, т.к. если всё-таки каким-нибудь образом и найдёт, то это будет перебор и будет грустно, а не смешно, что-то вроде чёрного юмора, но не совсем.

Собралась огромная гурьба деревенской молодёжи. Кто-то припёр гитару, и мы с Михалычем играли наши шлягеры и не только. Там вроде никто не умел играть, и для тех аборигенов, человек, играющий на музыкальном инструменте - лучик света в этом безжалостном мире лжи, бедности и алкоголизма.

Пойло текло рекой.

Кто-то все время приносил то водку, то пиво, то еще что-то спиртное, когда заканчивалась предыдущая партия. Потом подошёл один прикольный дед. Звали его: дядя Вова-Конопля. Он ходил в ковбойской шляпе и умел играть на спичках и петь под этот спичечный аккомпанемент. Крутой мужик.

Время подходило к двум часам ночи. Народ потихоньку расходился. Мы собрались гулять по станице. На улице ночь, темнота. Прекрасно. Вэри гуд, я бы даже сказал, если бы учил когда-нибудь английский. Свежий воздух.

Мы идём пьяные, курим дешёвые сигареты, типа «Альянс» или «Дукат», несём около литра самогона и ещё какое-то пойло, типа пива «Жигулёвское» в крупном калибре 2.5 л. И мы счастливы. Скорее всего, ненадолго, но счастливы. По-настоящему. У нас нет кучи денег, нет брендовой одежды, дорогих автомобилей и отцов, но мы всё равно рады гадюке-жизни, потому что мы живые. Мы дерёмся, бухаем, любим баб, дружим, пишем дурацкие стихи, нахуй никому не нужные лишь потому, что мы живые, мы настоящие, не испорченные ещё, хотя многим предстоит испортиться.

Итак, идём, говорим о всякой ерунде, пьём из 2.5-литровой тары пивло и передаём друг другу, чтобы каждый смог насладиться выдохшейся

спиртной газировкой. Нас пятеро: я, Михалыч, Федос, Путин и парень с кликухой Царь. И тут то ли Михалыч, то ли я вспоминаем об усах дядь Кольдоса и начинаем ржать, как укушенные. Все подхватывают. Мы выпили плотно, на самом деле, и были, как следует нарядные.

Я не знаю, существует ли телепатия, но все уже прекрасно понимали, куда мы направляемся. Как вы уже догадались, мы подошли к дому дядь Кольдоса, стоим, курим, ржём. Как я понял, экстренную стрижку усов отца Федоса никто всерьёз не воспринял, но только не мы с Михалычем.

Стучим в дверь, сразу же заходим. Так принято в России у нас – стучаться, и, не дожидаясь ответа, заходить. Славная русская традиция. Дядь Кольдос просыпается в недоумении, но мы сразу приятно его удивляем, доставая самовольно стопки из его посудного шкафчика, который маленькие муравьи уже присмотрели, как жильё на лето, осень, а может и на зиму. Царь достаёт из пакета пластиковую полуторалитровую бутылку, которая на две трети наполнена самогоном и мягенько так: оп! – разливает по стопочкам.

На шестерых стопок не хватило, и шестой дозьяк сэма упал в железную эмалированную кружку. Во вторую кружечку наливали запивон, то ли пиво, то ли воду, то ли минералку газированную. Чокаемся. Выпиваем. Дядь Кольдос пил из стопки. Он выпил и потянулся за запивоном в кружечке, но не тут-то было! Кружки он перепутал и запил самогон самогоном с малюсенькими такими муравьями (кружки по пьяни забыли помыть). Ну что ж. Побежал Дядь Кольдос полоскаться в огород. Естественно, мы смеялись минут десять без остановки.

Приговариваем мы литр.

«Пора», - подмигиваю я Михалычу.

Парни смекнули, что сейчас будет шоу и смеялись немым смехом, будто поперхнулись.

Вызвался держать Дядь Кольдоса без уговоров и лишних споров его сын Федос, что делало всю ситуацию ещё смешнее и дурнее. Федос, со

словами: «Бать, извини», - кинулся на своего отца, заборол его, и они рухнули на диван.

Получилось так, что Федос лежал спиной на кровати, а сверху, с заломленными руками, туловищем на Федосе лежал дядь Кольдос. Голова его лежала послушно на груди сына. Сын всё-таки. Олрайт! Дело наполовину сделано.

Как-то очень быстро отыскалась бритва и веничек для нанесения пены для бритья, и я вступил в бой. Дядь Кольдос сопротивлялся, брыкался, пытался кусаться (казак всё-таки, они просто так не сдаются), но Тёма буркнул на него, мол, будет дёргаться, порежемся ещё все. Я, лёгким движением руки, наношу пенку на двадцатипятилетние усы, и начинаю брить. Наверное, я и взаправду творческий человек, т.к. мгновенно у меня родилась идея сделать стильную стрижку: я сделал щетку из усов, как у Гитлера, но только не под носом, а много правее. Получилось круто. Теперь у меня есть и опыт парикмахера! Всё грамотно сделал, даже не порезал. Дядь Кольдос даже просил нормально побрить, когда уже смирился со своей участью.

Забавный момент был ещё, когда весь этот беспредел развивался.

Значит так, Федос держит, я начинаю брить, а дядь Кольдос недоволен так, с ноткой угрозы всё приговаривал:

«Ну Тёмка, ну Тёмка! Ну и получишь ты у меня!»

А я просто брил. Я знаю своё дело. На стройке – носи, в магазине – продавай, в баре – пей, решил брить усы – брей.

Стрижка окончена.

Все довольны, вроде бы. Федос отпускает отца. Тот мигом открывает какой-то деревянный люк в полу, типа погреба и Федос виновато орёт:

«Бля, забыл! У отца же граната боевая в погребе!»

Было видно, что это не шутка. Хорошо, что мы были кривые от пойла, иначе потекло бы по штанинам. А у меня разноцветные, яркие, красивые. Жалко пачкать говном.

Думали мы секунд десять, а потом кенийские бегуны перешли на спортивную ходьбу, если б увидели, как мы бежали! Бежали минут пять-шесть без остановки на полной скорости. Гранату дядь Кольдос не стал взрывать.

Ну и хорошо. Гляди, пригодится.

На следующее утро дядь Кольдоса видели полностью побритого. (Зря я старался с усами так).

Пробыли мы в Тетеревке ещё сутки. Совершили традиционную посиделку с баней, шашлыком и алкоголем, потом выспались, и нас отвез Путин на жутко дребезжащем мотоцикле на остановку; дал денег на проезд.

Мы дождались маршрутку. Зашли, заплатили, заняли свои места. Тронулись.

Ощущалась приятная усталость. Я думал о разном. Я всегда много думаю. Это не идёт мне на пользу. От этого я много пью. Но всё же эта поездка была живой, настоящей, доброй. Я думал о том, что хочу стать суперзвездой и выебать этот мир раком, а сам ехал в разноцветных женских пижамных штанах с дикого похмелья, обгорелый, без единой копейки в кармане со своим другом Михалычем, что выглядел не лучше, чем я.

У кого-то полно бабла, и он может взять, да поехать в какой-нибудь Париж или Лондон. Пожить в отеле, пройти ад скучных экскурсий для галочки, наполнить безделье фальшивой пользой, типа отдохнуть.

У меня нет денег. У моей семьи нет денег. Нет, в этом не виноват Путин или Стас Михайлов. Просто так вышло. Я не езжу в Лондон. Я езжу автостопом в Михайловку, что в Волгоградской области, и для меня это путешествие. Я занимаюсь всем тем, чем можно заниматься, будучи почти нищим. И меня это радует. Мне это искренне нравится. Я не хожу на концерты Лепса. Я играю свою музыку и хожу к себе на концерты в роли музыканта. Какие-то люди ходят ко мне на концерты. В основном, друзья.

Круто.

В маршрутке на сиденье напротив, ехала девчонка с гитарой. Михалыч поприветствовал её, попросил спеть. Она спела что-то из русского рока, потом мы спели по очереди. Она пригласила в гости на портвейн. Усы дядь Кольдоса забылись. Я тем временем отослал смс маме о том, что не приду и сегодня.

«Спиздить...»

Люблю что-нибудь спиздить. В прямом и переносном. Еще по школе все ломились в только что открывшийся «Ман», на Metallургов, чтобы закупить сладостей и жрать их на уроках. Мы ходили воровать. Ну как, не «мы», а они, я тогда был начинающим и на первой движухе спалился, и меня приняли. Меня и моего одноклассника Дениса Пчелинцева. Он был мажором.

В то время, когда мне давали 10 рублей на пирожок – ему давали 200 рублей на пирожок. Подрезал я тогда «Эклипс» - бестолковые мятные пластинки. Мы, конечно, могли их и купить, но азарт и адреналин ничем не купишь. Нас, 8-летних дилетантов сразу же спалили. И давай нас водить в комнату-подсобку, и давай на нас смотреть и журить. Тогда всё обошлось. Мы просто отдали бабло (точнее, Пчелинцев отдал, т.к. я тогда был нищим до августа 2015-го года) за то, что купили и спиздили, и ушли с пустыми руками. Я не знаю, кто это делает. Я не знаю, как так получается, что всё мне сходит с рук. Я бы описал множество моментов, после которых, по идее, я должен уже отбывать своё пожизненное, но не могу, и волею судеб, так сказать... я здесь и пишу эту хуёвую прозу. Действительно, хуёвую. Стихи немножко лучше получается писать. Особенно, когда где-то полгода не пишешь ничего, - потом как ебанет гейзером. Иногда так пишешь 2-3 стишка подряд, и потом думаешь: «Бля, великие, наверное, писали по своему великому стиху раз в 3 месяца».

Сначала я так думал, а сейчас болтом по шляпе великим. Всем, кроме Высоцкого. Вот мужик был, а?! Охуенный. А все эти «Достоевские» и прочая еда червей заебала. Но разговор не об этом.

Ещё я люблю пиздить идеи. Ну, не то, что бы спиздить. Просто бывает, слушаешь какую-нибудь песню или смотришь фильм какой, и возникает мысль о том, что ты также чувствуешь, что тоже самое хотел сказать, но

(сука, блять!!!) это кто-то сделал уже за тебя. И не находишь себе места потом. Главное для мужика – это успех. В чём угодно. Мужик может быть охуенным слесарем, бизнесменом, заправщиком, алкашом, ёбарем и т.д. Всем ниша найдётся. До сих пор не понимаю, нахуя я начал писать? Ну зачем? Ну почитает это дерьмо сотня человек, в самом лучшем случае. Что мне-то? Денег мне не платят за это. Автографы не просят (хотя, для моего самолюбия, это было бы очень ценно). Все подряд красивые бляди в постель не ложатся ко мне. Так зачем? Да просто так, ёб вашу мать! Вы хоть знаете, что такое «просто так»? Так Пиджак вам сейчас всё расскажет. Просто так – это когда приходит знакомый и просит пожрать. Приходит ко мне, потому что все его «друзья» кинули. У них резко появились свои дела, и они не смогли помочь. Я его кормлю. Даю курицу замороженную и сотку рублей. У меня была тогда одна замороженная курица и две сотни рублей. И я не займы дал. Просто так. Так надо. Каждый из нас может попасть в говно по уши. Я это очень хорошо понимал. Этот товарищ меня здорово кидал до этого момента. И потом кидал тоже, кстати. Не знаю, зачем помогал. Просто так. Так надо.

Однажды я не мог попасть в хату. Снимали мы её с Агафоном. Я приехал с репетиции, а он спал в умате, и я не мог зайти. Была зима. Холодная. Я сидел на ступеньках лестницы и звонил всем, у кого был хотя бы теоретический варик вписаться. У многих нашлись отговорки, а кто-то просто трубку не взял. Андрюха Прусов, до этого хваставшись, как он таскает к себе домой баб, чуть ли не каждые выходные, сказал, что не вариант, родители дома и т.д. Ему уже 28 или 29 лет.

Потом я звоню тому самому товарищу, которого кормил курицей. У него трёшка на Красном. И он меня не выручил, т.к. его баба была против. Дааа уж...

Если Вам некуда деть 2 свободные комнаты, то я иду к Вам! Я займу один всё пространство! От коридора и сортира, до кухни и комнат. Пидорас.

Через несколько лет мы поедem с ним в Питер, и там он себя проявит нехуёво. Короче, у меня кончаются деньги на телефоне и тепло в теле, т.к. я ехал на репетицию и обратно на такси, то оделся легко. Я кидаю бичку Кирюхе. Кирилл – хороший парень, но без своего мнения, трусливый. Ему тоже, 27 или 28 было вроде. Он перезванивает. Я объясняю ситуэйшен. Он вызывает мне сам такси, оплачивает его и потом набухивает меня пивом, потом кормит у себя дома, а на утро даёт еще сотку на проезд! На бабло он никогда не вёлся. Мозгов мало у него. Думать не любит, хотя работает сам на себя. Ремонт компьютеров. И вот он чинит свои компьютеры, да пробухивает всё. Живёт с дедом. Кстати, про деда. У деда Кирюхи есть приколы: постоянно, при каких-либо кипишах (даже самых мелочных), он (дед) всегда грозит вызвать милицию (хуле, совок).

Дед иногда работал сторожем на стоянке. В одну из тех ночей, когда дед работал, Кирюха привёл тёлку домой. Ну, они поддали алко и кинулись друг на друга. Время незаметно пролетело, приблизившись к утру. В это время дед возвращается с работы. Итак, в тот момент, когда у нашей парочки всё хэппи энд, в замочной скважине появляется ключ сами понимаете кого. Наши герои, конечно же, этого не слышали. В общем, дед открывает входную дверь, а тёлка идёт абсолютно голая по коридору в душ, и тут дед как заорёт:

«Кирилл! Что за хуйня?! Я ща ментов вызову!»

Кирилл тоже меня кинул несколько раз, как и почти все меня.

Я тоже кидал. А что, думаете, я безгрешен? Но кидал я только в школе. Не в старших классах. Когда, например, мой кореш детства Олег пришел ко мне пешком (километров 5-6) для того, чтоб погулять, я предложил ему пойти играть в футбол. И пошёл. Но один. В тот момент, когда Олег подошёл к домофону, подбежали туда же мои дворовые друзья: Матрос, Ваня и Крюк. Ожидалась игра двор на двор. А мы были великолепной четверкой в футболе на несколько кварталов. У Вани был чудовищной силы удар (сравнивали с Роберто Карлосом), Матрос мог бить точно в цель, как Бекхэм, а Крюк

просто забивал голы. И не халявные голы. Он «обводил» оппонента и честно, даже жёстко, забивал свой гол. Он умел это делать. А я и вратарем был сначала, и нападающим позже.

Однажды случилась забавная такая история.

Мама меня запалила с сигами в классе 7-м, что ли, и наказала. Две недели мне нельзя было гулять. Только школа и дом. А в футбол хотелось играть очень сильно. Дома у меня был сдутый на 75-ть процентов кожаный советский такой мяч. Вот я и стал каждый день после школы задрачиваться с этим мячом. Научился куче финтов, которые раньше можно было увидеть только в видосах в интернете. Забавно было, когда с соседних дворов приходили пацаны, смотреть на то, как вживую эти финты делаются.

Итак, вернемся к Олегу. Звонили в домофон они все вместе уже: Олег, Матрос, Ваня и Крюк. Когда я вышел, мне растолковали положуху по поводу игры двор на двор, и я согласился. Вмешался Олег:

«Ну мы же договаривались погулять?!»

Я ответил ему, что, мол, пошли, поиграем вместе в футбол, и всё будет круто, на что он развернулся и запиздел обратно домой.

И, что, мой немногочисленный читатель? Кто прав, кто виноват? Наверное, я не прав был, что поступил не так, как договаривались, или прав, потому что пошел играть за свой двор тогда, когда я был там действительно нужен. Предательство ли это? Решайте сами. Моё дело написать правду, а дальше вы уже сами.

Группу ВЗА «Волжанин» я собрал тоже исключительно из духовно-клептоманических соображений. Так уж вышло, что «Ленинград» выручал меня своей музыкой во многих негативных моментах моей жизни, и я должен был отдать дань, так сказать. Дань была в форме создания группы. Идея может, и была спизженная, но музыку делали сами и все песни написаны мной, и они были честными и уникальными.

Когда читали рэп – тоже косили много под кого: «Многоточие», «Красное Дерево», «Грот», «25/17», «6-ой отряд» и т.д. Но и там песни

писались от души и по-настоящему. Писали о том, что действительно волновало, о том, что знали и видели сами. Я переживал по поводу того, что на кого-то мы похожи, но Кузьмитчъ из «Многоточия» сказал мне, что это закон жанра, - так или иначе, все как-то похоже.

И так, за что бы я ни брался, везде пытался быть похожим на кого-то. Футбол – Роналдинью. Бокс – Рой Джонс. Тайский бокс – Рамон Деккерс. Карты - Эд Марло; и т.д. Наверное, только в прозе и поэзии я никуда не гнался, а просто писал для потехи. А с прозой по-дурацки вышло. Я давно еще хотел описать все наши с Бухалычем угары, но руки не доходили, как говорится; и, когда я в Питере был, Лёня Хлямин мне кинул почитать свои «Короткие истории». Читиво охуенное, без хуёв! Свежий стиль, дерзкая подача, и просто - правда. Всё, как я люблю. И, прочитав «Короткие истории», я вспомнил про свою задумку и начал пробовать писать. Сначала всё кидал смотреть Хлямину. Он давал краткую рецензию, а я, в свою очередь, что-то там исправлял и продолжал писать. Потом я понял, что только мне понятно, как это всё должно выглядеть, и я, без спроса у кого-либо начал ебашить. Чуть меньше года, наверное, я уже писатель, нахуй!

Так что, писательство – это самое настоящее из всего того, что я делал и делаю. Придумывать мне просто лень, поэтому я описываю в коротких рассказах какие-то смешные случаи из жизни, моменты грусти и печали, а также угарные дурацкие истории, в которые я умудрялся попадать. И если Вы, мой немногочисленный читатель, сейчас это внимаете, значит, мне удалось спиздить ваше время. Ох уж эта духовная kleптомания.

«Если хочешь поработать...»

В моей жизни сразу всё пошло как-то не так после...

Работать я ненавижу с первого раза, как мне пришлось это попробовать. Не в счёт помощь друзьям и родне, а также подработки на один-два дня в стиле «шкаф перетащить».

Тогда это был 2005-й год. Или 2006-й. Не помню. Тогда я загорелся идеей купить себе агрессивные ролики, чтобы мочить на них невероятные трюки. Что такое агрессивные ролики – загуглите, а то я заебался всё расшифровывать. Интернет сейчас у всех есть.

Пошел работать я в организацию, как-то связанную с биржей труда. Курьером. Работал месяц. График 5/2, как положено. Сказать, какая зарплата? Точно?! Полторы. Тысячи. Рублей. За месяц. Полторы тысячи рублей. Вот так. Задача была в том, что нужно было бегать буквально через дорогу. Относить документы в какую-то организацию (название не помню). Несколько раз ездил в Районо. Даже проезд оплачивали, хотя у меня был школьный проездной. Ролики тогда я, кстати, купил и катаюсь до сих пор.

Это один из немногих моих рабочих периодов, когда я работал для чего-то, зарабатывал на что-то конкретное. В основном я работал, потому что мама говаривала: «Иди, работай. Надо работать».

Вот я и шёл, чтоб мозги не ебали.

За месяц до открытия центрального пляжа набирались «сотрудники» для его восстановления и подготовки к сезону. Позвонил (с подачи мамы, естественно). Сказали, куда подъезжать. Куда-то на ул. Гагарина, что ли. Приехал, мне всё объяснили, и с понедельника я вышел трудиться.

Пришли утром в понедельник на работу человек 12, если память мне не изменяет. Из всего состава человек 5-6 были откровенные малолетки; один взрослый мужик, которого, видимо, сократили с завода или ещё что-то в

таком духе; дед в возрасте, в котором работать, кроме как сторожем, уже неприлично, и мы – молодёжь, включая Вадима, который был всех нас старше на 2-3 года, но это не являлось помехой для нашего отличного общения. Вадим занимался пирсингом и дзюдо, был помешан на тачках и не прочь курнуть, бухнуть или сожрать чего одурманивающего.

Хозяином пляжа города-героя на Волге был откровенный кавказец, скорее даже турок с именем Вадим, который говорил абсолютно без акцента. Его, так сказать, заместителем был его же сын – редкостная мразь худощавого телосложения с комплексом власти, который по своей внешности был абсолютно славянином и, к тому же, блондином. Как он оказался сыном турка – неизвестно. Может, усыновил. Первое время приходилось таскать огромные камни к подножию холма (или даже обрыва), от которого до воды и располагался пляж. Булыжники были везде: у воды, посреди пляжа, в конце пляжа, в самой воде. Помимо ебучих камней, было много посторонних вещей и мусора, которые мы собирали в одну кучу, а потом грузили в самосвал, который всё это добро куда-то отвозил, может даже и на свалку. Мужик, которого, по моему мнению, сократили с завода, ушел в первый или второй день. Его заебал заместитель. Дед, что работал с нами – Николай – был очень интересным человеком. Работал он на пляже сезон 5-й подряд, что ли. Он постоянно собирал бутылки. Поговаривали, что на вырученные от бутылок деньги Николай купил себе отечественный автомобиль. Наверное, подержанный. Еще у него родился ребенок в то самое лето. Вот тебе и дед!

После камней и мусора нам пришлось ставить по периметру забор из металлических стоек, а потом их красить. Раствор, что заливали в ямы для стоек, делался из цемента, воды (песка или земли) и тех самых камней, которые мы на первом этапе таскали к подножию. Когда стойки были готовы, на них натягивалась рабица и фиксировалась пластиковыми хомутами. Сын начальника добрался со своими дешевыми доебами и до нас. Переходя на откровенно грубый язык, будучи старше нас почти настолько

же, насколько был старше Вадим, он (сын начальника) нас окончательно разозлил. Я тогда подошёл к нему и тихо сказал:

«Понимаешь, здесь, в пределах пляжа, ты начальник, но там, за забором, разговор может закончиться тем, что я тебе вот этими граблями (у меня на тот момент в руках были грабли) уебу по твоему горбу».

Не дожидаясь никакого ответа от него, я развернулся и пошёл работать. Больше он нас не доебывал.

Забавная история произошла еще тогда, когда мы с Вадимом решили вьебать «Гликодина». Это такой детский сироп от кашля, и если выпить пузырек залпом, то будет, как следует долбить.

Идти нужно было за драгоценной покупкой, конечно, в аптеку. А для этого нужно было съездать с работы на полчаса. А этому всё способствовало, т.к. Вадим со своим сыном уехали заказывать какую-то хуйню для пляжа, и ближайший час их не предвиделось.

Проебаться хотелось всем, и мы, в рабочей грязной одежде, в составе около 6-7 человек двинули на 7-ю Гвардейскую. Идти минут 15-20 с ЦПКиО.

Когда вся эта шантрапа в виде нас подошла к аптеке, рядом тормознула мусорская тачка. Видимо, они подумали, что мы наркоманы-беспорядочники, т.к. стали осматривать наши вены на предплечьях.

Тем не менее, когда А.С.А.В. уехали, мы купили сироп.

Когда пляж открылся, мы продолжали там работать. Утром распределялись обязанности – кто, что будет делать. Кому-то доставались водные аттракционы. Из аттракционов были надувные горки, вроде, и что-то еще. Нужно было брать деньги за пользование горкой и следить за тем, чтобы никто бесплатно не катался. Проеб плюс леваки. Был прокат шезлонгов. Тоже проеб и тоже леваки. На входе стоял киоск с «кассой». Там понятно, что нужно брать бабло за вход на пляж и выдавать взамен билет, чисто формально. Сидишь себе в тенёчке, водичку пьёшь. И самое страшное – это уборка пляжа, поддержание чистоты. Т.е. какой-нибудь жирный пьяный

пидарас лежит на покрывальце на берегу, открывает бутылку пива, выпивает её в два глотка и кидает за метр от себя так, чтоб в других не попасть, а ты ходишь и убираешь за ним. Только он такой там не один, а 90 процентов. Вот и я ходил, убирал. Ходишь, гавно за другими убираешь, а там какие-нибудь твои знакомые отдыхают, а ты пашешь на жаре в дурацкой футболке какой-то партии.

Им (знакомым) работать не надо – у них родители богатые. Я доработал тогда месяц и ушёл. Получил пять с половиной тысяч рублей. Не помню даже, на что тогда их потратил, если и вовсе матери не отдал.

Потом я впаривал симки на ж/д вокзале и 7-ой гвардейской и кидал листовки по почтовым ящикам. Почти все, наверное, это проходили.

Я уже чуть-чуть подрос, и настало время работать сторожем или разнорабочим на стройке. Сторожем я работал дважды: в двухэтажном торговом павильоне «Китай-город» и на промбазе, что под «Максимкой».

Что могу сказать по поводу этой замечательной профессии: много пил и читал я и там, и там, хотя от «Китай-города» до промбазы прошло года 3.

Кстати, в «Китай-городе» я работал в тот период, когда ушел из «Горхоза» и готовился к поступлению в «Кулёк». Надо было пересдавать ЕГЭ по русскому языку и сдавать литературу. К литературе я готовился на работе. Сам. Просто читал всю школьную программу. Что-то в кратком изложении, что-то полностью. И, признаться, сдал экзамен я лучше всех из группы, с которой сдавал, несмотря на то, что они занимались весь год с репетиторами.

Работе на стройке разнорабочим можно посвятить, наверное, целый роман. Но, чувствуется мне, мой немногочисленный читатель, что я тебя заебал немного, и я постараюсь быть лаконичнее.

Что такое работа на стройке? Это бригада мужиков-неудачников, которые сначала тебя учат жизни, а потом ты с ними пьёшь дешёвую водку, и они хотят с тобой сбратоваться.

В конце июня 2011-го года мы с Полиной решили побывать в Питере, и я добровольно пошёл работать. Отчим моего товарища, будучи сам работником в сфере строительства, подсуетил нам с ребятами работку. Нужно было помогать бригаде мужиков устанавливать водопроводные трубы на высоте 12 метров в строящемся автомобильном салоне «Лексус» на Землячке. Платили по 600 р. в день. Пришёл работать туда я с Диманом Грязным и пацанами со двора, так что, хоть работа и была тяжёлая, всё равно было весело. Мужики нас отправляли за водкой и пивом. Мы ходили, хоть и не были шнырями. Это было проебом.

Среди всех мужиков из бригады могу выделить троих: дядь Саша, Вова и молодой парень Артём. Все они, во-первых, больше всех пили. Дядь Саша расписал себя сразу так, что он там чуть ли не герой Куликовской битвы. Везде побывал, гусеницы танкам перегрызал и т.д. Мы и верили и не верили. По большому счету, нам было плевать. Но, ко всему прочему, отмечу, что сварщик он был хороший. Потом, правда, много кто за него сказал, что он натуральный пиздабол.

Вова был другом дядь Саши. Это огромный двухметровый ВДВшник с голосом, похожим на фальцет Бориса Моисеева. Все мы думали по началу, что он слабозадый. Всё звал меня к себе на частный дом обучать каким-то боевым искусствам. Оказался в итоге он не слабозадый, а нормальным мужиком. Растит дочь. Последний раз, когда его видел – бросал пить.

Молодой парень Артём пил много и летел с катушек. Когда напивался, у него включался режим спортсмена. Он рассказывал, как он чем-то там занимался, как кому-то давал пизды. Однажды на свой день рождения он позвал нас с Грязным к себе в гости. Жил он с мамой и отчимом. Отчим был азербайджанцем. Азербайджанец сидел за столом, пил водку, закусывал свининой, а потом закуривал сигарету. Тогда я впервые услышал фразу:

«Под крышей аллах не видит».

Потом мы поехали к Грязному домой и сожрали почти всю кастрюлю охуенной холодной окрошки на кефире, которую так круто готовила его мама.

На эту же стройку я ещё вернусь в октябре для того, чтобы заработать на поездку на концерт «Ленинграда».

Ещё я работал оператором в кол-центре. Нужно было впаривать зеленый чай, который, после его употребления, чуть ли не бессмертие обещал. Зарплата была хорошая, но приходилось наёбывать бестолковых старух, что само по себе – неприятно. А когда куратором по смене поставили чурку, который до этого наравне работал с нами, меня уволили, т.к. я внаглую забивал на него хуй. Слишком резко и быстро уж он (чурка) возомнил себя хозяином. Я хотел потом его выцепить и голову отбить, но какие-то другие проблемы накнулись и я забыл (забил).

Потом я работал менеджером по продажам. Ебучие холодные звонки. Продавать нужно было наружную рекламу: визитки, плакаты, баннеры, билборды, скроллеры и прочее. Стажировка длилась месяц и оплачивалась десятью тысячами рублей. Поработав неделю, я договорился о том, что буду большую часть времени работать дома, что интернет у меня есть, и я буду искать клиентов дома и дома же прозванивать. Конечно же, я проёбывался и почти никому не звонил дома. Приходил пять рабочих дней в неделю в течение месяца в офис на пару часов, чисто отметить:

«Да, ищу. Да-да, я стараюсь, но пока не могу найти клиентов, которым было бы выгодно сотрудничать с нами».

В конце месяца меня уволили, но червонец мой мне отдали. На него я тогда закатил дикий кутёж на свой день рождения в баре «Чили».

Однажды зимой я устроился работать водителем детского паровозика в «Парк Хаус». График два на два. Смена – 900 рублей. Работать по 12 часов. Нормально. Однажды я пришел на работу в кроссовках, домашних трико, майке «алкашке» и пиджаке. Начальство охуело и отправило меня переодеваться домой, въебав штраф 200 рублей. Несправедливо. Типа дресс-

код. Помимо того, что мне нужно было возить детишек на паровозике, нужно было вязать шарики, как в фильме «Маска», помните? Вязал я две фигуры: шпага (для пацанов) и цветочек (для девочек). Быстро научился. Здорово, что я всему быстро учусь.

Итак, когда поездка заканчивалась, я вручал шпагу или цветочек мальчику или девочке соответственно. В один из таких рабочих зимних вечеров я возил детишек, а из последнего вагончика, куда я складывал запасы навязанных шпаг и цветочков, стоя цыган начали их воровать (цветочки и шпаги) и залазить в вагончики с детьми, на что я отреагировал криком:

«Я вам сейчас ноги повыдёргиваю!»

Они съебались.

Когда я заканчивал круг на паровозике, впереди я снова увидел цыган, которые шли навстречу. Во главе шёл удивительно смешной пухляк, похожий чем-то на персонажа фильма «Брат-2». Это я про негра-сутенера. Цыган просто тоже был в шубе, поэтому такая ассоциация. Итак, идут они навстречу, а пухлый расстегивает ширинку, как бы намекая на то, что он со мной сделает. Я указал, куда подойти, после чего они отошли, а я завершил круг. Высадив детей и подарив им по шпаге или цветочку, я достал из рюкзака нож (которым я бы и вряд ли воспользовался) и перцовый баллон. Цыган рядом не было. Я пошёл их искать. Обошёл этажи. Даже на улицу выходил. Куда-то исчезли. Цыгане, блять, - уличные маги (от слова маг (чародей)).

Меня уволили и оттуда. Спустя несколько дней после этого инцидента, а может и спустя неделю. Просто сказали, что я им не подхожу.

Через своего кореша Игоря я устроился в оружейный магазин. Огнестрелы там не продавались. Продавались ножи, пневматика, арбалеты, луки и всё, что с этим всем связано и находится в свободной продаже, по крайней мере, в РФ. Там платили 500 рублей за смену 12 часов. Работали четыре на два. Не знаю, почему я вспомнил именно про эту работу. Ничего интересного с ней не связано, как и со многими другими, которые я не

описывал в этом рассказе. Самое интересное, скорее даже смешное, так это то, что устроился в оружейку я почти сразу после того, как меня уволили с почетного места водителя детского паровозика.

Когда я приехал в Петербург я долгое время не работал, т.к. приехал с Бородой, а у него было дохуя денег, которые он хотел со мной вместе срочно потратить. Но настало время, когда Борода предъявил мне за то, что я не работаю, и я пошёл устраиваться на работу, точнее стал искать работу.

Сначала нашел вакансию бармена в пивнухе на станции «Приморская». Обещали 21 тысячу рублей в месяц, но работать 6 на 1. Я даже подписался под это, но мне позвонили и дали отбой, мол: «Регистрации у Вас, Денис, нет, так что извините».

Через несколько недель я встретил случайно у Московского вокзала своего старого кореша. Оказалось, его девушка работает в какой-то мутной конторе и сможет сделать мне левую регистрацию, а также помочь с работой.

Я устроился курьером в эту мутную контору. Нужно было ездить по УФМС, доставлять документы. Ну, тысячу в день можно было делать, а так – 800, в основном. Оттуда наполовину я сам ушёл, наполовину меня уволили.

Я проспал с бодуна работу. Через недельку где-то я уже работал администратором в хостеле, в котором жил на тот момент. Такой неформальный хостел. Тогда он назывался «InTime» и находился на Лиговском проспекте. Сейчас его уже там нет. Начальством там были Юля и Витя. Жена и муж. Витя часто пил со мной и Бородой. Было весело. Иногда Витя приезжал в мою смену, и мы устраивали всем хостелом кутёж: бухали, играли на гитаре, пели, орали и громко смеялись. До этого Витя сам работал админом в своём же хостеле. Однажды мы с Бородой до утра куролесили на Невском, а когда пришли, хостел был заперт изнутри, а Витя спал. Тогда мы с Бородой залезли через окно на кухне (хостел находился на первом этаже), где как раз и спал Витя. Наш доблестный начальник даже не проснулся. За ночь до того, как я стал админом этого хостела (точнее даже будет сказать – в

ночь) произошло две весёлых истории. Первая касается админа, который работал до меня. Данил. Вроде как коренной петербуржец, но из пердей.

Короче, такой же колхозник, как и я, по сути. В общем, всё время моего пребывания в хостеле (а скорее всего, и до меня), вёл он себя, как бы так сказать, некорректно по отношению к постояльцам. Пафос. Пафос брызгал из него метафизической струёй. К примеру, мы с Бородой не отталкивали от себя низкобюджетные алкогольные напитки. «Блэйзер» (далее – пиджак, т.к. таков уж перевод) и «Виноградный день» шли чудно. Кстати, по поводу вишневого пиджака – всё пиздеж! Типа он самый пиздатый. Враньё. Хипстерство. Самый охуенный – дыневый! Ну, так вот, когда мы заваливались каждый день с Бородой в хостел пьяные в жопу, Данилка на нас осуждающе глядел, даже презрительно. А заваливались мы именно днём, т.к. всю ночь кутили на Невском. Дело в том, что мы могли себе позволить и «Балантайс», но пили именно дерьмо. Потому что так хочется. Так всегда: денег нет – хочется «Балантайса», денег дохуя – подавай «Пиджак». Но дело тут не в Пиджаке. Дело в том, что Данилка со своей подругой раз в недельку брали в алкомаркете по паре бутылочек (0.5) дорогущего пива, рублей по 180 за бутылку. Они пили его и всем своим видом хотели показать, что они выше всех на свете. В общем, в ту ночь, про которую я писал выше, я прилично нахуярился и высказал всё Данилке, да в такой форме, что он позвонил начальнице Юле и сказал, что не может работать в таких условиях, а на следующее утро ни его, ни подруги уже не было. Даня, конечно же, понимал, что либо я набыю ему ебало в следующий раз, либо под простынь насру, и решил смотать удочки и дёрнуть.

Но вернемся к моменту, когда Данилке я всё высказал. Он ушёл спать со своей дамой к себе в комнату, а мы продолжали гудеть. Тут такое дело еще, что все хотели Дане высказать за его неправильное поведение, но либо стеснялись, либо действительно веских причин не было, что хотелось бы отметить. Этот червяк действовал так – он доёбывал почти до предела, потом отпускал, при этом, не давая веской причины дать ему мясистого словесного

леща. В общем, я сделал это, а другие жители поддержали. По сути, мы изгнали этого аборигена из нашей родной межрегиональной, а где-то даже и международной обители «почти петербуржцев». Да и пошёл он на хуй, чёрт ебанный. В общем, он ушёл с подругой спать и всё. Мы пили и веселились. Потихоньку стали расходиться. И я пошёл спать тоже. Утром я узнал кое-что. Это было смешно, как минимум. Борода остался пить на кухне, когда все разошлись. Потом, стало быть, ему захотелось в туалет. Помещения с унитазами в хостеле было два: одно – маленькое, чисто под унитаз, и второе – с ванной, раковиной и т.д. Вот Борода выбрал первый. Впрочем, они всё равно находились рядом.

Утром Бороду обнаружили вот в каком положении: он лежал на животе так, что голова (голова была в кепке практически всегда, как у Лужкова) его лежала на проходе, а руки прижаты к груди (видимо так теплее), штаны с трусами спущены ниже колен так, что жопу голую его видно, а остатки ног лежали в пространстве меж унитазом и боковой стеной.

Даня скакал и злорадствовал, снимая на видео Женю, брызжа слюной, типа:

«Ну щас я позвоню Юле и все пиздец, а я молодец».

Но ребята взяли Женю, да и отнесли его на своё место. В итоге меня уволили из хостела спустя месяцев 8 или 9 за то, что я на каком-то хостеловском кутеже кому-то хуй показал. А видео с Женей, кстати, до сих пор у меня осталось.

Из Питера я сразу поехал в Рязань на недельку к своему корешу Вите. Он устроился там работать в оркестр трубачом. Да-да! Это тот самый трубач, который играл в Волжанине. Я прибыл в 5 утра, Витя встретил. Пошароебились днём немного, ожидая вечер. Вечером думали отметить встречу. Пошли закупаться в «Красное и Белое». Эта такая сетка алкомаркетов в Рязани и не только. Заходим, выбираем водку, пиво, запивон.

Я решил доебаться до продавца, спросив в шутку: «Вам сотрудники не требуются?»

Так вот, он посмеялся и распечатал мне анкету. Я забрал её с собой. Через день я пришёл с заполненной анкетой, также, вроде бы, в шутку. Меня направили в один из магазинов и... приняли на работу. Вот так я приехал, а через день уже устроился на работу в алкомаркет. Проработал я там месяц. Контингент, завися от местности, был низкого уровня. В основном, алкаши и пьющие родители. Ничего особенно интересного там не происходило, только пили на работе иногда в «мертвой» (или «слепой») зоне.

Рязань – очень скучный город. Там ощущение такое, будто время остановилось еще в году 60-м. Я получил копеечную зарплату и съехался поскорее в Волгоград.

Я созвонился с водилой, которого отыскал на «Бла Бла Кар». Он забирал меня с первой продольной. С Красного завода. Ехать в Краснодар от 8 до 10 часов. Он забыл флэшку с музыкой, а радио нам слушать не хотелось. Я предложил свой плеер. Он согласился. Сначала слушали «Ленинград», а потом в колонках начал ебашить «Коловрат». Относительно новый альбом, «Радикальный голос» 2008-го года, вроде. Я очень удивился, когда водила спросил:

«О, а эт че, Коловрат, что ль?»

Ехал в Краснодар я к Алёнке. Она работала продавцом в магазине одежды. Мы сняли комнату через её знакомых. Я недели три не работал. Ничего не мог найти. Потом устроился в пивняк-кафе помощником бармена. Работать нужно было с 5 вечера и до 11 (вечера). Насыпать сухарей, пива налить, звонок принять, со столов убрать. Работа убогая, но бабло нужно пиздец. Тем более, бабло в конце каждой смены на руки – 600 р. В Граде столько за весь 12-ти часовой день получают. Потом с кухни уволили повара (их было трое), а мне повара предложили пойти попробовать на кухню. Я пошёл. Ебашил, как проклятый. В итоге, я научился лепить ебучие пиццы с пирогами, и вот, с июля месяца и до сих пор (сегодня 18 января 2016 года) я работаю поваром (кто бы мог подумать). Получаю я около 40 и не жалуясь. Теперь мне не нужно занимать бабло на бухло и я могу пить то, что захочу.

Как же я заебался писать этот рассказ про работу. Я так работать не заебался, как писать этот рассказ. Он получился длинный и скучный, как старая проститутка. Всё же очень странно то, что те, кто не любит работать, поработали в стольких местах, что пальцев и на руках, и на ногах не хватит, чтоб посчитать эти места. В моей жизни сразу всё пошло как-то не так после того, как я начал работать. Меня наебали. Но я всё равно жду того момента, когда мне не придётся работать вообще.

«Вышли мы с Андрюхой покурить на улицу...»

Мы с Андрюхой вышли покурить на улицу. Мимо проходил знакомый, которого тоже зовут Андрей. Он вегетарианец, и ему 30 лет. Он шёл с двумя огромными пакетами и своей девушкой. Подошёл. Мы поздоровались. Спросил: «Как дела?»

Я ответил что-то. Я всегда по-разному отвечаю, один хер никому почти это по-настоящему неинтересно. Могу ответить: «Утюг». И наблюдать за реакцией. Впрочем, она такая же, как если бы я ответил: «Плохо», или «Хорошо».

Я задал такой же вопрос ему. И он ответил: «Ничего, работаем, живём, не унываем».

Тогда я не придавал этому значения. Попиздели ни о чем, да разошлись.

На следующий день я шёл пешком на работу и вспомнил эту незамысловатую беседу. Как понимать это «не унываем»??

У тебя что, ноги отказали? Или трамвай руку отделил от тела, и ты теперь только одной рукой драть можешь?

Или, может, какой родственник тяжело болен? Или жена не может детей иметь? Или только от тебя не может? Почему ты должен унывать-то?

Ты дожил до 30 лет чтобы не унывать и гордиться этим? Станные они, эти вегетарианцы...

После работы, налепившись ебучих пицц, мы с Андрюхой любим наебениться до усрачки, а потом встречать во всяческого рода дерьмо.

Это был как раз один из тех вечеров.

Мы взяли пивка. Литра по 4 на каску. Подтянулась Алёнка. Она была не в настроении, но когда пригубила, - вроде получше ей.

Стас звал к себе кутить. Мы отказывались, т.к. на следующий день на работу. А это была пятница. А в пятницу дохуя предзаказов и заказов. Была

толпа народа, все собирались к Стасу. Мы решительно отказывались. Дело даже было не в работе, а в том, что Алёна очень не хотела. А я очень хотел.

Вся шайка пошла к Стасу. Спустя минут сорок мы с Андрюхой всё-таки уговорили Алёнку. Звоним Стасу и идём. Приходим, там кутёж такой нормальный. Я беру гитару, начинаю играть. Вадик Дед просит играть «Батарейку», а я играю всё что угодно, но не «Батарейку». В основном, «Ленинград» и что-то из своего. В общем, орём, пьём и веселимся.

Потом Андрюха спрашивает так резко у Стаса:

«Есть трос?» - «Ага» - отвечает Стас. - «Ну так пошли!»

У нас с Андрюхой давненько родилась идея оторвать мусорный бак и покататься в нём, прикрепив к машине.

Дело в том, что в Краснодаре мусорки есть особенные. Такие огромные баки, прикрученные болтами к постаменту. Корпус из профнастила какого-то, что ли. Вот, а внутри мешок огромный из непонятного материала. Когда подъезжает мусоровоз, он клешней поднимает мешок, подносит его к кузову, там уже работник как-то ослабляет крепеж мешка, который на дне, и мусор сыпется в кузов. И это мы потом всё узнали.

Итак, мы ломимся в тачку. Стас, в жопу пьяный, заводит то ли 12-шку, то ли 13-шку свою, и мы едем к бакам.

Как потом выяснилось, баки находились напротив дома, где базируется управляющая компания. Также баки находились и напротив другого дома – где находится наше заведение, где мы работаем.

Подъехав, мы увидели, что нам ну никак не удастся сорвать эти крепежи. Тогда я, зачем то, пытаюсь поджечь мусорку.

Как потом покажет следствие, поджигал я её минут 20-ть.

Ну никак она не возгоралась, а еще я выпивши был же, ну! В тот момент, когда я справился с задачей, за мусоркой на пустыре раздался оглушительный взрыв, да такой, что сигналки сработали у многих припаркованных поблизости машин. Это Стас с Викой взорвали кегу. Пустую кегу с нашего же пивняка.

Некоторое пиво привозят в одноразовых пластиковых кегах... литров на 30-ть вроде. Ну, там давление же в них остаётся, сами понимаете. Кладёшь кегу в картонную коробку и поджигаешь её. Потом дикий взрыв. В общем, мусорка пылает, взрывается кега, мы прыгаем в тачку и едем дальше.

Доезжаем до угла дома, где «Агрокомплекс» и видим напротив него огороженная мусорка, а там баки на колёсиках. Вот оно! Вот оно!!!

«Тормози, Стаааас!»

Выпрыгиваем из тачки, выкатываем бак на дорогу, попутно выкидывая из него пакеты с мусором. Хорошо, что не много их было. Запрыгиваем в бак: я, Алёнка и Андрюха.

«Гони, Стас!!!»

И мы погнали.

Я не знаю, как мы остались в живых.

Во-первых, ехали мы быстро, как выяснилось на следующий день, т.к. было видео. Мы, честно говоря, охуели от скорости. Во-вторых, по обочинам перманентно до конца дороги стояли тачки. Мы, кстати, чудом ни одну не задели. Действительно, чудом, иначе можно было сразу съёбываться из города, потому что расплатиться за всё это мы бы точно не смогли. Когда Стас хорошо уже разогнался, мы проезжали горящую мусорку, а на следующем повороте стояла толпа ночных мотоциклистов. Экстремалы, наверное. Когда они увидели нас в баке, который тросом пристёгнут к тачке, да и ещё на такой скорости, они, мягко говоря, охуели. У них аж шлемы, которые они держали в руках, запотели. Наверное, мы высушили их самолюбие, и они перестали быть уличными гонщиками, а может и не перестали. Неважно.

Когда мы подъезжали к перекрёстку, Стас затормозил, и бак повалило вместе с нами на асфальт. Мы громко смеялись, отделавшись ссадинами и вонью, которая передалась воздушно-капельным путем от бака.

Сзади нас ехал мужик на тачке. Когда мы упали, он объезжал нас с невозмутимым лицом, будто на своём веку он и не такое видывал, может даже с инопланетянами водку пил с горла.

В наше отсутствие к Стасу домой запёрлись мусора. Не из-за мусорки, конечно. Из-за шума, который мы создавали часа 2-3 назад. То ли никто им не открыл, то ли еще что. Короче, бестолковый визит. Доблестная полиция, как всегда, вовремя и, главное, по делу!

Когда мы закончили с мусоркой, мы поехали кататься по району, по дворам. Из какого-томагаза, где мы покупали очередную порцию бухла, я спиздил резиновый коврик и от души подарил Стасу. Он (коврик), теперь лежит у Стаса в багажнике. Мы встали где-то на углу дома, врубили музю в тачке на полную катушку и пили. Кто-то кинул сырое яйцо, и попал в машину. Мы долго кричали что-то нехорошее этому пидорасу. Хотели, чтоб он вышел. Но он не вышел, и хорошо. Приближалось утро, а мы, вызвав такси, прикладывались к своим полторашкам «Новоросса».

Андрюха всё прикладывался спать на траву, но такси приехало, и мы двинули по домам.

А теперь, мой немногочисленный читатель, о последствиях. На следующий день мы вышли с Андрюхой на работу, где подышали от недосыпа и бодуна. Светило солнышко, люди ходили и улыбались, а мы с Андрюхой выходили курить, и нам казалось, что после вчерашней ночи все косились на нас, будто знают о нашем маленьком вчерашнем кутеже. Все равно мы весь день ржали, как кони, вспоминая то, как кошмарили ночью район. Ржали мы до тех пор, пока не появилась усатая дрянь с папкой в руках. Усатой дрянью оказался директор управляющей компании. Подошёл он с вопросом:

«Ребят, а вы здесь работаете? А тут ни у кого из ваших нет черной 12-шки (или 13-шки)?» - «Нет, нет, что вы! Мы пешком все. К сожалению...» - ответил за нас Андрюха.

Усатый продолжает:

«А то тут вчера какие-то отморозки мусорку подожгли, и вы, молодой человек (обращается к Андрюхе), очень похожи на одного из участников поджога».

А Андрюху и, правда, сложно с кем-то перепутать: пухлый, низкого роста, лысый, с бородой. Вроде и типичный, а вроде и не так часто увидишь такого.

«Ничего, разберемся», - в советском стиле кинул напоследок усатый и ушёл восвояси.

Мы конкретно призадумались.

Новостей не было около недели, если не больше. Мне звонит начальник, мол:

«Подъезд, надо пообщаться»

Я: «Случилось чего?»

Он: «Подъезд»

Я понимаю, что дело мутное, и, скорее всего, это всплывают ебаные мусорки и меня могут ожидать разговоры с ебаными мусорами.

«Какое весёлое дело они смогут завести», - думал я, - «мусора заводят дело по мусоркам».

В общем, понимая, что может произойти всё, что угодно, я надеваю рубашку с длинным рукавом, т.к. у меня татухи на руках такого содержания, что любой А.С.А.В. доебаться захочет.

Приезжаю, а там Вика. Ей тоже позвонил начальник с той же просьбой, что и мне. В общем, мусоров не было. Начальник собрал меня, Андрюху и Вику и просто сказал:

«Ну что я могу сказать, вы де-би-лы!»

Короче, весть о поджоге и прочих наших приключениях дошла до начальства. Оказалось, у управдома стоят камеры напротив мусорок, да такие, на которые даже ДиКаприо не снимался. Короче, отпираться смысла не было. Наше начальство немножечко попиздело с управдомом, и тот, в свою очередь, готов идти навстречу.

Ну мы пошли договариваться. Пришли, зашли, Вика с Андрюхой уселись, а я остался стоять, заведя руки за спину и там их скрестив. Ну объяснились, типа пьяные были, туда-сюда, с кем не бывает. Оказалось, ни с кем не бывает, кроме нас, ну да ладно. Вовремя мы пришли к усатому.

Оказалось, что была написана малява в мусарку, и нам грозило от 4-х лет. Вы скажите: «Да ну нахуй! За какие-то мусорки, да еще и 4 года! Такого не бывает!»

Я вам скажу вот что:

«Если б такого не было, я б каждую пьянку их жёг. Во-первых, сумма ущерба превзошла 10 тысяч деревянных; во-вторых, всё веселье было группой лиц. Так что, встряли мы крепко. Короче, допизделись мы с усатой дрянью о том, что мы оплачиваем ущерб, а он забирает маляву, и мы мирно расходимся каждый по своей убогой жизни: кто-то по усатой дорожке дальше пойдёт, а кто-то потом обо всём этом рассказ накатает. Это я про себя любимого».

Подсчёта суммы ущерба мы ждали больше месяца. Нам должны были позвонить, но никак не звонили. Всё это время мы гадали, какая же сумма вылезет. Думали уже, что если больше 50 тысяч, то свалим из города. Ну не платить же 100 тысяч за поганые мусорки!? Мы уже стали в глубине души надеяться на то, что про нас забыли, но нет. Звонок раздался. Я пошёл в Управу.

Сидел там, в кабинете, и опять ждал.

«Как они заебали. Как же долго», - сидел на стуле и думал я.

Принесли бумажку. Сказать, что я охуел – это ничего не сказать.

Шестьдесят тысяч рублей. Пятьдесят две за мусорку и восемь за монтаж.

Хорошо, там мужичок работает нормальный. Он со смехом ко всей этой ситуации относился. Он нам здорово помог. Жирная бухгалтерша, похожая на свиноматку-алкашку, хотела нам сотку выставить, но этот мужичок вдвое срезал сумму, а потом еще с 60 тысяч спустил до 55.

Вот это Человек! Без этой ебаной жажды выгоды.

Договорились, что отдадим сумму за два месяца, в четыре платежа, по почти 14 тысяч каждые две недели.

Напоследок он включил видео, где прекрасно видно наш угар.

Мужичок спросил:

«Я вот никак не могу понять, где тут ты?»

А в этот момент как раз я закидываю кусок горящей бумаги в бак, не попадаю, снова беру кусок бумаги, снова поджигаю, снова пытаюсь закинуть так, чтоб всё возгорелось.

«Да вот же я!» - отвечаю, при этом широко улыбаясь, то ли действительно от забавы, то ли маскируя стыд.

Дописываю рассказ сейчас и думаю: вот мусорка (один бак стоит сто тысяч), камеры на управдоме очень дорогие, а людям некоторым пожрать нечего. Ладно, это всё сопли.

Заметил одну очень забавную штуку недавно. Жизнь похожа на бабушкину закрутку с соленьями – ради неё очень хочется сходить за бутылкой и выпить за то, чтобы никогда не унывать, а потом закусить огурчиком или помидорчиком там солёным.

Леонид Хлямин

Денис Пиджаков

**САМОАПОЛОГИЯ
ЖИЗНЬ ОДНОГО ЧЕЛОВЕЧНИКА**

Художественный редактор А. Веснин

Корректор Т. Самарская.

Компьютерная верстка В. Левшина

Подписано в печать 24.05.16.

Формат 84 х 108.

Гарнитура NewBasket. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Тираж 1000 экз.

Заказ 93.62.

«Lost Poetry Front»